

Алёна Сереброва

ДЕЛО О СТАЯХ

Славе двадцать девять, у него есть дочь, съёмная квартира пополам с лучшим другом и работа в особом отделе полиции. А ещё дело, которое он хочет раскрыть во что бы то ни стало. Кто-то уже много лет убивает оборотней по всей стране и Слава уверен, что все эти убийства связаны. Когда-то так погибла его лучшая подруга, а друг лишился семьи. Другая похожая трагедия внезапно подарила Славе дочь. И наконец у него в руках оказывается хоть какая-то зацепка. Но есть ли среди подозреваемых кто-то причастный к происходящим убийствам? И чем обернётся для Славы попытка это выяснить?

Конференц-зал полицейского участка жужжит, как растревоженный улей. С фотографий на большом экране на них смотрят жертвы. Мужчина и подросток уже мертвы, их тела нашли в мусоровозе по частям, третья...

Слава облизывает сухие губы и прячет руки в карманы чёрных джинсов. Внутри неприятно щекочет, требуя действовать или хотя бы двигаться, но он себя сдерживает.

Третья может быть жива. Она и её ещё нерождённый ребёнок.

По полученным данным похищенная была на девятом месяце беременности.

Слава смотрит в светло-карие глаза незнакомой женщины и обещает себе найти её. Хотя бы её.

— Эй, — окликает его кто-то совсем рядом, и Слава отводит взгляд от фотографии. — Ты новенький? Я тебя раньше у нас не видела.

Слава прикидывает, как выглядит со стороны: светло-серая рубашка, чёрные джинсы, такие же кроссовки. Молодой, наивный и готовый внимать словам старших стажёр. Славе двадцать четыре, но наивным он себя не считает.

— В какой-то степени, — увिलивает он от ответа, когда молчание затягивается, а немолодая, темноволосая женщина в форме не отступает.

— Тяжело, наверное, смотреть вот на это всё... не стоило им тебя сюда звать.

Слава снова смотрит на экран. Тот сейчас поделён на две части, на одной всё так же изображены лица жертв, на второй же — фотографии с места преступления. То, во что превратились тела отца и сына.

— Всё в порядке. Я сам пришёл.

Он не врёт, ни о том, что его можно считать новеньким здесь, ни о том, что пришёл сюда сам. В этом отделении Слава всего несколько часов и явился сюда именно за этим. За тем, кто виноват в появлении фотографий на экране.

Серия убийств, о которой никто бы так и не узнал, не сунь Слава нос в одно из дел, а потом ещё в одно, и ещё. Не ищи он похожие случаи.

Разные города, разные люди, разное время. Объединяет их лишь жестокий способ убийства и кровное родство. В каждом городе это близкие родственники, живущие вместе, чаще семья.

— Итак, — заявляет главный: грузный с проседью мужчина. Имя вертится на языке, но Слава не может его вспомнить, да и не старается. Само придёт в нужный момент. — У нас есть адрес. Выдвигаемся.

— Я с вами, — заявляет Слава, как только главный оказывается в непосредственной близости от него.

— Конечно-конечно, — ядовито усмехается тот, показывая зубы в хищном оскале. Только на Славу это не производит никакого впечатления, до хищника майор не дотягивает.

— Шиза едет с нами! — объявляет он на весь конференц-зал и Слава морщится.

Их отдел считают сборищем самоуверенных говнюков с привилегиями и, как правило, не любят. Впрочем, не любят всех, кто приезжает из столицы и лезет в чужие, как им кажется, дела.

— Не бойтесь запачкаться? — мелочно уточняет кто-то.

— А вы? — вопросом на вопрос отвечает Слава, прежде чем, подобно камню из

рогатки, вылететь из дверей конференц-зала.

У них есть адрес.

Слава впервые так близко.

* * *

Захватив из служебной машины бронежилет и пистолет, Слава в последний момент успевает заскочить в полицейский фургон. Цыкает, когда тот срывается с места, едва не впечатывая его в закрытую дверцу.

Улёгшийся у ног кинолога пёс провожает Славу задумчивым взглядом, но даже не делает попытки подняться.

«Бессмысленно» — констатирует он, мельком глянув на собаку в ответ и заняв свободное место.

Машину мотает на каждом повороте, так что бронежилет одевается с трудом, а ругань так и вертится на языке. С которого едва не срывается, когда майор заявляет:

— Внутрь вы с ними не идёте.

Не с «нами», отмечает Слава, а с «ними». Майор двигаться со своего места, похоже, не собирается.

— Ошибаетесь, — Слава показательно перезаряжает пистолет. — Я должен быть там.

Он кивает в сторону окошка, за которым медленно проплывает улица. Похоже, водитель сбросил скорость.

— Послушайте. Я за вас отвечаю, поэтому вы сидите здесь тихо и не высовываетесь. Ребята знают что делать.

— А теперь послушайте меня. Вы даже не представляете, что можете там найти. Поэтому. Я. Иду. Туда.

Слава выделяет каждое слово, давая понять, что не намерен отступать. Он идёт и точка.

— Я с вами или без вас.

— Шиза! — как плевков летит в спину, когда Слава первым шагает на нагретый солнцем асфальт, стоит только фургону остановиться.

Впереди старый, требующий сноса, некогда жёлтый двухэтажный дом, укрытый с нескольких сторон одетыми в зелень деревьями и разросшимися кустами. Длинная трещина уродует осыпающийся краской фасад, двери подъездов гостеприимно открыты, но выглядят, как голодные пасти.

Слава замирает, чувствуя, как сердце в груди разгоняется, отдавая грохотом в ушах. Сколько бы он ни бравировал, сколько бы ни давил, но это всё равно будет третий его выезд. В два первых раза с ним был кто-то из команды, сейчас же...

Он оборачивается, чтобы успеть заметить кивок майора и быстро двинувшегося к ближайшему подъезду кинолога с собакой. Они, видимо, о чём-то договорились внутри фургона, потому что сейчас не звучит ни слова. Ровно до тех пор, пока пёс не доходит до дверного проёма.

Слава щурится, наблюдая за тем, как собака напряжённо замирает на границе света и тьмы, как инстинктивно поджимает хвост и начинает поскуливать.

До боли знакомая и красноречивая реакция. Они пришли по адресу. И самое главное — жертва ещё жива.

Майор ругается сквозь зубы, кинолог отступает, уводя с каждым шагом всё больше успокаивающегося пса, Слава снимает пистолет с предохранителя.

Он ещё какое-то время мнётся, чувствуя, как потеют ладони, и, дождавшись решения майора, следует за командой. Вверх ему не надо, никто не будет держать жертву в старой, насквозь прогнившей квартире с окнами и отвратительной звукоизоляцией.

«Вниз» — решает он, замерев перед разъявленной пастью подвала, к которой, словно каменный язык, ведут несколько ступенек.

Слава включает фонарик, прежде чем окунуться в темноту. И, судя по тому, что рядом тьму разрезает ещё один луч, не все из группы пошли наверх.

* * *

Происходящее Славе нравится всё меньше и меньше. Слишком уж... просто.

Они без проблем спускаются по короткому узкому коридору, довольно быстро находят выключатель. Висящие на скрученных проводах голые лампочки, мигнув пару раз, тускло освещают старые, кое-где покосившиеся двери, идущие по потолку проржавевшие трубы и обветшавшие кабели.

«Слишком просто» — соглашается Слава, облекая в мысли неприятное, царапающее ощущение внутри.

Из всего ряда дверей выделяется лишь одна, почти посередине подвала: даже на вид крепкая и совсем новая.

Поймав взгляд полицейского, Слава кивает в её сторону. Он ждёт, что тот воспользуется рацией и вызовет подкрепление. Слава точно знает, что лезть вдвоём опасно. Однако, ни его самого, ни его мнение воспринимать всерьёз, похоже, не собираются. Полицейский даже не тянется к рации, но к цели всё-таки приближается и знакомым жестом указывает пистолетом на дверь.

«Раз, два, — отсчитывает про себя Слава, сжимая пальцы на простой ручке. О том, что дверь может быть заперта, он даже не думает. — Три».

Слава рывком тянет дверь на себя и та распаивается, будто их там ждали.

Хриплый рык вызывает внутри дрожь и щепоть страха. Инстинкты предупреждают об опасности. Слава видит, как мешкает офицер. Всего секунда, но она оказываются решающей.

Выстрела не слышно, но офицера ведёт в сторону. Спасает лишь бронежилет. Два ответных выстрела звучат куда как громче, а следом всё мешается в кучу. Оживает рация, хлопает дверь где-то сверху, рык превращается в скулёрж.

К новым выстрелам присоединяется уже и Слава. Только противника укладывает офицер. Именно после его выстрела раздаётся вскрик и мат.

Все звуки превращаются в фоновый шум, стоит только Славе, вслед за офицером, перешагнуть порог. Словно в стоп-кадре взгляд выхватывает вбитый в дальнюю стену крюк, тянущуюся от него к тонким запястьям цепь, хрупкую женскую фигуру в местах порванном, ничуть не скрывающем большой живот, некогда светлом сарафане.

Убедившись, что противник обезврежен, Слава делает шаг к женщине и та, сверкнув глазами, рычит.

— Я не причиню тебе вреда, — обещает Слава, поднимая раскрытую ладонь.

Он прячет пистолет за пояс джинсов, прежде чем сделать ещё шаг.

Цепь звякает, натягиваясь, и Слава понимает, ноги они ей тоже связали. Так чтобы ни шага, ни единой возможности побороться за свою жизнь.

— Ты знаешь, что я не вру, — продолжает он, спокойно встречаясь с женщиной взглядом. Некогда светло-карие радужки сейчас словно полыхают рыжим огнём.

— Что это за хрень?..

Вопрос вынуждает Славу обернуться. Офицер. Застыл соляным столбом, опустив пистолет.

— Делайте свою работу и не мешайте мне делать свою. И найдите чёртовы ключи!

Слава сейчас и сам готов рычать. Всё не на его стороне, абсолютно...

Он замирает, чувствуя, как сердце пропускает удар. Иссиня-чёрная паутинка разбегается по коже, выбирается из-под ткани сарафана на груди, наливается силой. Смерть подбирается всё ближе и ближе.

Слава, не церемонясь, оттягивает ткань на груди, убеждаясь, что там лишь паутинка и нет ни намёка на рану.

— Где? — выдыхает он, снова заглядывая в глаза. На этот раз радужка светло-каряя, вполне человеческая, и нет ни намёка на яркий рыжий всполох. — Куда?..

Рану он находит сам, не дожидаясь ответа: длинная полоса на боку покрытая коркой запёкшейся крови.

Сзади слышатся голоса, похоже, кто-то из группы пришёл. Слава даже не оборачивается. Получив ключ, он полностью сосредотачивается на жертве.

— Всё будет хорошо, — врёт Слава, принимаясь избавлять её от цепей. — Обязательно будет.

— Врёте, — хрипит та и Слава на мгновение прикрывает глаза.

Врёт и они оба это знают. Хорошо уже ничего не будет. Не для неё.

— Защити мою девочку, — просит она, цепляясь за его плечи, когда теряет опору.

— Скорая приехала, — сообщает тот самый офицер. — Помощь нужна?

— Сам справлюсь.

Слава морщится, понимая, что скорая тут не поможет, ничто не поможет сейчас оборотню выжить, слишком далеко всё зашло, слишком...

Он подхватывает её на руки, прикидывая, как будет подниматься по узкому коридорчику, но понимая, что обязан справиться.

— Защити мою девочку, — словно в лихорадке повторяет она. — Пожалуйста...

Глава 1

5 лет спустя.

— Ну вот, ты опять это делаешь! — с недовольным вздохом замечает Рита.

— Что?

Слава непонимающе хмурится, отвлекаясь от экрана монитора и поднимая взгляд. Отчёт о Лаюне, который на самом деле оказался крупной бродячей псиной, никак не хочет писаться. Даже стены родного кабинета не помогают.

— Вот это!

Рита обличительно тыкает пальцем в сторону его стола. Понятней Славе не становится, поэтому он продолжает непонимающе смотреть на сидящую напротив напарницу.

— Последние минут пятнадцать ты дёргаешь ногой, а это жутко отвлекает, — ворчит Рита, поправляя забранные на затылке «крабом» тёмно-русые волосы. — У меня тут и так очередная женщина возомнившая себя то ли Джинни Уизли, то ли Уиллоу.

— И что?

— Ногой дёргать прекрати!

— Это я понял, с ведьмой что?

— Пытаюсь понять, действительно ли в этой дуре есть сила или во всём виноваты купленные в интернете порошки. Меня к ней не пускают. Улики железные, парня отравила она, а я не адвокат.

— Чего вы тут?

Вася просачивается в кабинет подобно воде. Они даже не слышали, чтобы дверь открывалась. Просто вот он стоит на пороге, смотрит с весёлым любопытством и кутается в свой безразмерный карамельный кардиган, хотя в небольшом кабинете с единственным окном не холодно.

— Ведьмы, Василий, ведьмы, — ворчит Рита, мазнув взглядом по белым, коротким и как всегда торчащим в беспорядке волосам. — Почему меня поставили на эти дела?..

Все они прекрасно знают, что это не вопрос, но Вася всё равно отвечает, как и каждый раз, когда поднимается эта тема:

— Потому что ты девушка, а все женщины немного ведьмы? У тебя ещё и имя подходящее, Маргарита!

— Да ну тебя!

В Васю летит ластик, но он, легко увернувшись от снаряда, возвращается за свой стол у окна.

— Если так подумать, то он бы и то лучше подошёл. По поверьям ведьмы рыжие.

— А ещё зеленоглазые, — привычно напоминает Слава, возвращаясь к отчёту. — А у меня глаза карие.

Подобные разговоры у них уже традиция и происходят каждый раз, когда работа достаёт Риту до печёнок. Сейчас она выговорится и успокоится.

Слава уже заканчивает отчёт, когда внутренняя, ведущая в кабинет непосредственного начальника дверь открывается.

— Владислав, зайди.

Переглянувшись с вопросительно вскинувшей брови Ритой, Слава пожимает плечами.

На ум не приходит ничего, за что его могли бы вызвать на ковёр.

— Закрой дверь.

— Вы что-то хотели, Фёдор Игнатьевич?

— Садись.

Слава некоторое время смотрит на подтянутого, крепкого мужчину с тронутыми сединой чёрными волосами, прежде чем занять стул для посетителей.

— Посмотри, — он двигает в сторону Славы тонкую картонную папку. — Думаю, тебя заинтересует.

В папке оказывается всего несколько листов с прикрепленными к ним скрепками фотографиями. На каждом из них, почему-то написанное от руки, досье: имя, возраст, род деятельности, несколько строчек характеристики.

— Кто-то из них может быть связан с твоим делом. Тем самым, — уточняет Фёдор Игнатьевич, когда Слава поднимает на него хмурый взгляд.

— Откуда это у вас?

— Я знаю, где искать.

— Среди охотников?

Вопрос, который задашь не всем, как минимум потому, что не все его и поймут правильно. Фёдор Игнатьевич понимает.

— Среди людей, — поправляет он. — Одного из них повязали во время пьяного дебоша. Были пострадавшие, так что сесть грозило надолго. Но ему предложили варианты.

— Сдал своих? — сомневается Слава. Если бы всё было так просто, то не было бы этих чудовищных убийств из года в год.

— Узнал одного на тех фотографиях. Помнишь? Когда подстрелили охотника, но до больницы не довезли.

Слава вспоминает кровь, застывшие мёртвые взгляды, чёрные с фиолетовым отливом пятна на коже, иступлённый шёпот и болезненные стоны. Фотографии и реальность...

Прикрыв глаза, Слава медленно кивает.

— Впрочем, он оказался не особо полезен, так что всё равно сядет, — заканчивает Фёдор Игнатьевич спокойно.

— Вы хотите что-то предложить?

Захлопнув папку, Слава наконец-то снова смотрит на Фёдора Игнатьевича. Просто так тот бы его не позвал. Папку можно было отдать в любой момент.

— Возьми отпуск за свой счёт и сдай табельное. Папку можешь оставить себе, это копия.

Возмущение разворачивается горячей волной в груди, но так и не срывается с губ словами. Всего один вопрос и шестерёнки в голове начинают крутиться.

— У тебя ведь есть личное оружие?

Слава медленно кивает, начиная понимать, что собирается предложить Фёдор Игнатьевич. Внедрение. Без поддержки, потому что их отдел не воспринимают. Шизы творящие глупости, но почему-то ещё не прикрытые. Их спонсируют, прикрывают по мелочи, но не больше. Сверхъестественного не существует в глазах большинства. Слава, если подумать, этому даже рад. Без новой инквизиции он как-нибудь обойдётся.

— Ты ведь понимаешь, что если что-то случится...

— Могу рассчитывать только на себя? — усмехается Слава, поглаживая пальцами острый корешок папки.

— Дурак ты Владислав Аринович. Я хотел сказать, что можешь рассчитывать на нас. Ребят я потом сам в курс дела введу.

Слава кивает, предполагая, что разговор закончен, но встать не успеваает. Его догоняет тихое, но твёрдое и немного злое:

— Слав, над ними кто-то стоит. Найди мне его.

В этот раз Слава поднимается без проблем. Он найдёт, за этим он и собирается влезть в это болото.

— Позвольте идти?

— Иди. Только дров не наломай, чтобы мне за тебя стыдно потом не было.

Слава кивает на вполне себе доброе подтрунивание и, свернув папку в трубочку, выходит за дверь.

* * *

— Новое дело? — как бы между прочим, уточняет Рита, стоит только Славе сесть в своё кресло и пробудить компьютер.

— Не официальное.

Слава, не отвлекаясь, печатает заявление на внеочередной отпуск и лишь в последний момент успеваает сориентироваться, прихлопнув любопытную руку и не дав утащить папку со стола.

— Вась, не надо использовать на нас свои эльфийские штучки, хорошо? Папку всё равно не дам.

— Как ты понял, что это я? — замечает Вася, когда Слава, убрав папку под клавиатуру, продолжает печатать.

— Рита цокает каблуками, когда идёт, и у неё ногти крашенные, — подняв взгляд, Слава ехидно припечатывает: — Прости уж, но на девушку ты не тянешь. Даже в темноте.

— Придурок, — ворчит Вася совсем не обиженно, прежде чем отступить. Правда недалеко, всего лишь к столу напротив и теперь Славу буравит одновременно две пары любопытных глаз.

— Фёдор Игнатьевич сам введёт вас в курс дела. Я могу сказать только, что это мой профиль и... я иду во внеочередной отпуск, — отчитывается он, когда принтер начинает печатать заявление. — Снова зарплата будет кот наплакал, а мне ещё за квартиру платить.

Слава посмеивается, пряча за напускным ворчанием напряжение. Только вот выражение всё ещё направленных на него двух пар глаз говорит о том, что их не обманешь.

— Ты сдашь табельное, — констатирует Вася, пряча руки в карманы кардигана.

— И пойдёшь, куда бы то ни было, один, без поддержки, — продолжает вслед за ним Рита, отклонившись на спинку кресла и сложив руки на груди.

— Вы моя поддержка, — снова улыбается Слава. — Мой тыл.

Он прячет папку в рюкзак и надевает кобуру с табельным. Только и осталось подписать разрешение на отпуск и сдать всё это вниз.

— Мы можем не успеть.

Кто это сказал?

Слава поднимает взгляд на друзей, но те продолжают молча буравить его обеспокоенными взглядами.

— Не переживайте. Я справлюсь.

— А Аня? — будто бы только вспомнив, тихо интересуется Рита, когда он поднимается из-за стола. — Если хочешь, я бы могла...

— Она с крёстным, не переживай, — с благодарностью отзывается Слава проходя мимо.

Он больше не смотрит на них. Снова заглядывает в кабинет после короткого стука, чтобы спросить:

— Фёдор Игнатьевич, подпишете?

* * *

Сдав табельное, Слава бесцельно бродит по улицам и домой возвращается лишь после заката. Маленькая однокомнатная квартирка на втором этаже встречает тишиной и пустотой.

Одна пара обуви на полу, одна куртка на крючке...

Непривычно.

Включенный свет открывает взгляду минимум мебели: диван, кресло, стол, отделяющий детский уголок шкаф.

Пусто. Как и на экране телефона.

Ни новых звонков, ни смс.

Слава какое-то время буравит взглядом упавшую с дивана подушку и сбитый в ноги плед, прежде чем обратиться на кухню.

Недопитая кружка с кофе так и стоит на краю стола. Он проспал и едва успел отхлебнуть бодрящего напитка, когда понял это. На дверце холодильника рисунок розовым карандашом, в тон сказочной короне-магниту, что удерживает альбомный лист.

«Защити мою девочку...» — шепчет голос из прошлого, и забравшаяся было на губы улыбка исчезает.

Работа дала Славе не только возможность защищать, но и подарила несколько лет назад дочь.

Немного бумажной волокиты, чуть-чуть превышений полномочий и крохотный, оказавшийся никому не нужным, беззащитный комочек официально стал его дочерью.

Слава какое-то время ещё смотрит на кривоватый рисунок, прежде чем набрать номер. Демид обещал позвонить, когда они с Аней доберутся до бабушки, но прошло уже достаточно времени, а звонка всё нет.

— *Абонент выключен или находится вне зоны действия сети,* — вещает из динамика и Слава морщится, сбрасывая.

— Ладно, хорошо, — он опирается бёдрами о разделочный стол. — В дороге всё может случиться, задержались. Успокойся.

Прикусив губу, Слава набирает другой номер, но там просто не отвечают. Мать, похоже, как всегда не слышит звонка.

Зачесав пальцами рыжие пряди со лба, Слава набирает совсем другой номер и в этот раз ему отвечают.

— *Слушаю.*

— Сабина, прекрасная воительница, дочь Артемиды, — начинает Слава, однако сказать что-либо ещё не успевает. С той стороны его прерывают с усталым вздохом:

— *Что тебе надо, Слав?*

— А с чего ты решила, что мне что-то надо? Может, я просто позвонил узнать, как дела и достаточно ли ты отдыхаешь!

— *Слав, мы не в таких отношениях и ты звонишь либо на праздник, либо по делу. Сегодня не праздник. Так что случилось?*

— Ты видишь меня насквозь, — притворно вздыхает Слава. — Мне нужна твоя помощь.

— *В чём?*

Слава представляет, как она заправляет за ухо непослушную чёрную прядь, готовая слушать и, быть может, даже согласиться помочь.

«Надеюсь» — думает Слава и, скрестив пальцы на удачу, озвучивает просьбу:

— Мне нужно чтобы ты ввела меня в ряды охотников.

— *Тебе... чего?*

— Не кипятись. Меня там всё равно не знают.

— *О нет, рыжий, тебя знают.*

— Как кого? — спокойно уточняет Слава. — Как человека, что не поддался на сладкие песенки русалок? Или может сарафанное радио родило что-то, о чём я не знаю?

Сабина молчит. Слава даже проверяет, не прервался ли звонок, так тихо в динамике.

— *Зачем тебе?* — наконец уточняет она, после того как тишина сменяется хлопком двери и тихим скрипом.

Кажется, Сабина наконец-то стала серьёзной.

— Я в отпуске, хочу побаловать себя серией.

— *Семьи,* — констатирует Сабина, сразу понимая, о чём он. — *Хорошо. Только им нужна будет причина. Ты же знаешь, со стороны без причины к нам не приходят. А ты у нас тёмная лошадка.*

— Позволь таким и остаться, — усмехается Слава в трубку. — Сам скажу, если спросят.

— *Два дня. У нас намечается охота. Там и вступишь. Я позвоню.*

— Сброшу тебе новый номер, когда куплю телефон, — обещает Слава. — Удачной охоты, дочь Артемиды.

— *Да ну тебя, рыжий,* — смешливо фыркает Сабина по ту сторону и отключается.

Не успевает Слава отложить телефон, как тот снова оживает. Номер матери высвечивается на дисплее и рука тянется к трубке раньше, чем он успевает об этом подумать.

— Привет, мам, как твои дела, здоровье? Аня с Демидом ещё не приехали?

— *Всё хорошо, Слав. Бумажная волокита, тетради, план занятий. От работы никуда не деться. Я думала они приедут только завтра...*

Под рёбрами неприятно скребётся, но Слава давит в себе это чувство.

— Да-да, просто думал, вдруг уже добрались. Нет, так нет. У меня тут дела намечаются, — пожевав нижнюю губу, начинает Слава. — Возможно, буду некоторое время недоступен. Но как только закончу, так обязательно позвоню тебе, а потом и приеду на пару дней, может быть.

— *Работа?*

— Внеплановое повышение квалификации, ничего особенного. Помнишь Маргариту? Я вас знакомил, когда ты приезжала.

— *Да, хорошая, приличная и милая девочка.*

Слава, представив, как эта хорошая и милая девочка откусывает протянутую к ней руку

по локоть, усмехается, но не прерывает воркование матери.

— В общем, пока я буду недоступен, если что-то случится, то можешь позвонить ей. Я предупрежу Риту. Договорились?

— *Успешной учёбы, сынок.*

Слава бормочет благодарность и, попрощавшись, сбрасывает звонок.

«Успешной учёбы. Ага. Уж какая учёба будет, какая учёба...»

Стоит поднять взгляд, и он снова натывается на рисунок. Аня изобразила их поход в «Парк Сказок» на прошедшее день рождения. Принцесса, он король и крёстный рыцарь. Понять о том кто где, правда, получилось лишь после пояснения самой Ани.

Слава усмехается, вспоминая тот день, и, снова затолкав царапающее внутри чувство глубже, набирает Риту.

С ними точно всё в порядке. Просто они ещё не доехали.

Осень вспомнила про свои обязанности и заплакала, разводя слякоть и заливая дороги. Дождь зарядил вечером, когда Слава, оставив очередное голосовое на автоответчике Демида, заставил себя наконец отключить телефон и выйти из дома. Преследовал его на всём пути до вокзала и встретил по прибытии в другой город. Бабье лето кончилось.

Закинув рюкзак за плечи и натянув капюшон чёрной куртки на голову, Слава спешно ныряет в здание вокзала, чтобы быстро преодолеть его насквозь.

Сабина по телефону сказала, что будет ждать во внедорожнике цвета мокрого асфальта.

Мокрого асфальта вокруг сейчас сколько угодно много, а вот внедорожник оказывается только один. Слава сразу зацепляет его взглядом, стоит только снова оказаться на улице.

В салон Слава заваливается недовольно отфыркиваясь. Особо вредный порыв ветра бросил в лицо горсть дождевых капель пока он закидывал рюкзак на заднее сидение.

— Приветствую тебя о дочь Артемиды.

— Слав, прекращай, сколько раз говорить, — бросив быстрый взгляд на него, вздыхает Сабина, стартуя с места.

— Всё-всё, умолкаю, — соглашается Слава, пристёгиваясь и с интересом рассматривая точёный профиль в свете пробегающих мимо фонарей. Выискивает изменения, которых, кажется, нет. Всё те же высокие скулы, миндалевидные карие глаза и спрятанный под татуировкой плюща шрам на предплечье. Сейчас на ней тонкая тёмная водолазка, но Слава знает, что у Сабины на коже. Он помнит...

... — Вы нашли волка? — уточняет он, когда Руслан убирает ключи в карман.

Каштановые волосы, серые глаза, если не присматриваться и не скажешь, что он отец Сабины.

— Его найдут, — уверенно обещает тот спустя несколько секунд молчания. — Проходи вперёд.

Пустой длинный коридор предстаёт перед глазами, когда Слава заглядывает через плечо. Шесть дверей, по количеству квартир, и лишь около двух из них расстелены коврики.

— Дальняя дверь слева, — подсказывает Руслан. — Я не запер.

Звукоизоляция прекрасно глушит все происходящее в квартире звуки, но стоит Славе только толкнуть дверь, как они обрушиваются, будто снежный ком.

Звонкое: «Мам не надо!» и тихий топот босых ног сбивают с толку. А стоит шагнуть через порог, инстинктивно рванув на голос, как в него влетают, лишая равновесия и выбивая из лёгких воздух.

Слава успевает перегруппироваться, прикрывая собой сжавшееся тело. Хлопок закрывшейся двери, отрезающей пути отступления и консервирующей все звуки в пределах квартиры, едва откладывается в памяти.

— Прекрати!

— Она чудовище!

Сабина вздрагивает в руках Славы.

— Как ты не понимаешь, сегодня полнолуние!

Слава поднимает взгляд, чтобы увидеть поблёскивающее в свете лампочки длинное лезвие. Рвущаяся из крепких рук женщина никак не желает опускать нож и в глазах её

плещется безумие.

— Она станет такой же, Руслан!

— Мам...

Слава лишь крепче прижимает к себе Сабину, не давая ей двинуться и не спуская взгляда с женщины.

«Матери» — поправляет себя Слава.

— Она наша дочь! Опустит нож!

Руслан встряхивает жену за плечи, что не приносит никакого результата, лишь плещется по воздуху кончик высоко собранного хвоста. Такого же чёрного, как и у Сабины.

— Это был не альфа, — пытается вразумить женщину Слава. — Не альфа укусил её.

Она его не слышит. Слава видит это по вновь обращённому в их сторону взгляду. По безумной ненависти, смешанной со страхом, сквозящим в глазах.

— Руслан, ты же понимаешь... — шепчет сухими губами та, обращая на Руслана свой взгляд. — Ты помнишь, что я поклялась уничтожить этих тварей. Они убили моего отца. Я поклялась на его могиле!

— Отдай мне нож, — холодно требует Руслан, но она лишь сильнее дёргается, снова предпринимая попытку вырваться.

— Ты меня понимаешь?! Дай мне закончить...

Слава встряхивается, отгоняя всплывшие в памяти воспоминания. Расстегнув ворот куртки и поёрзав на месте, он, наконец, не выдерживает установившейся тишины:

— Хотя нет, постой. Лучше расскажи, что там у вас за дело. Кто на этот раз и за что?

— В бардачке бумаги. Я помню, — Сабина коротко усмехается, продолжая смотреть ровно на дорогу. — Без доказательств ты не работаешь. Да и я... не люблю рубить с плеча.

Согласно кивнув, Слава лезет в бардачок, где действительно обнаруживаются свернутые в плотную трубочку бумаги.

— Таутай-лак?

Он растерянно рассматривает схематический рисунок, изображающий похожую на сатира женщину с длинным...

— Это что, язык? — удивлённо бормочет он, вглядываясь в сумерках салона в набросок.

Сабина с тихим смешком включает свет, давая возможность разглядеть всё внимательно.

Ниже наброска идёт небольшая мифологическая справка, рассказывающая об остроте её языка и любви к человеческому мясу.

— Она же не отсюда...

— Кто-то привёз с собой или она сама за кем-то пришла. Какая разница, как она здесь оказалась, — пожав плечами, Сабина сильнее сжимает руль. — Меня гораздо больше интересует, как от неё избавиться.

Слава кивает, заглядывая в остальные бумаги. Ксерокопии полицейских отчётов и фотографии: несколько пропавших без вести и обнаруженное грибником наполовину съеденное тело. Всё это, судя по датам, за последний месяц.

— Не ошиблись? Мало ли каннибалов может быть. В смысле...

Слава замолкает, вчитываясь в отчёт.

Вокруг найденного тела были обнаружены следы парнокопытных животных, мясо с костей словно срезали.

— Молчу. Твою ж...

Слава нервно растирает лицо.

— Смотрю, ты сменил стиль?

Усмехнувшись, Сабина кивает на его куртку, пока они стоят на светофоре.

— А? Нее, — взъерошив волосы, Слава немного неловко улыбается. — Позаимствовал у Демида. Ты же знаешь, с моим гардеробом на охоту не ходят.

— Так вот откуда мокрой псиной несёт, а я-то думала, показалось.

— Сабина, блин, — ворчит Слава и шумно выдыхает. — Ладно, один-один, постараюсь больше не называть тебя дочерью Артемиды.

— Умничка, — тепло отзывается Сабина, сворачивая на повороте.

— Мы куда?..

Слава только сейчас замечает, что вывески и яркие витрины магазинов пропали, а пятиэтажки сменились частным сектором.

— Не тупи Слав, ты же видел в бумагах название города. Тут всего пара часов езды, не волнуйся.

— Да я как-то...

В желудке предательски урчит и Слава пристыжено затыкается.

— Сбоку кресла пакет посмотри. Позже поедем нормально.

— Ты богиня!

Слава довольно вздыхает, обнаружив в пакете булку и полбутылки воды. Ел он последний раз ещё дома прошлым вечером.

— Как Аня?

— Отлично. Уже понимает, когда стоит сверкать глазами, а когда нет. Спасибо Демиду.

Слава усмехается. Когда-то, подписывая документы на удочерение, он даже и не думал о том, как будет воспитывать волчонка, просто не хотел, чтобы она попала к посторонним, ничего не знающим людям.

— А ещё учится читать. Говорит, что это легче, чем уломать меня на сказку.

— Не представляю, как ты справляешься, — смеётся Сабина, включая дворники, чтобы разогнать залившую лобовое стекло воду.

— А один бы я и не справился. Мне повезло, что Демид согласился стать крёстным.

* * *

Нормально поесть это, оказывается, купить стаканчик кофе и шаурму на заправке. Слава, впрочем, не против, как и его желудок.

Город, в который они въезжают примерно через час после этой остановки, больше похож на разросшееся село. Частный сектор сменяется то ли двух, то ли трёхэтажками. В пелене поутихшего дождя и густых сумерек разобрать не получается. Где-то впереди Слава вроде бы замечает многоэтажки, но Сабина сворачивает от призрачных силуэтов в сторону и их, как и остальное, поглощает темнота.

Сабина притормаживает у невысокого невзрачного здания, оказавшегося на деле автомастерской. Пара тусклых лампочек подсвечивает название над входом, однако Сабина сворачивает чуть дальше, плавно заезжая в открытый гараж.

— Приехали, — рапортует она, глуша двигатель. — Рюкзак можешь оставить пока в

машине. Идём, я тебя представлю.

Она выходит, ненадолго оставляя Славу одного. Ровно настолько, чтобы он успел оглядеть освещённое сейчас лишь одной лампочкой забетонированное помещение на две машины и отметить, что место рядом уже занято массивным тёмным внедорожником.

— Вылезай, — открыв дверь, торопит Сабина, и он подчиняется.

Вот только выбраться из машины спокойно не выходит. Слава попросту вываливается, сначала неожиданно запутавшись в ремне безопасности, а потом неудачно поставив ногу. Мгновение он радуется, что хотя бы не упал. Ровно до тех пор, пока не слышит сверху недовольное:

— И вот это ты привезла нам в помощь? Сабин, ты шутишь?

— Ты забыл пару букв, — ворчит Слава, выравниваясь и мгновенно находя взглядом владельца голоса. Крепкий, стриженный под машинку парень примерно на полголовы ниже него недружелюбно смотрит исподлобья. Не его клиент. — Я человек, а не вещь, так что говори нормально. И то, что у меня грация картошки ещё не значит, что я бесполезен. Мы тут вроде бы не балет ставить собираемся.

Откуда-то сбоку насмешливо фыркают, и крепыш тут же оборачивается в сторону звука, строя кислую мину.

— Не балет, — соглашается высокий голос. — Проходите внутрь, все уже собрались.

За миниатюрной девчонкой в короткой юбке, тяжёлых ботинках и с заплетёнными в пару коротких толстеньких косиц тёмными волосами, светлеет дверной проём. Там, в отличие от гаража с одиноко горящей лампочкой, света гораздо больше.

— Куртку можешь повесить на входе, — советует девчонка, при близком рассмотрении оказавшаяся совсем не подростком. — Я Мария, — она по-мужски протягивает ладонь, и Слава немного растерянно пожимает пальцы. — Можно просто Маша. А ты?

— Слава. А ты дружелюбная...

— Тебя привела Сабина, — просто отзывается Маша и, прежде чем шагнуть через порог, добавляет: — Крючок справа. Потом налево.

Слава кивает и послушно выполняет обе подсказки.

* * *

Первое что приходит Славе в голову, когда он наконец-то добирается до собравшихся охотников — здесь вполне можно жить.

В узкой, длинной, не имеющей окон комнате есть для этого почти всё необходимое: от четырёх двухуровневых металлических кроватей до кухонного уголка. Команда охотников, правда, собралась за раскладным столом в центре.

— Не стой в дверях, — недовольно бросает тот самый, первый охотник которого встретил здесь Слава.

Он проходит мимо, словно нарочно задевая его плечом, хотя места вполне хватает, чтобы обойти.

— Садись, — требует Сабина, кивая на последний свободный пластиковый табурет. — Это Слава. Он идёт с нами.

Пластик скрипит, когда Слава садится под перекрестьем четырёх любопытных пар глаз и одной недовольной.

«Ну что ж... я тоже умею пристально смотреть».

— Сабин, представишь?

— Эдуард. Владелец этой автомастерской, радушно предложивший нам крышу над головой.

Слава кивает, разглядывая сидящего напротив Сабины, словно во главе стола, охотника. Крепкий, темноволосый, коренастый мужчина с короткой бородкой в обтягивающей мышцы тёмно-синей футболке задумчиво смотрит в ответ. От этого взгляда Славе становится не по себе, так что он спешит перевести взгляд, тем более что Сабина уже называет следующее имя.

— Леонид.

Высокий и тощий, как жердина, бритый под ноль парень в зелёной камуфляжной рубашке и очках в тонкой оправе тоже мажет по нему взглядом и тут же отворачивается, будто не нашёл ничего стоящего. Слава, впрочем, тоже не находит.

— Богдан, — называет следующее имя Сабина, кивая на парня рядом с поблёскивающим очками Леонидом.

Внутри что-то предвкушающее царапает по рёбрам. Потому что вот он. Тот самый человек с одной из фотографий.

Вьющиеся каштановые волосы, острая ухмылочка, прищуренные карие глаза. У Славы тоже иногда бывает такое выражение на лице, так что на мгновение возникает ощущение, будто парень его зеркалит.

Молодой, кажется совсем ещё мальчишка, хотя Слава уверен, в папке не было никого моложе восемнадцати.

«Ну, здравствуй, Богдан».

Тот, словно услышав, приветственно поднимает руку, отчего рукав джемпера задирается, обнажая тонкую вязь тагуировки. В деле о ней ничего не говорилось. Либо не было известно, либо он наколол её совсем недавно.

— Они, — продолжает Сабина и Слава заставляет себя оторвать взгляд от линий на чужой коже.

— В смысле? — слетает с языка прежде, чем Слава успевает его прикусить.

С соседнего стула на него хмуро смотрит тот самый парень, что их встретил.

— Почему Они?

— Он просто не любит своё имя, — вместо Они отзывается Богдан.

— А ещё считаю, что чтобы бороться с демонами, нужна поддержка других демонов.

«Как тебя с таким мировоззрением свои ещё не съели?..»

— А ещё он, видимо, любит Японию, — словно по секрету делится Богдан, за что получает затрещину от Леонида и шипит рассерженной змейкой.

— Мария, — заканчивает Сабина на девчонке рядом с собой.

— Мы уже познакомились, — тут же отзывается та. — Как я уже сказала, можно просто Маша.

— Учту, — отвечая на усмешку усмешкой, принимает Слава.

— Слушай, — снова лезет неугомонный Богдан, вынуждая Славу задуматься, а точно ли ему хотя бы восемнадцать есть? — А ты тот самый, на которого русалочки штучки не действуют? Поделись секретом, а? Хотелось бы против этих девиц козырь иметь. Или ты заговорённый?

Он даже привстаёт с места, будто в нетерпении.

— Может, я просто не люблю рыбу? — смеётся Слава отзеркаливая насмешку на чужом лице.

— Да ну тебя, — нисколько не обиженно ворчит Богдан, падая обратно на свой стул.

— Мы по делу пришли, а не паясничать, — отзывается Леонид, поправляя очки и внезапно становясь похожим на Кролика из Винни Пуха. Слава едва не фыркает, пряча усмешку в кулак и прикрываясь кашлем. Ассоциация оказывается слишком внезапной.

— Итак, все мы уже знаем, что имеем дело с Таутай-лак. Кто по какой-то причине ещё не в курсе может посмотреть, здесь всё есть.

Сабина выкладывает на середину стола ту самую папку, что Слава листал по дороге. Богдан тут же тянется, забирая её себе.

Слава отмечает, как тот морщится, заглянув внутрь, и тут же возвращает её на место. Леонид рядом реагирует на фотографии гораздо спокойней, рассматривая сначала их, а затем уже текст.

— Убивает она языком. Как и разделяет добычу.

— Похожа на сатира, только баба и без рогов. Прости, Сабин, если что, — продолжает за ней внезапно Они. — Если верить мифам, то язык не только её оружие, но ещё и уязвимое место.

«А ты подготовился, — мысленно присвистывает приятно удивлённый Слава, смотря на по-деловому собранного сейчас Они другими глазами. — Тоже в интернет заглянул?»

— А ещё, что убить её можно лишь когтями Жезтырнак. Ни у кого, случаем, не завалялся хотя бы один, нет? — недовольно поджавший губы Леонид обводит взглядом охотников, словно строгий воспитатель детсадовцев. — По легендам и на оборотней нужно ходить только с серебром, но на самом деле завалить их можно и другими способами. Тут так же.

Внутри поднимается колкое недовольство, но лишь получив от Сабины шлепок по колену, Слава понимает, что сжал руки в кулаки и почти готов был подняться с места.

«Ты слишком остро реагируешь, — напоминает он себе, принудительно разжимая кулаки. — Охотник не должен так реагировать. Веди себя как они».

— Ты забываешь кое о чём, — выдохнув и заставив себя успокоиться, отмечает Слава, встречаясь с Леонидом взглядом и даже не думая отступить. — По одной версии у Жезтырнак были медные когти, по другим латунные, что в принципе без разницы и там и там есть медь.

— Ты веришь в сказки? — не сдаётся Леонид и Слава растягивает губы в ядовитой усмешке.

— Ты охотишься на эти, как ты сам выразился, сказки.

— Прекращайте, — требует Сабина, хлопнув ладонью по столу. — Развели детский сад. Эдуард?

— А ты ничего, — внезапно замечает Они, и в голосе его больше нет ни капли недовольства. — Умеешь мозгами пользоваться в отличие от этой палки.

Слава фыркает под шорох раскладываемой на столе карты, но ничего на это не говорит. Тем более что слово уже снова взяла Сабина.

— Тела нашли вот здесь, — она ставит несколько меток-флажков, протыкая новенькую, ещё пахнущую типографией бумагу острыми кончиками кнопок. — Насколько нам известно из полицейский сводок, пропавшие должны были находиться примерно здесь, здесь и вот где-то тут.

В дело идут флажки другого цвета, и Слава придвигается ближе к столу вместе со всеми. В конце концов, он пришёл сюда работать, а не языком трепать.

— Я хозяин радушный, так что койки в вашем распоряжении. Чего пожрать тоже найду, — обещает Эдуард, когда все поднимаются. Карта так и остаётся лежать на столе и, похоже, никто даже не собирается её трогать. — Правда, это я про завтрак, а не про ужин.

— Да ты как всегда, — отмахивается Маша, принимаясь расшнуровывать ботинки рядом с Сабиной. Они о чём-то перешёптываются, однако Слава не прислушивается, оборачиваясь.

Он определённо точно хотел что-то спросить. Слава помнит, что собирался, но вот о чём...

Из головы выбивает мысли, стоит только Эдуарду выбраться из-за стола. Вернее выехать. На инвалидном кресле.

У Славы неприятно царапает что-то под рёбрами от одного взгляда на обтянутые чёрными штанами неподвижные ноги.

— Тебе что, отдельное приглашение нужно? Выбирай койку, пока всё не заняли.

Ворчание Эдуарда возвращает в реальность: к шуршанию за спиной, тихим голосам и хмурому взгляду на ещё молодом лице. Слава на мгновение задумывается, сколько тому вообще лет? Сорок? Меньше? И тут же отмахивается сам от себя. Это не его дело.

— Подарок от гуля, — поняв направленный на него взгляд по-своему, со смешком поясняет Эдуард. — Зато живой, в отличие от некоторых.

«Только вот неизвестно, что хуже» — читается в лице Эдуарда и Слава на мгновение почти согласен. Всего на чуть-чуть, пока не вспоминает, что ему есть к кому возвращаться.

— Падай, давай. Завтра рано вставать.

Слава послушно бросает рюкзак в изголовье первой попавшейся ещё не занятой койки. Подушка тут не предусмотрена, только простенькая, тёмно-серая простыня.

«Минимализм тут явно процветает» — хмыкает Слава, скидывая ботинки и заваливаясь на койку. Глаза он закрывает, как только общий свет в комнате гаснет, оставляя себе на смену пару слабых светильников в кухонной зоне.

* * *

Едва успевший коснуться сознания сон отступает, возвращая Славу обратно в реальность. К спящим вокруг охотникам и к голосам, шепчущимся где-то в глубине комнаты.

Стряхнув остатки сна, Слава напряженно вслушивается, различая сначала более громкий и возмущенный мальчишечий голос, а потом и его собеседника.

«Эдуард? — вспоминает Слава владельца голоса. — Что происходит?»

Внутренняя подозрительность поднимает голову, чтобы почти тут же отступить. Стоит только Эдуарду устало, будто уже не в первый раз, сказать:

— Нет. Завтра ты остаёшься здесь.

— Почему? Я уже взрослый, — чуть громче нужного обиженно начинает мальчишка и смолкает после недовольного цоканья.

— Тебе шестнадцать.

— Не четырнадцать же, — уже гораздо тише ворчит мальчишка. — Отец в курсе, вы это

знаете. И про то, что это не первая моя охота, тоже.

«Шестнадцать?..»

Про то, что это не первая охота Богдана он знает. Иначе бы фото мальчишки просто не попало в папку, однако... В полученных им бумагах был другой возраст. Это Слава прекрасно помнит.

Койка под ним тихо скрипит от неудачного движения и голоса тут же смолкают, вызывая желание ругнуться. Однако Слава делает вид, что лишь сонно возится, чуть подвинувшись к краю и повернув голову.

«Я сплю, честно-честно сплю, продолжайте» — просит он, замирая и снова прислушиваясь.

Кто-то всхрапывает совсем рядом и тут же затихает, а разговор всё не возобновляется.

«Ну? — подбадривает Слава, глядя на пустую койку напротив. — Продолжайте».

— Мне плевать со сколько лет тебя отец таскает, я уже говорил, — словно подчиняясь его безмолвному приказу, нарушает тишину Эдуард. — Эта тварина слишком опасна для твоей вертлявой задницы. Посидишь здесь. Жердине я сам завтра скажу. Не нравится, можешь обратно к отцу валить. Пусть хоть на самого чёрта тебя берёт, это его решение и его ответственность

— Вот именно! И он меня сюда отправил!

— Тише ты! — шипит Эдуард.

Славе кажется, что он даже чувствует чужое желание садануть рукой по столу. Он бы и сам так сделал. Ребёнок на охоте...

«Давно ли ты сам был ребёнком?» — смеётся внутренний голос, заставляя Славу досадливо поморщиться. Примерным ребёнком он никогда не был. Зато у него были прекрасные тормоза в лице Демида.

— Разбудишь всех.

— Ещё раз заснут. То, что я тут самый молодой не значит, что мной можно помыкать и запрещать что-то.

— Это не увеселительная прогулка, ребёнок.

— Я не ребёнок, — Богдан свистящим шёпотом чеканит каждое слово. — Завидуете, что я могу пойти на охоту, а вы уже нет?

Слава сглатывает появившуюся на языке горечь и невольно сжимает кулаки. Он даже не представляет, каково Эдуарду слышать такое. Слава ждёт взрыва или отповеди, но тот ведёт себя всё так же спокойно и сдержанно. Только голос меняет свою тональность, давая понять, что слова Богдана его всё-таки задели.

— Иди спать.

Слава закусывает губу, невольно вспоминая, каким засранцем и сам бывал в подростковом возрасте. Особенно когда внутри бурлила и требовала выхода обида.

Приближающиеся шаги сбивают готовые вырваться на свободу воспоминания, и Слава спешно прикрывает глаза, делая вид, что спит.

Лёгкий ветерок касается лица, когда мимо проходит Богдан, а в следующее мгновение чуть в стороне слышится топот по лесенке и тихий скрип, возвещающий о том, что тот забрался на кровать.

Слава, больше не таясь, переворачиваясь на спину, отодвигается от края и переплетает пальцы на груди. У него есть о чём подумать, однако вспугнутый разговором сон возвращается, затягивая Славу обратно в свои объятия.

— Подъём!

Требовательный, громкий голос вытряхивает Славу из сна моментально. Он едва не скатывается с кровати, удерживая себя в горизонтальном положении лишь на чистом упрямстве и уверенности: быстрый подъём вызовет вопросы. Для охотников Слава дилетант. Возможно с зачатками боевой подготовки, но точно не такой как они.

Поэтому вместо того чтобы подняться он лишь разлепляет глаза, сонно щурясь в металлическое перекрытие второго яруса.

— А тебе что, персональное приглашение надо?

Слава наконец-то узнаёт Эдуарда и, чуть повернув голову, убеждается в правильности своего предположения. Тот хмуро смотрит в ответ, вкатив кресло между кроватей.

— В письменном виде, пожалуйста, — бормочет Слава, сжегивая зевок в кулак и всё-таки поднимаясь. — Где можно умыться?

— Очередь, — насмешничает Эдуард, и морщинка меж его бровей тут же разглаживается. — Будешь больше клювом щёлкать и не позавтракаешь, птенец.

Слава какое-то время смотрит вслед уезжающему Эдуарду, прежде чем подняться и глянуть на часы.

— Серьёзно? Она что убежит куда-то?

Тонкие стрелки показывают без четверти пять, он спал всего каких-то четыре часа.

— Можешь просто никуда не ехать, — участливо предлагает Они, закидывая полотенце на плечи, и Слава едва сдерживается, чтобы не показать неприличный жест в ответ.

— Итак, — начинает Сабина, когда Слава наконец-то умывается. — Мы не можем быть уверены на счёт времени активности Таутай-лак, но темнота нам не помощник, так что давайте постараемся сделать всё до сумерек. Эдуард, поделишься коллекцией?

— Разоряете, — бурчит тот, впрочем, без какого-либо недовольства. — Эдуард, дай то, Эдуард, дай сё...

Слава вопросительно вскидывает брови, но поймавшая его взгляд Маша лишь усмехается криво, кивая вслед уже добравшемуся до кроватей Эдуарду.

— Сейчас будет магия, — шепчет она, подступив ближе.

Именно этот момент выбирает Эдуард, чтобы сунуть руку между кроватей и, похоже, на что-то нажать. Тихий щелчок касается слуха, а Эдуард уже выдвигает из-под двух нижних кроватей невысокие ящики.

«Это я что, спал на целом арсенале?..»

— Я ж говорю, магия, — смеётся Маша, первой подскакивая к ящикам с оружием.

— Берите что надо. В разумных пределах, конечно.

Винтовка, пара стечкиных, макаров и, кажется, глок. Ряд ножей и... арбалет.

Слава осторожно, рукавом толстовки, берёт ближайший, чтобы убедиться — номер спилен.

— Есть чего опасаться? — по-своему понимает его действия Леонид. Очки бликуют,

отражая свет лампы под потолком, когда он чуть поворачивает голову.

Слава осторожно возвращает пистолет на место. Нет, огнестрел он возьмёт только из рук того, кому хоть сколько-нибудь доверяет.

— Так как? — настаивает Леонид, и Слава режет по нему взглядом.

На языке так и вертится ответ, однако он понятия не имеет, как на признание отреагируют. Вряд ли полиция охотникам товарищи. По крайней мере, большая её часть.

— Не лезь, — советует Сабина, уверенно забирая тот самый пистолет, что только что Слава вернул на место, и выщёлкивая магазин. — Патроны к нему будут, Эдуард?

— Обижает. Найдём.

— Отлично. Нож у меня свой. Разбираем, проверяем, едим и выходим.

— А можно мне арбалет? Можно ведь?

Богдан выглядывает с верхней койки, перевешиваясь через её борт так, что кажется вот-вот и слетит.

Слава отмечает растрёпанные волосы и след от рюкзака на щеке, а потом вспоминает, что внизу его сегодня ещё не видел.

— Обойдётся, — обрубает Леонид. — Твой в машине.

— Он обращаться-то с оружием умеет? — тут же сомневается Эдуард, пока Маша уводит из гнезда стечкина и отступает, освобождая место рядом с ящиком. — Может лучше пусть останется здесь?

— Нет! — фырчит Богдан сверху, скидывая на пол рюкзак и скатываясь сам. — В машине, так в машине. Не арбалет, конечно, но так тоже неплохо.

— Леонид, — не глядя на Богдана, требует Эдуард.

— Его сам Герман учил. Справится.

«Герман?»

Слава перебирает в уме имена, листая воображаемые файлы — воспоминания об отданных Фёдором Игнатьевичем кратких досье. Пять людей, пять имён. Ни на одном из листов в той папке не было имени Герман.

«Ты кто, мать твою, такой?»

— Брать что-нибудь будешь? — возвращает в реальность Славу голос Эдуарда и как-то внезапно оказывается, что на него смотрят сразу три пары глаз. Ровно те, кто ещё остался рядом.

— А из латуни или меди что-нибудь есть?

* * *

Солнце так и не выглядывает из-за туч, делая дорогу, как и город вокруг, серыми и унылыми и поселяя внутри тревогу. Машину слегка потряхивает на неровностях дороги, но к этому как-то быстро привыкается.

Слава в очередной раз достаёт нож из простеньких ножен, взвешивая его в руке.

Медное лезвие длиной с ладонь словно подсвечивается изнутри огнём.

«Тебе повезло, есть у меня тут... Оставил один залётный кое-чего из своего арсенала».

Эдуард всё-таки удовлетворил его запрос. В кухонной зоне тоже оказался тайник, только гораздо менее впечатляющего размера.

— Ты уверен?

Голос Сабины вклинивается в мысли, заставляя отвлечься от медного лезвия и поднять взгляд.

— Что?..

— Я про нож. Идти на Таутай-лак с ножом и... металлической палкой это же самоубийство.

— Давай ты будешь его хотя бы шестом называть, а? Палка как-то не звучит, — криво усмехается Слава. — И я не один такой.

В арсенале Эдуарда оказался ещё и кинжал, который Они увёл прямо из-под носа. Слава, правда, против не был. С обоюдоострыми клинками он никогда не работал.

— Они обычно никогда не расстаётся со своей береттой, а вот ты дурак, — насмешливо констатирует Маша.

— Вот вы меня и прикроете, раз все при оружии. А я поиграю в шута с шестом.

— Главное, чтоб не на шесте. Не хочу твой труп обратно тащить. Я маленькая, хрупкая девушка.

— Сам как-нибудь доползу, — в тон ей отбρίζει Слава, понимая, что Маша начинает ему всё больше нравиться.

— Он берёт огнестрельное оружие только из рук тех, кому доверяет, — поясняет Сабина, сворачивая вслед за чёрным внедорожником. Тем самым, что уже стоял в гараже, когда они приехали.

— У каждого должны быть свои маленькие слабости.

— Так ты уверен? — повторяет вопрос Сабина, когда Слава снова опускает взгляд на лезвие. — Нож и палка против Таутай-лак?

— Если мифология говорит правду, то только медь её и прикончит. Если нет... то с ней разберётесь вы.

— Ты хоть с палкой-то обращаться умеешь?

Маша даже оборачивается, чтобы услышать ответ, только видимо ожидает чего-то другого, чем небрежное:

— Ну, я немного практиковался в своё время. И это не палка.

* * *

Он не самоуверенный и бесстрашный, просто умеет держать лицо, а оборотней, чтобы почуять, как ускоряется пульс по мере приближения к конечной точке, поблизости нет. Чему Слава несказанно рад. Зато раскинувшегося перед ними лесу не очень. Хотя тот и выглядит вполне дружелюбно, несмотря на созданный тучами сумрак.

Ели вперемешку с едва начавшими рыжеть дубами и клёнами, вкрапления кустов и неширокая, хорошо протоптанная тропа уводящая вглубь.

Только вот птиц не слышно. Славе кажется, что мир вокруг и вовсе затаился.

— Вперёд? — разбивает тишину Богдан, переминаясь с ноги на ногу и пружиня на подошвах чёрных кроссовок. Он, кажется, и вовсе не может устоять на месте, словно энергия бьёт через край. Знакомое чувство. Оно и сейчас, несмотря на лёгкий налёт страха, щекочет что-то внутри Славы, словно говоря: «Давай, раньше войдёшь, раньше выйдешь».

— Всё помним, — уточняет Сабина, превращаясь в командира. — Сначала разведка. Никто никуда не отдаляется и не уходит.

— Смотрим по сторонам и проявляем бдительность, — поддакивает Они. — Что ты с нами, как с маленькими. Не первый раз.

— А она может сейчас слушает нас, а то и смотрит. Мы понятия не имеем, какие у неё способности, — поправив очки, вносит свою лепту Леонид и Слава замечает, как передёргивает плечами и оглядывается Богдан. Будто уже чувствует этот самый взгляд.

— Богдан, присмотришь за машинами.

Тот тут же ершится, поджимая губы и пряча руки в карманы.

— Нифига, я с вами!

— Балласт, — припечатывает Они.

— Эй!

— Два балласта, — поправляется Они с ухмылкой.

Славе так и хочется заехать ему шестом по спине, но он лишь проворачивает его в ладони и проверяет закреплённый в ножнах на ремне нож.

— Богдан и Слава в центре, остальные прикрывают, — заканчивает спор Сабина, первой доставая пистолет и углубляясь в лес.

Тропинка разветвляется, стоит им только углубиться в лес, разбегается тонкими ручейками в разные стороны, заставляя выбирать дорогу. Деревья смыкаются над головой, закрывая собой скудный свет.

Слава прислушивается, но не слышит ничего кроме шуршания шагов и собственного дыхания. Чуть влажная ладонь скользит на металле, но он лишь сильнее сжимает пальцы.

«Разведка? Может лучше сразу? Всё равно придётся столкнуться. Давай же. Не заставляй нас ждать».

Слава вглядывается в лес поверх чужих голов, но сгустившийся меж деревьев сумрак молча смотрит в ответ, не желая выдавать свои тайны.

— Она точно здесь была, — шепчет Богдан, хотя в тишине леса его голос звучит всё равно слишком громко.

— Там, — продолжает Богдан, когда Слава оборачивается к нему. — На стволах.

Теперь видит и он.

Тонкие горизонтальные полосы хаотично белеют на тёмных стволах, словно шрамы. Справа, слева, впереди...

Слава сглатывает, перехватывая шест поудобней, и чувствует, как так же напрягаются и все остальные. Даже шаги, кажется, становятся тише, а тишина плотнее. Слава слышит только собственное дыхание, и оно обрывается на первом вскрике.

Уши закладывает от выстрела, а в следующее мгновение время словно срывается с цепи.

Вскрик, выстрел. Вскрик, выстрел. Иногда выстрелы звучат почти синхронно.

Припадает на колено Сабина и тут же над ней, словно ангел мщения, встаёт Маша, прикрывая. Но удар летит уже с другой стороны и вот шипит рядом Леонид, зажимая плечо ладонью, и стреляет Они.

На стволах появляются новые зарубки, а длинная плеть языка всё бьёт и бьёт. Таутай-лак двигается так быстро, что понять, откуда она ударит, не представляется возможным.

Славе на мгновение кажется, что они попали в окружение и целей несколько.

— Мне нужно место, — шепчет он, когда кого-то из команды снова достаёт острый язык. — Место.

Пульс грохочет в ушах, когда Слава отступает, выходя из-под прикрытия. Шесту нужен размах, иначе он будет просто беспомощен. Маленькая, лакомая цель.

— Иди ко мне, детка, — облизывается Слава. Чувство опасности немного пьянит, щекоча что-то внутри. Одновременно неприятно и маняще.

Кто-то что-то кричит, кажется ему. Слава не разбирает слов.

Чёртов язык снова появляется из-за деревьев. Слава дёргается, уходя с линии атаки и замахиваясь шестом. Щёку обжигает болью, а следом слышится вскрик, от которого закладывает уши почище выстрелов.

Новое нападение происходит с вызывающей удовлетворение задержкой.

Она одна и она всё-таки боится меди.

Только теперь язык обходит его стороной. Вскрикивает Леонид, припадая на колено, дёргается, но всё-таки остаётся на ногах Маша. Что-то кричит, уворачиваясь от языка и стреляя в Таутай-лак Сабина. За спиной раздаётся ещё один выстрел, и Слава вспоминает о Богдане.

Мальчишка утирает разбитый нос и снова вскидывает пистолет, прикрывая Они, которого язык достал со спины, оставив на память порезанную куртку и тонкую полосу на мелькнувшей в разрезе коже.

Новый удар и мальчишка не успевает увернуться. Слава, словно в замедленной съёмке, видит, как несётся к нему язык, метя в шею.

Тело действует само. Слава ловит мальчишку, дёргая за плечо на себя и выпуская шест из пальцев.

Воздух вышибает из легких, когда Богдан всем весом влетает в него, сбивая с ног. Удара о землю Слава не чувствует. Лишь тяжесть сверху и взорвавшийся болью затылок. На несколько мгновений он теряет ориентацию, приложившись обо что-то твёрдое.

— Вставай! — требовательно командует кто-то рядом, вкладывая в ладонь Славы что-то твёрдое.

«Шест» — понимает он, смыкая пальцы на металле и фокусируя взгляд.

Рядом Они и Богдан, а над ними высятся, прикрывая, остальные.

— Медь, — напоминает Они, и Слава замечает в его ладони кинжал вместо пистолета. — Патроны кончились. Давай вместе.

Слава кивает сглатывая.

Медь только у них.

«Гадство!»

Язык снова бьёт, отправляя на колено Машу. Он больше не перемещается, вновь появляясь с той же стороны.

Кто-то стреляет. Слава видит, как Сабина принимает удар языка на пистолет, прикрывая не успевающую отскочить Машу, и как тот делится на части. Язык режет металл без какого-либо сопротивления, будто раскалённый нож масло, и ствол опадает на землю непригодным к работе мусором.

— Давай, — командует Они, первым уходя к цели, но так её и не достигая.

Таутай-лак выходит сама. Высокая, выше Леонида на голову, крепкая и едва прикрытая. Короткая для неё тёмная юбка не прикрывает причудливо выгнутые, покрытые шерстью и оканчивающиеся копытами ноги, перепачканная чем-то футболка натянута на груди.

До лица взгляд Славы не добирается, потому что именно в этот момент она открывает рот, выпуская язык на охоту. Он едва успевает принять его на шест, внутренне боясь, что тот всё-таки не выдержит. Однако красноватый металл остаётся целым, зато со стороны Таутай-лак слышится шипение.

— Назад! — требует Они, выходя вперёд.

Слава не оборачивается, но рядом как-то сразу становится свободней.

Они перетягивает всё внимание на себя, будто отвлекая. Отмахивается от языка, не попадая, но зля Таутай-лак.

— Давай, — требует он, и Слава отступает, пытаясь добраться до неё с другой стороны. Однако Таутай-лак косит тёмным взглядом, переступая копытами.

Очередное такое движение стоит ей мгновений боли. Таутай-лак кричит, широко разевая рот и хлеща языком по деревьям. Слава успевает пригнуться, и случайный замах едва касается, обжигая болью плечо.

Кто-то кричит вслед за Таутай-лак, но его перекрывают выстрелы. Слава вскидывает взгляд, чтобы наткнуться на искаженное болью лицо.

— Давай, — уже знакомо повторяет Они и губы окрашиваются в красный. — Бей, —

добавляет он, и алая струйка стекает из уголка рта.

В руках у него вместо кинжала язык. Они держит его обагрёнными пальцами, фиксируя и не давая вырваться.

Внутренности сводит холодом.

Слава начинает движение ещё прежде, чем осознаёт его. Всего то и нужно... три шага чтобы добраться, нож и шест. Слава бьёт не задумываясь. Тупым металлом в открытую глотку и ножом по языку, чуть выше сомкнутых на нём пальцев.

Крик взлетает кладбищенским вороном к макушкам деревьев, а потом наступает тишина.

* * *

Слава не помнит дороги назад.

Помнит мёртвую Таутай-лак, помнит кровь на руках и животе Они, куда пришёлся удар языка, прежде чем тот ухватился за него. Помнит кривую усмешку на красных влажных губах и остекленевший взгляд. Помнит найденный Леонидом в паре метров от них кинжал и деревья с зарубками. Помнит рацию в руках хромающей Сабины. Дорогу не помнит.

— Они привезут обратно, — сообщает Маша, опускаясь на лавку рядом со Славой. — Еле нашла тебя.

— Я не прятался, чтобы меня искать, — отзывается Слава, проворачивая в пальцах мобильник.

Он не прятался, просто ушёл за здание, обнаруживая там не только дверь запасного выхода, но ещё и лавку. А так же фонарь, что сейчас покачивается на скобе, бросая на землю жёлтое пятно света.

— Они хорошим был.

Маша вытягивает раненую ногу, и Слава сразу прикипает взглядом к желтоватой в свете фонаря повязке чуть выше колена.

Таутай-лак посекала всех, просто Они досталось больше всего.

Чиркает зажигалка, рождая в мир маленький огонёк, и Маша подносит её к зажатой в губах сигарете.

— Будешь?

Запах дыма щекочет нос, когда Маша выдыхает.

— Не курю.

— И правильно. Нечего лёгкие гробить.

Она, словно в противовес собственным словам, снова затягивается.

— Леонида зашили. Плечо и бок. Через неделю или две будет как новенький. Да и нас тоже...

Слава согласно кивает, осторожно касаясь заклеенного пореза на щеке. Его тоже подлатали. На плечо, правда, пришлось пару швов наложить, но он легко отделался. Легче только Богдан.

— Так вот вы где, — ворчит Сабина, приземляясь на лавку рядом с Машей.

Слава отмечает краем глаза, как Сабина, отобрав недокуренную сигарету, затягивается сама.

Выдыхая, она вытягивает ноги, откидываясь на стену.

— Где его похоронят?

— Не знаю... Эдуард сказал, что сам займётся этим. У Они не было близких.

Слава кивает, снова проворачивая в пальцах телефон и отворачиваясь. Кончики пальцев так и зудят от желания набрать одиннадцать цифр, только вот он опасается снова услышать на том конце механический голос сообщающий, что абонент выключен или временно недоступен. Так же как опасается услышать короткое: «Они не приезжали» если наберёт другой номер.

— Хочешь кому-то позвонить? — прямолинейно спрашивает Маша, туша сигарету ботинком.

— Мне сделать это за тебя? — более мягко уточняет Сабина.

— Спасибо. Не сейчас.

Если сейчас он узнает, что Демид с Аней ещё не доехали, то точно пошлёт всё к чёрту и рванёт их искать.

«Твою ж мать».

— Пойду внутрь, — ворчит Маша, поднимаясь и отряхивая юбку. — Вам чай, кофе сделать? За что покрепче сейчас Эдуард по ушам надаёт.

— Чай будет в самый раз, — отзывается Сабина и, когда Маша уходит, подсаживается ближе. — Слав?

— Всё в порядке, просто... честно, всё в порядке.

Нервно взъерошив волосы, Слава обессилено зажимает голову предплечьями. Плечо тут же отзывается тянущей, пульсирующей болью.

— Ты же знаешь, что можешь на меня положиться, да?

Слава опускает руки, выглядывая из своего укрытия и усмехаясь.

— Если бы это было не так, то меня бы здесь не было. Всё в порядке, Сабин, честно.

— Идём обратно?

Слава лишь кивает. Ему всё равно, куда сейчас идти.

* * *

Вечер похож на поминки, хотя Они ещё не похоронили.

Порой разбавляемая приглушёнными голосами тишина давит не хуже могильной плиты и если бы Слава мог уйти отсюда, он бы непременно это сделал. Всего-то и надо: вызвать такси, встать и уехать, а потом набрать номер Демиды и убедиться, что с ними всё в порядке. Плевать на охотников, на работу, которую он сам себе организовал. Чтобы только не сосало так под ложечкой и не давило. Чтобы не стоял перед глазами остекленевший, направленный в никуда взгляд Они.

Прямо как у...

Слава окунается в воспоминания, словно падает в воду.

... он сам напросился. Просто шагнул следом за врачами в машину скорой, понимая, что её могут не довезти до больницы. Зная, что ребёнок не будет человеком.

— Зажмурься и дыши, — требует он, морщась от нечеловечески сильной хватки, но даже не пытаясь освободить ладонь. — Дыши. Ты училась, как это делать.

— Не мешайте! — требует врач, но волчица не отпускает руку не позволяя

отступить, да Слава и сам не стремится.

— Нет!

— Всё в порядке, — обещает Слава, надеясь, что врачи проигнорируют звучащее в голосе рычание и не заметят клыков меж приоткрытыми бледными губами.

— Дышите.

Славе хочется взять всё в свои руки. Альфа не подчинится, но он может попытаться. Вот только единственное, что ему сейчас доступно — это позволять держать себя за руку.

Альфа может приказывать. Своей стаей, своей семье. Но у неё больше нет ни того, ни другого и она просит. Шепчет, повторяя исступлённо между вдохами: «Защити мою девочку... Защити...» и радужки меж неплотно сомкнутых век сияют рыжими всполохами.

Перешедший в рычание крик обрывается, чтобы уступить место детскому плачу. Хватка ослабеваает, и пальцы наконец-то отпускают его, обессилена соскальзывая вниз.

Кто-то впахивает ему в руки ребёнка и оттесняет в сторону, к самой двери в хвосте скорой, и звуки отступают на задний план.

Маленький, тёплый, чуть влажный комочек лежит на его руках, а Слава всё не может прекратить смотреть.

В глазах альфы больше нет ни огня, ни силы. В них нет ничего...

— Эй, парень?

Кто-то тормозит его за плечо и Слава встряхивается, недоуменно встречаясь взглядом с серьёзными глазами.

Эдуард.

Подкатил в своём кресле к самым ногам, да так тихо, что Слава даже не заметил.

«Будь это враг, и ты был бы мёртв, — невесело насмешничает он над самим собой, зачёсывая волосы пальцами. — Не забывай, где ты находишься. Даже если рядом Сабина».

— Вы что-то хотели?

— Первый раз видишь смерть?

Слава всё-таки не может сдержать усмешки и та пробивается наружу, искривляя губы.

— Не первый. Просто...

— Кажется, что мог бы быть быстрее? — словно читает его мысли Эдуард и Слава лишь пожимает плечами.

Мог бы. Должен был. Они был охотником, но не заслуживал смерти. Не так.

— Брось это. Будь он здесь и первым бы отвесил тебе подзатыльник.

— Вы хорошо его знали?

— Насколько это возможно.

Слава кивает, принимая ответ, и хмурится.

«Серьёзно? Вы паломничество тут решили устроить что ли? — стонет он, когда к ним целенаправленно идёт Богдан с двумя бутылками из тёмного стекла. — Пацан, а тебе разве уже можно пить?»

Хоть Маша и сказала недавно, что Эдуард по ушам надаёт, если будет что-то алкогольное, но на столе всё равно появились бутылки. Слава, правда, не подходил и не смотрел что в них.

— Можно?

— Не грызи себя, — напоследок советует Эдуард, прежде чем развернуть кресло и

направить его к остальным.

— Кажется, я сегодня популярен, — усмехается Слава, стоит только Богдану оказаться рядом. — Ты что-то хотел?

Вместо ответа мальчишка протягивает одну из принесённых бутылок.

— Я не пью, — на всякий случай сообщает Слава, поднимая взгляд на Богдана. — И тебе не советую.

— Бери, это газировка. Ненавижу вкус пива.

— Как будто ты пробовал, — усмехается Слава, всё-таки принимая бутылку, и мальчишка тут же, словно спеша закрепить успех, садится на кровати рядом.

— Когда вокруг тебя одни взрослые, сделать пару глотков не проблема, — насмешничает Богдан, но как-то вяло. — Эта штука вкуснее. Крафтовая, местная. Имбирь, корица и чего-то там ещё. Попробуй.

Слава подчиняется, отвинчивая крышку, и под пристальным взглядом делает первый глоток.

Газировка приятно щиплет язык, прокатываясь по пищеводу и оседая в желудке лёгкой, щекотной прохладой, оставляя после себя сладковато-острое послевкусие.

— Ну как?

— Ничего так.

Богдан сияет, а Слава впервые задумывается, а не ошибся ли источник Фёдора Игнатьевича. Точно ли вот этот ребёнок участвовал в жестокой охоте на невинных?

— Я хотел сказать спасибо.

Слава замирает, пойманный этими несколькими словами врасплох.

— В смысле... если бы не ты там, в лесу, то, вероятнее всего, меня бы закопали рядом с Они, — Богдан нервно растирает шею, отворачиваясь. — Ну и вот...

Слава рассеянно кивает проворачивая в руках бутылку и не находя слов.

Сказать: «Пожалуйста»?

Банально.

«Не за что»?

Так есть за что.

«Команда всегда должна друг друга прикрывать»?

А они команда?

Команда — это доверие, уверенность в каждом. Слава не...

Он замирает, сжимая пальцы на прохладных боках бутылки, и перед глазами встаёт пустой взгляд Они. Он доверял и был уверен. Он дал им время на победу.

— Команда на то и нужна, чтобы прикрывать спину, — наконец отвечает Слава, отправляя в себя большими глотками сразу половину бутылки.

— Спасибо, — ещё раз повторяет Богдан, но на этот раз гораздо уверенней и теплей, а в следующий момент и сам припадает к газировке, словно только этого момента и ждал, всасывая в себя за раз гораздо больше половины.

«Этот мальчишка точно приведёт меня куда надо?..» — снова задаётся вопросом Слава, наблюдая за тем, как Богдан щурится, словно маленький, дорвавшийся до сметаны котёнок.

Слава снова выбирается на улицу, кутаясь в куртку и вдыхая холодный осенний воздух полной грудью. Ночная темнота сияет чуть в стороне от них огоньками жилых домов и фонарей, завораживая.

Пустая лавка под фонарём будто приглашает составить ей компанию и Слава не отказывает: приваливается спиной к стене и прикрывает глаза. Сна нет. Он не пришёл, когда Слава лежал в койке, не спешит и сейчас. Будто вместо газировки Богдан подсунул ему двойную порцию кофеина.

«Богдан...»

Слава вытягивает ноги и прячет руки в карманы куртки.

Прежде чем поехать на встречу с Сабиной, он пробил весь список через интернет. У кого-то нашёл страницы в соцсетях, о ком-то не обнаружил ни единого упоминания. Мальчишка оказался из первых. Только вот толку от этого ноль. Он скрыл всю личную информацию, оставив на стене лишь несколько вполне обыденных фотографий, да репосты из сообществ по мифологии.

Слава почему-то уверен, что если сейчас зайдёт к Богдану на страницу, то наткнётся на репост о Таугай-лак.

«И на какой козе к тебе подъезжать предлагаешь?»

Кривая усмешка забирается на губы, когда Слава вспоминает прошлый вечер и интерес Богдана к истории с русалками.

«Действительно, что ли, рассказать?»

Тихий шорох вклинивается в мысли, сообщая о том, что кто-то ещё выбрался на улицу, и Слава подбирается, прислушиваясь, но никак не реагируя. Ни на этот шорох, ни на последовавшие за ним шаги. Даже головы не поворачивает. Отмирает лишь тогда, когда перед лицом оказывается банка пива, а подняв взгляд, натывается на Леонида.

— Бери. Эдуард спит, а мы не дети, чтобы глушить газировку. Или ты язвенник-трезвенник?

— Спасибо.

Стоит только прохладной банке оказаться в руках, как Леонид тяжело опускается рядом.

— За Они. Пусть на том свете ему будет лучше, чем здесь.

Тихо щёлкает, открываясь, банка и Леонид делает первый глоток. Славе ничего другого не остается, как последовать за ним.

— За Они, — шепчет он, делая глоток и морщась.

Хмельная горчинка оседает на корне языка и Слава понимает, что, похоже, он тоже всё ещё ребёнок. Газировка ему определенно нравится гораздо больше.

— Я подумал, ты свалил, — зачем-то делится Леонид, делая ещё один глоток.

— И куда же я, по-твоему, должен был свалить ночью?

— Ну, там полиции стукануть, нас бы и повязали тёпленькими.

«Серьёзно?» — безмолвно уточняет Слава, обернувшись и чуть вскинув брови, и Леонид, похоже, считывает вопрос, потому что поясняет, осторожно пожав плечами:

— Незарегистрированное оружие, как минимум. Я видел, как ты рассматривал пистолет вчера.

— Присесть с вами за решётку в мои планы не входит, — ворчит Слава, отворачиваясь и прячась за банкой. — С оружием я просто осторожен.

— Голова у тебя варит, — спустя несколько минут молчания снова начинает Леонид,

даже не извиняясь за подозрения. — Если бы не ты, то нас бы там всех положило.

— Не преувеличивай.

— Серьёзно. Меди ни у кого больше не было, она бы нас на фарш покрошила.

— У Они была медь.

— Они мёртв, а ты жив.

Слава делает ещё один глоток и снова морщится.

— Повезло.

— И выпад твой тоже хорош был, — продолжает, будто не слыша, Леонид. —

Профессионально. Кто-то учил?

— Ага, — Слава усмехается, бросая быстрый взгляд на заинтересованно повернувшегося к нему Леонида. — Видео в интернете и практика в свободное время.

— Ну, я же говорю, голова у тебя работает.

Слава не отзывается, просто замолкает, глядя в черноту за пределами светового круга и позволяя повиснуть тишине.

— И за Богдана спасибо, — внезапно благодарит Леонид. — Герман мне бы шею свернул, вернись я без пацана.

Слава замирает, почуяв след.

«Снова этот Герман. Он кто?»

— А он кто, этот Герман, чтобы тебе шею сворачивать?

Славе кажется, что ответа он не дожждётся. Леонид медленно и как-то задумчиво допивает и отставляет банку в сторону, потом просто молчит. Внутри неприятно скручивается пружина нетерпения и когда кажется, что Слава больше не сможет ждать ответа, Леонид всё-таки отзывается:

— Отец Богдана. Охотник. Командир команды. Выбери на любой вкус.

Слава внутренне делает стойку, будто почуявший добычу пёс, и едва не облизывается.

— Какой команды?

— Да... ты ж не охотник, — словно опомнившись, вспоминает Леонид. Славе кажется, что вот сейчас он поймёт, что сболтнул лишнего, и замолчит, но тот вместо этого поясняет: — Бывают временные команды. Вот как сейчас. Собираются несколько охотников, кто может приехать относительно быстро, договариваются и идут. А бывают такие, которые ходят на охоту постоянным составом. У Руслана, отца Сабины, например, как раз такая. Не знаю, знаешь ли ты его. У Германа точно так же. Оружие, базы, помощь. Могу помочь, если хочешь.

Леонид усмехается и внезапно кивает на банку в руках Славы.

— Не будешь допивать?

— И с чего такая щедрость? — подозрительно уточняет Слава, отдавая свою банку.

«Да, — шепчет внутренний голос, растекаясь щекоткой за рёбрами. — Помоги войти в команду. Давай».

— Я же сказал, ты умный и смелый. Нам такие быгодились. Плюс ты помог Богдану. Герман оценит. Так что?

— Можно попробовать, — добавляя в голос сомнений, отзывается Слава.

— Замётано. Только дай свой номер, — Леонид неловко вытаскивает мобильник из кармана куртки. — Чтобы я мог связаться с тобой, когда переговорю с Германом.

Слава всё-таки облизывается, когда Леонид убирает мобильник обратно.

Похоже теперь он ещё на шаг ближе к цели.

Глава 5

— Да позвони ты уже, — требует Сабина, когда город и автомастерская оказываются позади, а они выезжают на главное шоссе. — Смотреть тошно.

Слава пристыжено, будто пойманный врасплох мальчишка, прячет мобильник в ладонях.

— Слаав, — тянет Сабина недовольно. — Просто позвони и успокойся.

— Я могу втянуть его этим звонком. Ты же знаешь, что существуют программы...

— Параноик, — обречённо стонет Сабина. — Это у вас есть программы, у нас их нет.

— У них могут быть связи...

— Тебя спасает только то, что я сейчас за рулём, — ворчит Сабина, бросая на Славу быстрый взгляд. — Руки так чешутся стукнуть!

«А ещё телефон снова может быть недоступен» — мысленно продолжает Слава, с невеселой усмешкой снова проворачивая мобильник в пальцах.

— А мать я только побеспокою, — наконец заканчивает он вслух.

— А что случилось со старым телефоном? Ты так и не сказал.

— По легенде утопил, так что даже симка отказалась работать.

— Параноик, — хмыкает Сабина, вызывая у Славы усмешку:

— А ты повторяешься. Я не хочу, чтобы из-за такой мелочи, как телефон, всё полетело к чертям. Можешь сколько угодно считать меня параноиком, — ворчит Слава, недовольно отворачиваясь к окну. — Здесь можно ехать быстрее. Ускоришься?

— Кстати об этом.

— О скорости?

— О деле. Ты уверен, что не ошибся? Богдан не выглядит как человек способный на то, что творят те охотники. Он же просто мальчишка.

— Сабин, я не знаю, — честно отзывается Слава с усталым вздохом. Ему хочется прикрыть глаза и не открывать их минимум пару суток. И желательно, чтобы по пробуждению всё само собой рассосалось. — Просто... это единственная доступная мне сейчас ниточка. Тем более...

— Слав?

— Ты знаешь, кто такой Герман? — внезапно интересуется он, оборачиваясь к Сабине так, что ремень безопасности натягивается до упора, врезаясь в грудь.

— Охотник. У него, кажется, своя команда. Этаким маленький закрытый клуб для своих. Похоже параноик похлеще тебя. Я мало что о нём знаю. Можешь у отца спросить, когда приедем.

Слава кивает, соглашаясь. Спросить Руслана — это отличная идея. Он варится в этом котле гораздо больше времени.

— Сегодня ночью меня, кажется, пригласили в этот закрытый клуб. Вернее пообещали выслать пригласительный билет, — Слава откидывается на спинку сидения и запрокидывает голову, бездумно разглядывая потолок. — Потяну за эту ниточку, вдруг что-то да вытяну.

— А если нет?

Машина сворачивает на повороте, и Слава прикрывает глаза.

— Если эта ниточка оборвётся, то буду искать подход к оставшимся. У меня есть время.

— Так, давай ещё раз, — требует Руслан, тяжело опуская в кресло. С последней их встречи он ещё больше поседел, но так и остался всё таким же крепким и подтянутым. — Что ты хочешь?..

— А у вас неплохой домик, — уходит от темы Слава, оглядывая небольшую, выполненную в шоколадно-бежевых тонах гостиную. — За сколько покупали? Я тоже о доме подумываю. По работе, конечно, перевестись придётся...

— Владислав.

Рычание Руслану даётся немногим хуже, чем Демиду, даром, что не оборотень.

Слава вопросительно выгибает брови, встречаясь с серыми глазами так не похожими на глаза Сабины. Их непохожесть всегда удивляла Славу. Если бы он не знал, что Сабина пошла в мать, то решил бы, что они и не отец с дочерью.

— Ты серьёзно собираешься в одиночку влезть к охотникам, которые потрошат оборотней?

— Для начала мне нужно их найти, — Слава откидывается на спинку дивана, подальше от тяжелого взгляда из-под нахмуренных бровей. — Именно за этим я здесь.

— А я-то думала, ты за компанию приехал, — насмешливо ворчит Сабина, возвращаясь из кухни с тарелкой бутербродов и парой зелёных, пузатых, керамических кружек.

— Одно другому не мешает, — Слава утаскивает бутерброд раньше, чем тарелка оказывается на журнальном столике. — Спафыбо.

— Ты сам говорил, пап, — замечает Сабина, устраиваясь на диване. — Что они тебе не нравятся.

— Они никому не нравятся, кто в здравом уме, — ворчит Руслан. — Они не охотники, а серийные убийцы. И до кучи привлекают к себе лишнее внимание.

— Значит, никто не будет о них переживать, ещё и спасибо скажут, когда мы их закроем.

— Я за тебя переживаю, дурень.

На этот раз Слава не обращает на хмурый взгляд Руслана никакого внимания. Есть ему хочется гораздо больше, чем держаться подальше от недовольного охотника.

— Думаешь, выкашивая целые стаи, они пожалеют тебя?

— Я челофек, — быстро жуя очередной бутерброд, пожимает плечами Слава.

— Ты делишь нелюдей на хороших и плохих, ты ставишь их на один уровень с людьми, — Руслан наклоняется, опираясь локтями о колени. — Что если им этого достаточно, чтобы вынести приговор?

— А давай ты не будешь меня пугать? Я мальчик взрослый, сам принимаю решения и от намеченного всё равно не отступлю. Тебе решать, помогать мне или нет.

— Спрашивай.

Руслан возвращается в исходное положение, откидываясь на спинку кресла, и теперь приходит черёд Славы подаваться вперёд, упираясь локтями в колени.

— Кто именно входит в эту группу, я так понимаю, ты не знаешь. Иначе бы знала и Сабина.

Руслан бросает быстрый взгляд на притаившуюся Сабину, но Слава к ней даже не оборачивается, продолжая наблюдать.

— Многие знают мою позицию относительно охоты, так что до меня долетают лишь слухи, ничего конкретного.

— И какие же это слухи? Имена? Места?

— Может ещё адреса и паспортные данные дать? — насмешничает Руслан. — Ты многого от меня хочешь, Слав. Я просто охотник, знающий, что зло могут принести не только нелюди, но и люди.

Слава чувствует, как рядом начинает шевелиться Сабина и ему даже оборачиваться не надо, чтобы понять, что она сейчас растирает предплечье левой руки, то самое, где под татуировкой плюща прячутся шрамы не только от клыков оборотня, но и от ножа. Следы что остались не только на теле, но и на душе.

— Если я назову имена, сможешь ли ты сказать, соответствуют ли они тем слухам, что ты слышал? У меня есть... список.

Слава хочет добавить к нему ещё и Леонида, но понятия не имеет какая у того фамилия, а имя мало что значит. Взять хотя бы Они. Он, похоже, и вовсе не пользовался им.

— Попытаюсь.

— Отлично. А потом расскажи мне о тех слухах, что доходили до тебя.

* * *

Из всего списка Руслан узнал только одно: Влас Введенский, зато подкинул парочку новых, не сказав при этом ничего конкретного.

«Слухи, Слав. А сказать можно что угодно».

Слава только кивнул, согласившись. Сказать действительно можно что угодно, как очернив, так и обелив человека.

... — Богдан? Сабина говорила, что ему шестнадцать. Как он только в твой список попал?

Слава лишь пожмает плечами. Он и сам задаётся тем же вопросом, а потом вспоминает собственное неумное любопытство, первую встречу с Сабиной и приходит к выводу, что Богдан мог попасть в него случайно, просто оказавшись не в том месте и не в то время.

— А что ещё о нём можешь сказать?

— Говорят, что он ребёнок Германа и что тот пытается слепить из мальчишки своё подобие. Но, как я уже говорил, это просто слухи.

— Просто слухи, — повторяет Слава задумчиво и тут же переключается. — А что ты можешь сказать про самого Германа?

— Не так уж и много, на самом деле. Опытный охотник. Пересекались пару раз в своё время. Жёсткий, самоуверенный, но обаятельный. Зарине он понравился. Общие интересы творят чудеса. Думаю, если бы она не была уже замужем за мной, то попытала бы счастье с ним.

Слава вопросительно выгибает бровь и Руслан поясняет:

— Оборотни. Антипатия, граничащая с ненавистью. Понятия не имею, какой он сейчас. Давно не пересекались...

«Антипатия, граничащая с ненавистью...»

Слава чувствует, что нашёл то, что искал, осталось только одно — добраться до них.

«Если не позвонит Леонид, придётся искать другие пути».

— И о чём это ты думаешь с таким хмурым лицом?

Сабина появляется неожиданно. Входит в выделенную ему комнату, тихо прикрывая за собой дверь плечом и неся в руках пластиковую коробку. Босая, с забранными в высокий хвост волосами и в домашней одежде ничуть не срывающей ни вьющуюся по левому предплечью татуировку, ни полученные на охоте порезы на ногах.

— Сядь нормально и сними толстовку.

— С каких пор ты заделалась медсестрой? — смеётся Слава, когда Сабина открывает оказавшуюся аптечкой коробку.

— Для тебя, всё что угодно, — с милой улыбкой отзывается Сабина, вызывая у Славы ещё один смешок. — Снимай толстовку, кому говорю.

— Слушаюсь и повинуюсь. Сама-то как?

Снимая толстовку, он кивает на длинные полоски пластыря, что сразу же бросаются в глаза, стоит только опустить взгляд на ноги: белые мазки по смуглой коже. Короткие шорты не скрывают ни одной раны.

— Ноги клеивать и самой удобно. Повернись боком и не дёргайся. Так о чём ты так усиленно тут думал?

Тёплые пальцы мягко касаются кожи, сначала осторожно снимая повязку, затем обрабатывая рану. Слава ёжится, когда их сменяет прохладное касание ваты, и морщится, когда рану начинает щипать.

— Слааав.

— Да всё о том же.

— Как сунуть голову в пасть тигра и остаться в живых, если это действительно окажется тигр?

— Ну вот, ты и сама всё прекрасно знаешь. Зачем спрашиваешь, — притворно ворчит Слава и тут же шипит, когда Сабина особо сильно давит на рану ватной палочкой.

— Поворчи мне тут ещё.

— Что ты, как можно.

— Сейчас ещё раз ткну, — угрожает Сабина, но, вместо того чтобы выполнить угрозу, шуршит упаковкой пластыря. — Не двигайся, а то криво наклею. И... Слав. Позвони. Хоть кому-нибудь. Ты снова это делаешь.

Только сейчас Слава понимает, что всё время пока Сабина была в комнате он вертел в пальцах телефон.

— Здесь тебя никто не подслушает, так что звони спокойно. Думаю, у тебя есть кто-то ещё, кому ты можешь позвонить. Помимо Демида и матери.

Сабина уходит из комнаты, забирая с собой коробку и использованный бинт, а Слава ещё какое-то время сидит, решаясь.

Она права, помимо матери и Демида у него есть ещё человек, которому он может позвонить. Даже несколько, но лишь одного человека он побеспокоил, прежде чем уехать. Риту.

Слава всё-таки снимает блокировку с мобильного и уверенно набирает номер. С той стороны отвечают почти сразу, не проходит и трёх гудков.

— Привет, Рит, как поживают твои ведьмы?

— *Да иди ты, Слав. Не мог что-нибудь нормальное спросить после нескольких дней молчания?* — шипит Рита в ответ, давая понять, что это не та тема, в которую стоит лезть. — *Сам как?*

— Жив, здоров, — отчитывается он, скашивая взгляд на белеющую на плече полоску пластыря и мысленно поправляясь: «Относительно здоров». — Наслаждаюсь отпуском.

— *Живым только из этого отпуска вернись, а то знаю я тебя и твою любовь соваться в осиные гнёзда. Твоя мать не звонила, если ты на счёт этого хотел спросить. Если что-то пробить, то тебе придётся ждать понедельника. Я на работу в выходные ни ногой. Не люблю, знаешь ли, напрягаться бесплатно.*

— Знаю, — соглашается Слава, осторожно укладываясь на кровать и закидывая здоровую руку за голову. Его немного отпускает, ведь раз мать не звонила, значит всё в порядке. — Так как там говоришь твои ведьмы?

Ехидство пробивается в голосе и не остаётся незамеченным, потому что Рита на том конце шипит гадюкой, но всё же отвечает, вываливая на него всё недовольство работой, ведьмой и вообще, похоже, людьми в целом. Слава на это, правда, только улыбается. Ему впервые за последние дни становится спокойней.

* * *

Три дня. Именно столько требуется Славе, чтобы прошерстить интернет в поиске людей скрывающихся под полученными от Руслана именами и решить, что, похоже, ему придётся начинать всё сначала, а Леониду, чтобы позвонить.

Телефонный звонок застаёт Славу в душе. Тихо звенит выставленная по умолчанию мелодия, вплетаясь в шорох льющейся воды. Она сначала кажется Славе игрой воображения, а когда он понимает, что это не так, то телефон уже замолкает. Чтобы спустя несколько секунд снова подать голос.

Слава скользит по полу босыми ногами, спешно выбираясь из душевой кабины и на ходу повязывая полотенце на бёдра. Мобильник оказывается погребён под стопкой одежды на пластиковой тумбочке и Слава лишь надеется, что тот не перестанет звонить.

— Слушаю.

— *А я уж думал, ты передумал,* — замечает смутно знакомый голос в трубке.

Совсем немного времени уходит на то, чтобы узнать собеседника и понять о чём идёт речь. Тем более что тот уже и сам спешит представиться, видимо решив, что его не узнали:

— *Это Леонид. Помнишь такого?*

— Помню, — Слава выдыхает, зачёсывая мокрые, толком не промытые от шампуня волосы назад.

Ещё бы он забыл.

— *Герман хочет посмотреть тебя в деле. Ты как? Подлатал себя после прошлого раза?*

— Жив, цел, готов, — словно рапортуя, отзывается Слава, чувствуя, как в груди предвкушающе разгоняется сердце.

Кажется, тигр всё-таки решил приоткрыть для него свою пасть. Остаётся только сунуть в неё голову. Что Слава тут же и делает, уточняя:

— Где и когда?

— *Завтра в десять в Саростроже. Я тебя заберу.*

Слава понятия не имеет, почему Леонид считает, что он успеет добраться, однако уверенность в чужом голосе не позволяют ответить никак иначе кроме:

— Принято.

— *Тогда до встречи. Коллега.*

Последнее звучит будто насмешка, но отвечать на это уже некому. Леонид сбросил вызов, оставляя Славу с его мнением наедине.

* * *

На поиски Руслана Слава отправляется сразу после душа, едва прополоскав волосы и одевшись. Шлёпает босыми ногами по коридору, поздно вспомнив про тапки и не пожелав возвращаться, а когда находит, ныряет с места в карьер, не желая тратить и так ограниченное время.

— Руслан, мне нужна твоя помощь.

Слава давно мог вернуться домой, забрать оставленный в квартире пистолет, сменить одежду, а вместо этого остался в доме Руслана, нагло воспользовавшись чужим гостеприимством, стиральной машинкой и вай-фаем. А сейчас собирается распотрошить ещё и оружейный запас. И ему ни капельки не стыдно.

— Что на этот раз?

Руслан отвлекается от завтрака, вопросительно вскидывая брови, и Слава не заставляет себя ждать:

— Мне нужно оружие. Кажется, тигр, наконец, приоткрыл для меня свою пасть.

Глава 6

— Ты уверен? — спрашивает Сабина стоит только Славе, закинув рюкзак на заднее сидение, сесть и захлопнуть дверь.

— Да.

Защёлкнув ремень безопасности, Слава оборачивается, припечатывая:

— Я не передумаю. Если ты об этом.

— А если это действительно они?

Машина трогается, выезжая из гаража и сворачивая на главную дорогу.

— Мне же легче. Не придётся начинать всё сначала. Отпуск у меня, знаешь ли, не резиновый.

— А ты не бессмертный, — тихо ворчит Сабина, дёргая рычаг переключения передач резче, чем необходимо.

— Да ладно тебе. Я в полицию не за красивой формой пошёл. Для этого можно было и в пилоты двинуть, — Слава подмигивает обернувшейся к нему Сабине и растягивает губы в улыбке. — У них форма тоже ничего так.

— А ещё зарплата выше, — поддакивает Сабина, отворачиваясь обратно к дороге. — Чувствую себя таксистом.

— Пожалей меня бедного бюджетника. Ты сама сказала, что у меня зарплата маленькая, откуда такому как мне взять деньги на железного коня.

Сабина хмыкает и ничего больше не говорит. Только у Славы от этого многозначительного хмыка вспыхивают кончики ушей, и он наконец-то перестаёт паясничать.

* * *

Мелькает, тут же оставаясь позади, название города, проносятся мимо, словно перетекая друг в друга: приземистые домики и старенькие, но опрятные малоэтажки. Появляются светофоры, пару из которых Сабина минует на мигающий зеленый.

Навигатор механическим голосом советует, будто состоящую из одних поворотов, дорогу.

Этот город совсем не похож на тот, где Слава вырос.

Пролетевшие мимо частные дома пригорода сменяются отнюдь не старыми жёлтенькими малоэтажками, а пустырями и стройкой, что своим синим забором почти прилипла к автозаправке, которую Сабина полностью игнорирует.

Причудливо соседствуют с высокими зданиями серенькие пятиэтажки и приземистые магазины. Даже дорога под колёсами стелется ровно, позволяя не сбавлять скорость.

Стоит Славе об этом подумать, как машину встряхивает, так что он клацает челюстью от неожиданности. Сабина матерится себе под нос и наконец-то сбавляет скорость.

До назначенного Леонидом времени остаётся меньше часа.

* * *

Снаружи гораздо холоднее, чем хотелось бы Славе и, выходя из машины, он тут же застёгивает куртку, не позволяя ветру забраться внутрь. До кафе, в котором назначена встреча, если верить карте, совсем недалеко и можно пройти. Тем более что время позволяет.

— Слав?

Голос Сабины ловит его в неудобном положении, но Слава всё равно замирает: наклонившийся за рюкзаком и уже успевший ухватить его за лямки. Дорвавшийся ветер тут же облизывает холодом поясницу, заставляя поёжиться.

— Будь осторожен.

Слава какое-то время вглядывается в напряжённое, обеспокоенное лицо, прежде чем растянуть губы в беззаботной улыбке и подмигнуть, руша сгустившуюся неприятную атмосферу:

— Обязательно. Мне ещё лет через десять парней от мелкой отваживать. Не хочу такое пропустить.

— Паяц, — ворчит Сабина скорее для проформы, чем действительно недовольно. — Обрато сам добирайся, если тебя продинамят. И, — она на мгновение прикусывает губу, прежде чем продолжить: — Если нужна будет помощь, напиши.

— Обязательно, — серьёзно кивает он, а затем расплывается в улыбке. — Лёгкой дороги.

Слава смотрит вслед отъезжающей машине до тех пор, пока она не скрывается из вида, а потом отбивает сообщение с благодарностью, прежде чем, сверившись с картой, оглянуться и направиться в сторону спрятавшегося меж домов кафе.

* * *

До назначенного времени остаётся совсем ничего, когда Слава добирается до места и, не найдя среди посетителей знакомого лица, занимает свободный столик недалеко от входа.

Спину надёжно прикрывает высокая спинка бардового кожаного диванчика, в уголке у стены находит своё место рюкзак и Слава расслабляется, заказывая обед и кофе.

Он ждёт, вертя в руках кружку с быстро принесённым напитком, однако народ в кафе всё пребывает, а Леонида так и нет. Тот появляется, когда Славе уже приносят оставшийся заказ, опоздав на пятнадцать минут.

— Пробки? — участливо уточняет Слава, поддевая вилкой плов и отправляя его в рот.

— Авария на дороге.

Леонид осторожно опускается на диванчик напротив, оберегая бок от резких движений, и делает быстрый заказ подошедшей официантке, ограничиваясь чашкой чёрного чая.

— Доедай и поехали.

— Где-то что-то горит? — невинно уточняет Слава, нарочито медленно отпивая из чашки кофе и возвращаясь к плову. Внутри всё подрагивает от нетерпения. Он готов прямо сейчас сорваться, оставив обед на тарелке, а желудок голодным, однако понимает — торопиться нельзя. Нельзя показывать это нетерпение иначе могут возникнуть вопросы. Предложение присоединиться исходило от Леонида, именно он звонил и назначал встречу, а значит им нужнее. Хотя бы со стороны должно выглядеть именно так.

— Хочу вернуться обратно к ужину.

Слава вопросительно вскидывает брови, внезапно понимая, что этот город, похоже, не конечный пункт его путешествия.

Они оба молчат до тех пор, пока принёсшая заказ официантка не уходит, вновь оставляя их в относительном уединении.

Голоса других посетителей жужжат, почти сливаясь с фоновой музыкой, и Слава наклоняется чуть вперёд, чтобы тихо уточнить:

— И далеко ехать?

— Приедем, узнаешь.

* * *

Оттаивает Леонид лишь в машине: медленно забравшись на водительское сидение и осторожно пристегнувшись. То как он при этом морщится, даёт понять, что нанесённая Таутай-лак рана всё ещё беспокоит. Видимо её когти неплохо вспороли ему бок.

— Дерьмовые дороги, по ним на нормальной скорости не проехать. Если, конечно, жалеешь машину, — снисходит до пояснений Леонид, когда они разворачиваются.

Дорога, по которой Славу привезла сюда Сабина, оказывается позади, намекая на то, что выбираться из города они будут другим путём.

«Тебе скорее себя пожалеть стоит, чем машину» — замечает Слава, не произнося ничего вслух. Леонид снова морщится, когда приходится тормознуть на светофоре и ремень безопасности впивается в грудь.

— Не переживай, доставлю тебя в лучшем виде. Ты ценный груз.

— Главное чтоб не двухсотый, — шутит Слава не совсем уверенный чего именно в словах больше: шутки или серьёзного беспокойства, что зародилось маленькой горошинкой где-то на уровне желудка.

— Сплюнь, — шипит Леонид, обжигая Славу недовольным взглядом поверх очков. — Тебе Они мало?

— Не знал, что охотники такие суеверные.

— Везде есть свои правила, — холодно отзывается Леонид, не отрывая взгляда от дороги. — У нас — это недопустимость шуток про смерть. Может услышать.

— Разумно, — спустя какое-то время соглашается Слава и отворачивается к окну, вглядываясь в проносящийся мимо пейзаж и прикидывая, куда именно его везут.

* * *

Привычные и такие знакомые серые панельки теряются на фоне многоэтажных зданий. Девяти и двенадцатиэтажные дома тянутся ввысь, устремляясь своими стенами к небу и подмигивая окнами вслед приближающемуся к закату солнцу.

— Приехали, — сообщает Леонид, паркуя машину сбоку одной из красных девятиэтажных «свечек». — Выбирайся.

Его дважды просить не нужно. Слава выскакивает наружу, вернувшись в салон лишь за рюкзаком, и с удовольствием потягивается до хруста. Шестичасовая дорога без возможности размяться или чем-то заняться вымотала ничуть не меньше самого аврального рабочего дня.

Правда, Леониду наверняка было гораздо тяжелее.

Слава косится на ушедшего вперед Леонида, но того выдаёт разве что осторожность с которой он двигается.

— И какой этаж? — не может удержаться Слава, следуя за своим проводником вверх по лестнице и минуя первый пролёт. — Может на лифте?

— Дойдём, узнаешь, — в знакомой уже манере отзывается Леонид, игнорируя второй вопрос.

Слава хмыкает и замолкает, понимая, что быстрее будет дойти и самому узнать, чем добиться более конкретного ответа. Тем более что цель оказывается совсем близко — прямо на следующем этаже.

Звонят ключи, прежде чем звучит требовательное: «Проходи» и Слава шагает в небольшую серенькую прихожую.

— Куртка, обувь.

Указав на вешалку и коврик под ней, где уже притаились знакомые чёрные кроссовки, Леонид разувается и исчезает в проёме, откуда вскоре выглядывает любопытный и растрёпанный Богдан.

— О! Так это ты, то пополнение, о котором говорил Леонид?

Слава вопросительно выкидывает брови, замирая с курткой в руках, только вместо ответа Богдан лишь расплывается в улыбке и тянет довольно:

— Круто!

— Он ещё не в команде, — Леонид выглядывает в прихожую с другой стороны проёма. — Герман хочет на него взглянуть. И я тебе ничего не говорил. Лучше бы в магазин сходил, в холодильнике шаром покати.

— Я тебе не домработница, — парирует Богдан в спину, снова исчезнувшему из поля зрения Леониду. — Это тебя со мной нянькаться оставили, а не меня!

Слава решает не реагировать, наконец-то спокойно отправляя куртку на свободный крючок и пряча ботинки в углу. Он рассчитывает, что мальчишка уйдёт и позволит хоть немного оглядеться, но тот, похоже, даже не думает о подобном. Богдан так и продолжает стоять, навалившись грудью на косяк, и отмирает лишь тогда, когда Слава снова обращает на него внимание.

— Гости у нас тут живут.

Богдан наконец-то отлипает от косяка, полностью выбираясь на свет и позволяя рассмотреть себя нормально. Сейчас Богдану, не то что восемнадцать, шестнадцать тяжело дать. Худой, немного нескладный. Простая чёрная майка не скрывает, а, кажется, лишь подчёркивает это. Как и домашние шорты. Слава тоже когда-то был таким: нескладным мальчишкой подростком. Только гораздо менее тренированным.

— Проходи, располагайся, — Богдан толкает ближайшую дверь, за которой внезапно оказывается жилая комната. — Нижние койки, правда, заняты, но верхние свободны. Или можешь забрать себе кресло. Не знаю, появится ли сегодня отец, но думаю, хотя бы пару дней ты тут точно пробудешь.

Комната чем-то напоминает угол у Эдуарда. Простая и максимально вместительная. Две двухуровневые кровати справа, небольшой шкаф у балконного, закрытого горизонтальными жалюзи, окна и большая карта страны, соседствующая с магнитно-маркерной доской на свободной стене. Предложенное кресло тёмной тенью ютится под подоконником. Максимально простое и, даже на вид, старенькое.

— Кухня там, — Богдан показывает пальцем на стену с картой. — Надеюсь, ты играешь в настолки? С этими, — он морщится, перекатываясь с пятки на носок и кивая в сторону выхода. — Разве что в карты сыграть можно, да и то лишь в «дурака», для остального я «слишком маленький».

Богдан видимо передразнивает кого-то из команды.

— А ещё я готовить умею.

— Супер! Не придётся больше жрать только собственную стряпню и пельмени!

Богдан вылетает из комнаты, будто пробка из бутылки шампанского, и Слава усмехается, слыша приглушённое:

— Чего ты там говорил купить надо? Я схожу! Слава обещал взять готовку на себя!

Слава вздыхает. Ничего такого он не обещал, но есть и самому хочется, а готовка для него давно уже не мучение.

* * *

Трёхкомнатная квартира упрямо хранит свои тайны. Всё что доступно Славе для осмотра — это та самая комната, где его поселили, и общие места пользования, которые мало чего могут рассказать.

Славе кажется, что он и вовсе под колпаком, потому что рядом всё время кто-то находится, хотя в квартире их всего трое.

— Расскажи про русалок, — снова закидывает удочку Богдан, послушно вставая к раковине, когда с ужином оказывается покончено.

— А чего про них рассказывать? — делает вид, что не понимает Слава, однако с кухни не уходит, продолжая сидеть за столом. — Их несколько видов, каждый из которых имеет свою особенность, и дело не только в разделении на хвост и ноги. Общего? Селятся близь воды, любят заманивать мужчин.

Слава пожимает плечами.

«Знаю, чего ждёшь, но я тоже много чего жду, но не получаю».

— А ещё?

«А за ещё это тебе лучше к Ваське, это он у нас спец по водным просторам. С любой русалкой договорится. По-хорошему или по-плохому».

В своё время именно он Славе целую лекцию прочитал. Постфактум правда, когда охота на русалок уже закончилась.

— А что ещё? Я не энциклопедия знаешь ли.

Богдан оборачивается, хлопнув ладонью по ручке смесителя и выключив воду.

— Ты отговорился там, у Эдуарда, но сейчас-то чего?

Уперевшись спиной в стену Слава наблюдает за тем, как недовольно хмурятся брови мальчишки и как он поджимает губы. Мокрые после мытья посуды руки кулаками упираются в бока. Только вот грозного вида всё равно не получается.

— А сейчас ничего не меняется. Рассказывать нечего. Была охота. Закончилась охота.

Слава тоже умеет поджимать губы. Что он и делает, складывая руки на груди. Разговаривать на эту тему ему не особо хочется.

— Так как получилось, что на тебя их песня не подействовала? Говорят, там сирены были, — Богдан не отстаёт, садясь и напирая, почти ложась грудью на стол.

— Не сирены, а мавки. Впрочем, одно от другого... говорил же, просто рыбу не люблю, — Слава усмехается. — Может, сыграем? Карты, настолка или приставка, если у тебя есть.

Он понимает, что в комнату Германа его никто не пустит и даже одним глазком заглянуть не позволит, а вот в комнату его сына...

— Идём, — заглядывает наживку Богдан. — Настолка — это надолго, но приставка у меня тоже есть!

«Кто бы сомневался» — довольно улыбается Слава, поднимаясь и следуя за мальчишкой.

* * *

Комната оказывается абсолютно обычной и... очень маленькой, хоть и функциональной. Кровать-чердак со спрятавшимся под ней компьютерным столом, приткнувшийся между ними и стеной узкий шкаф, кресло-мешок у окна и шведская стенка с противоположной стороны. Вполне обычная мальчишеская комната.

— Садись, я сейчас достану!

Слава наблюдает за суетливыми движениями Богдана, будто тот боится, что предложение ограничено по времени и если притормозить, то оно выйдет.

Вот мальчишка роется в шкафу, вот, достав приставку, подключает её к монитору и убегает, как выясняется, за дополнительным стулом.

Тонкие пальцы обхватывают джойстик, когда игра подгружается, а Слава вспоминает, как они же меньше недели назад сжимались на рукояти пистолета и жали на спусковой крючок. Так же уверенно.

— Вот, смотри. Давай расскажу, как играть...

Богдан поясняет, показывая кнопки и их комбинации, а Слава слушает вполуха. Он пытается представить мальчишку на охоте. Не с пистолетом, а с мачете или чем-то другим достаточно острым и большим. Не на агрессивное существо-убийцу, а на тех, кто из года в год просто живёт, никому не мешая и не вредя.

Слава отмечает тренированные, но не накачанные мышцы рук и жалеет, что не успел посмотреть его в действии.

«Смог бы он?.. — снова задаётся Слава всё тем же вопросом и сам себе отвечает: — Ему всего шестнадцать».

Он помнит, Сабине было почти восемнадцать, когда она пошла на оборотня в одиночку. Не намного больше, чем Богдану сейчас. И у него есть команда.

— Ты меня слушаешь? — обиженно поджимает губы Богдан, и Слава кивает, подхватывая свой джойстик.

— Слушаю. Врубай, давай игру, посмотрим, чего я запомнил.

Пока Богдан выбирает нужные пункты в меню, Слава снова смотрит и внезапно понимает: он хочет, чтобы всё было досадной ошибкой. Даже если это будет означать, что ему придётся начинать сначала.

* * *

Богдан оказывается опытным игроком, а сам Слава так давно не брал в руки джойстик, что отыграться получается с трудом. Увлёкшись происходящим на мониторе и бурлящим в крови, как когда-то давно, желанием выиграть, Слава пропускает момент, когда что-то меняется.

Богдан замирает, к чему-то прислушавшись, а потом, отточенным движением поставив игру на паузу, подсакивает со стула, оставляя сидение крутиться вокруг своей оси.

— Приехали, — отвечает, будто рапортует, Богдан на недоуменный взгляд и выскакивает из комнаты. От улыбки, всё это время обитавшей на его губах, не остаётся ни следа.

«Приехали...» — эхом проносится в мыслях ответ на незаданный вслух вопрос.

Слава тоже подпрыгивает вслед за мальчишкой, чувствуя, как ускоряется пульс. Ещё немного и он узнает, как выглядит Герман.

Ещё чуть-чуть...

Слава выходит в коридор, замирая за спиной вставшего в проходе Богдана.

— Отец, у нас пополнение.

Богдан отступает, позволяя всем желающим рассмотреть Славу, и тот спокойно шагает вперёд, скользя взглядом по трём одетым в одинаково неброскую одежду мужчинам, замершим в небольшой прихожей.

«И кто из вас Герман?»

Спрашивать вслух не приходится. Один из охотников, тот что и так находится впереди, делает полшага, выделяя себя из общей группы.

Средний рост, средний вес, короткие русые волосы, карие глаза. Слава оглядывает вставшего перед ним упакованного в чёрные джинсы и тёмно-коричневый свитер мужчину и на ум приходит только одно слово: «Среднестатистический». Отличается только взгляд: цепкий и холодный.

«Так ты и есть Герман?»

— Слава?

Мужчина не спешит представляться, а Слава уточнять, лишь отвечает на поставленный вопрос, выжидая:

— Да.

— А полное имя? — зачем-то уточняет Герман, приподнимая брови. За его спиной замерли, прислонившись к стене по обе стороны от входной двери, два чем-то похожих между собой охотника. Обманчиво расслабленные позы совсем не вяжутся с настороженными, задумчиво-цепкими взглядами, что нет-нет да ловит на себе Слава.

Впрочем, он и сам смотрит, улавливая в чужих лицах что-то знакомое.

«Мы с вами уже сталкивались или вы из списка?»

— Владислав.

Взгляд Германа становится каким-то задумчивым.

— А почему не Влад?

Слава теряется на мгновение, потому что вопрос звучит так, будто вариант сокращения имени действительно имеет значение.

— Потому что Слава, — всё-таки отзывается Слава, и Герман коротко усмехается, принимая ответ.

— Леонид рассказал тебе об условии? — уточняет Герман и, когда Слава кивает, протягивает руку, наконец-то представляясь и рассеивая сомнения: — Я Герман.

«В яблочко, — решает Слава после того как Герман представляет оставшихся охотников. — А если нет, то список всё равно сокращается».

Слава с интересом наблюдает за передвижениями охотников по комнате, заняв стратегически удобное положение на втором ярусе у балкона.

Чуть полноватые, но крепкие высокие фигуры, короткие стрижки и действительно похожие лица. Только один предпочитает чисто бриться, а второй отпустил бороду.

«Архип и Влас Введенские. Братья» — Слава ставит галочки в воображаемом списке. Одно из этих имён было в переданной ему папке, правда почему-то без фамилии, но лицо на фотографии не позволяет ошибиться. Имя же второго назвал Руслан.

Движение между тем продолжают. Шкаф, кровать, коридор, снова шкаф.

Спокойные, уверенные движения и молчание.

Слава не знает эти братья сами по себе такие молчаливые или просто опасаются говорить при нём. Однако между собой они не переглядываются и на него тоже не смотрят. Все взгляды закончились в коридоре перед дверью.

Вот один из них выходит на балкон и через оставшуюся приоткрытой дверь тянет сначала холодком и лёгкой свежестью улицы, а затем сигаретным дымом.

Поморщившись, Слава привстаёт и тянется, цепляясь за бортик, чтобы прикрыть дверь. Именно в этот момент в комнату заходит Герман, а за спиной у него маячит Леонид с папкой в руках.

— Влас?

— Тут, — отзывается Влас почти мгновенно, возвращаясь, и Слава едва успевает отдернуть руку. Балконная дверь, распахиваясь, почти не касается борта койки.

— Отлично. Слезай.

Последнее адресовано исключительно Славе и он послушно спускается, оказываясь на ногах как раз в тот момент, когда в комнату забиваются похоже все, кто есть в квартире.

— Новое дело. Простенькое. В самый раз для нашего новичка.

Слава напрягается, пока Герман крепит магнитами к доске несколько фотографий и ксерокопий.

«Меня собираются отправить одного?..»

— Не бойся, — словно прочитав его мысли, требует Леонид. — Никто тебя туда одного не пустит.

Влас рядом усмехается в бороду так паскудно, что Славе хочется ответить. На языке у него так и вертится отрицание, которое приходится проглотить.

Он не боится самой охоты, гораздо страшнее провалиться, отказавшись убивать цель, если та окажется невинна.

— Я и не боюсь, — всё-таки замечает он под нечитаемым, но пристальным взглядом Леонида.

Кто-то снова хмыкает, у Славы создаётся ощущение, что на этот раз это стоящий у дверей Архип, но смотреть на того не хочется. Всё самое интересное находится не там, а на доске. На закреплённых круглыми разноцветными магнитиками фотографиях и копиях полицейских протоколов.

Слава подходит ближе, чтобы лучше рассмотреть.

Незнакомые лица смотрят с фотографий первого ряда. Он едва обращает на них внимание, прежде чем скользнуть дальше, к изображению растерзанных тел в тёмном ореоле впитавшейся в землю крови и... размытой фотографии, на которой чёрным пятном мелькает зверь.

— Нравится? — усмеваются совсем рядом, и Слава поводит плечами, отвлекаясь от доски.

— Всегда мечтал посмотреть на бойню, ага.

«Зверь... Люди так не убивают. Не эти люди» — Слава вспоминает фотографии с мест убийства стай. Не менее жуткие и кровавые, но едва ли похожие на то, что он видит перед собой.

— Это не бойня, — отзывается Герман, когда Слава отступает, стараясь не смотреть на последнюю фотографию. Крупный поджарый чёрный зверь заснят боком, но даже так вполне понятно, что это либо пёс, либо... волк.

«Это не Демид, у него шкура тёмно-каштановая, а не чёрная. И он сейчас с Аней, ему некогда размахивать хвостом чёрте где» — злится на себя Слава за ёкнувшее на мгновение сердце.

— Тут всего два человека, так что нет. Не бойня, — продолжает Герман, поворачиваясь обратно к доске. — Оборотень.

Всего одно слово, но оно звучит для Славы подобно свисту вспарывающего воздух хлыста.

— Вы уверены?

Вопрос срывается с губ прежде, чем Слава успевает прикусить язык, а в следующее мгновение на него уже устремлены все взгляды.

— Ты думаешь, кто-то ещё может растерзать несколько человек, выжрав им внутренности?

Слава морщится от звучащей в чужом голосе насмешки, но отступить уже нельзя.

— Другая какая гадость? Даже в нашей стране можно найти кучу гадости, что может сделать точно так же. Я не утверждаю, просто не понимаю, зачем ставить рамки.

— Рамки, — Герман остро усмехается, вызывая у Славы лёгкую волну неприятия. — А сколько той гадости, как ты говоришь, имеет звериную форму? Это, — он стучит костяшкой пальца по размытой фотографии. — Наш подозреваемый. Видеорегиистратор последней жертвы случайно зафиксировал его после убийства. Зверь не такой уж и крупный, нам встречались экземпляры и побольше. Наше дело закончить с ним, прежде чем ещё кто-то умрёт.

— Что ещё известно?

— Не так уж и много, — продолжает Архип, тогда как Герман отступает в сторону.

Слава прячет руки в карманы под задумчивым и каким-то оценивающим взглядом застывшего у карты Германа и старается не смотреть в ответ.

«Ну чего ты на меня так смотришь? Я ничего ещё не сделал. Просто спросил. Имею же я право сомневаться в твоей экспертной оценке? Или ты у нас непогрешимый всезнайка?»

Коротко выдохнув, Слава всё-таки смотрит в сторону Германа, тут же встречаясь с ним взглядом.

«Ну и чего?»

Герман в ответ на вопросительный взгляд выгибает бровь и отворачивается к карте, прерывая Архипа.

— Он появился здесь, — палец Германа врезается в карту, указывая место. — Там сейчас Сидр. Один он туда не полезет, но информацию соберёт. Наша задача приехать и разобраться, если никто не сделает этого раньше.

«Сидр? Смотрю, компания пополняется. Ещё кто-то будет?»

— Я не могу, — заявляет, будто бы напоминая, Влас.

— Я помню. Едут Архип, я и новенький.

— Я с вами, — заявляет Богдан, скрестив руки на груди и выпятив подбородок.

Слава ожидает, что ему откажут. Вот сейчас Герман повернётся, нахмурится и откажет.

Вот только тот, вместо того чтобы претворить в жизнь ожидания Славы, задумчиво окидывает худую фигуру взглядом и... кивает.

— И Богдан.

* * *

«Минимум пару дней, да?» — насмешничает Слава, вспоминая слова Богдана, когда утром следующего дня, едва успев позавтракать, они уже загружаются в машину.

— Итак, — начинает Герман, прерывая тишину, стоит им только выехать за пределы города. — Архип, сделай раскладку.

Слава переводит взгляд с Германа за рулём на спинку сидения перед собой, в ожидании продолжения, и Архип не заставляет себя долго ждать.

— Это не альфа. В этом случае пошли бы разговоры о собаках кусающих людей, прежде чем об убийствах, да и их было бы гораздо больше.

— Потому что орудовала бы стая, — добавляет Богдан с соседнего сидения и Слава ловит его довольный взгляд.

Только вот никто Богдана не хвалит, игнорируют, будто он и вовсе молчал. Архип просто продолжает говорить после небольшой паузы:

— Скорее всего — это бета.

— Беты слабее альфа, однако, даже загнанная в угол крыса может доставить уйму неприятностей, так что не расслабляться, — заканчивает за Архипа Герман и Слава хмыкает. — Нашёл в моих словах что-то смешное, Владислав?

Поморщившись, Слава глухо поясняет:

— Ты сам себе противоречишь. Ещё вчера говорил, что дело простое и достой новичка.

— Новички разные бывают, — парирует Герман, поворачивая по требованию указателя на столбе. — К тому же, думаю, ты и сам прекрасно знаешь, что не стоит недооценивать противника. Это опасно.

— Понимаю, — соглашается Слава, сжимая в пальцах лямки рюкзака на коленях. Оставлять его в багажнике он отказался.

* * *

— А ты понравился отцу, — замечает Богдан, когда они останавливаются на заправке и выбирают размяться и перекусить.

Стоящее высоко солнце неожиданно припекает гораздо сильнее, чем можно было

предположить и Слава даже не думает застёгивать куртку.

— Ты так думаешь?

Он косится на застывшего в очереди на кассу Германа через окно. Небольшое кафе на три столика при заправке заполнено и единственное, что им сейчас доступно — это кофе на вынос и бутерброды. Чем они и пользуются.

— Ага. Иначе он бы не стал разговаривать. Когда Сидр появился, он отмалчивался будто немой. Всё общение шло через Леонида и на охоту они ходили без него. Леонид отчитывался, а уже потом Сидра допустили до нашей команды. Было забавно.

Богдан смешливо морщит нос, прежде чем глотнуть из бутылки. Мальчишка снова отдал предпочтение газировке, даже не взглянув на висевшее над кассой меню.

— Так что ты в команде. Даже если отец и делает вид, что это не так. А значит, ты просто обязан рассказать мне какую-нибудь интересную историю! — Богдан хитро щурится, а через мгновение уже обиженно дуется, тихо добавляя: — Если не хочешь про русалок, конечно.

— Не хочу, — соглашается Слава, парой глотков допивая подостывший кофе и выбрасывая стаканчик в урну. — Идём, Герман закончил.

* * *

Слова Богдана поселяют в душе Славы лёгкую тревогу.

«С другими он себя так не ведёт, да?»

Ему хочется расспросить подробнее. Не только про Сидра, но и про братьев, например, про то, как в команде появился сам Леонид. Насколько быстро Герман принял их. Однако здесь и сейчас это не представляется возможным, а в ближайшее время остановки вряд ли будут.

Слава косится сначала на Богдана, что увлечённо играет в какую-то игрушку на мобильнике, затем на Германа за рулем и тишина в машине всё больше напрягает, наводя на не самые приятные мысли.

«Что он мог раскопать обо мне? Наверняка ведь искали. Я же тоже искал и спрашивал. Разве что Риту не просил пробить его по базе».

— Увидел что-то интересное, Владислав?

Голос Германа взрезает сгустившуюся тишину, возвращая Славу из мыслей в реальность. Непонятный акцент, сделанный на имени, и его полная форма царапают, роняя на чашу весов ещё один камушек.

«Если он искал, то, что именно нашёл?»

— Задумался. Ты всю дорогу будешь за рулем?

— А что? — Герман оборачивается на мгновение, кидая на него короткий взгляд и тут же возвращая всё внимание дороге. — Хочешь порулить?

— У меня прав нет.

Слава врёт. Права он получил ещё когда учился в академии и сейчас они даже лежат во внутреннем кармане куртки. Правда, за руль садился не так часто, особенно в последнее время. В столице легче и быстрее добраться до цели под землёй, чем тащиться в километровых пробках на поверхности.

Герман усмехается уголком губ и ничего не говорит, то ли принимая эту ложь за чистую

монету, то ли наоборот прекрасно зная, что правды в ответе нет.

— Так почему же спросил?

— Дорога не близкая.

— Не волнуйся, не устану. А в городе нам Сидр квартиру подгонит.

Кивнув, Слава отворачивается к окну, за которым деревья у обочины сменяются тёмными и пустыми полями. Порой вдалеке мелькают крыши приземистых домиков, порой тёмным пятном встают скопления деревьев или мутные от ила озера.

— Расскажи о себе, — вдруг предлагает Герман, когда снаружи начинается дождик, сразу делая мир вокруг серее. — Я, конечно, считаю, что лучший способ узнать человека это сходить с ним на охоту, и голые факты мало чего могут сказать, но охота впереди, а сейчас всё равно нечем заняться.

«Радио включи и музыку послушай» — внутренне подбираясь, ворчит Слава.

Вопрос у Германа логичный. Сам бы Слава его тоже задал, но гораздо раньше.

«Всё-таки ты меня пробил по своим каналам. Знаешь что я полицейский?»

Слава лихорадочно соображает, что мог узнать Герман и что стоит ему рассказывать.

«Итак, полицейский, снимаю квартиру с другом, воспитываю дочь, иногда бегаю на охоту. Что ещё ты мог узнать? Откуда появилась Аня? Как я отношусь к оборотням?»

— Так что?

— Что именно тебя интересует?

— Всё? Где учился, работаешь, есть ли девушка, с кем уже имел дело прежде.

Слава удивленно вскидывает брови.

— А личная жизнь-то тут каким боком? Мы вроде бы не на съёмки какого-нибудь «Холостяка» едем.

Богдан рядом прыскает, пряча ухмылку в вороте толстовки.

— Чтобы знать, кому звонить, если что, — вместо Германа припечатывает Архип и в машине снова наступает тишина.

— Не хорони его раньше времени, Архип.

Голос Германа неожиданно становится ледяным, и Слава ёжится, будто кто ему за шиворот снега сыпанул. Богдан рядом подбирается, зажимая ладони коленями и вжимая голову в плечи.

— И извинись.

Слава уже открывает рот, чтобы сказать, что это лишнее. Архип ничего такого и не сказал. Охота дело опасное, всякое может случиться. Вот только сказать он ничего не успевает. Архип уже извиняется, коротко и односложно, и в машине вновь наступает тишина. Ровно до того момента, пока Герман снова не подаёт голос, обращаясь к Славе, и звучит он уже гораздо мягче и теплей.

— Так что?

— Работаю в полиции, — как в омут бросается Слава.

«К сожалению, этот факт узнать и проверить на раз плюнуть» — добавляет он, но уже не вслух.

— Девушки нет. Во время отпуска порой выбираюсь на охоту. Сталкивался с оборотнями, русалками и так, по мелочи. Ну и ещё Таутай-лак совсем недавно. Думаю, вам уже рассказывали об этой охоте.

Слава косится на Богдана, но тот сидит, расслабившись и снова уткнувшись в мобильник.

— И что же так плохо с девушкой? — снова подаёт голос Архип, но на этот раз Герман его не одёргивает и приходится отвечать.

— Времени нет. Да и какая согласится встречаться с парнем, который даже в отпуске пропадает чёрте где?

«А ещё воспитывает волчонка и выбирается раз в месяц в лес повыть на луну».

— Твоя правда, — соглашается Архип.

— Эй! Получается, у меня тоже девушки не будет?! — внезапно влезает в разговор Богдан. Он даже про игрушку забывает и, судя по всему, его персонажа тут же убивают, потому что на экране появляется какая-то надпись, увидев которую мальчишка чертыхается. — Не-не, я так не играю! У отца я появился? Значит и отношения возможны!

— Богдан, — веско роняет Герман, но Богдана уже несёт.

— Мне просто интересно. Я же в школу ходил, приятелей заводил, чем они лучше девчонки?..

— Просто найди себе охотницу, — подмигивает Слава. Наблюдать за Богданом забавно. — Общие интересы и всё такое.

— Как у тебя Сабина? — тут же находится Богдан, и Слава давится воздухом от неожиданности.

— Шапова? — уточняет Герман, и Слава пожимает плечами, отзываясь:

— Да. Она иногда подкидывает дела.

— И там ничего нет?

«Да какое тебе, нахрен, дело?»

Слава едва не задаёт этот вопрос вслух, в последний момент успевая прикусить язык.

— Ничего. Мы старые приятели.

Архип как-то двусмысленно хмыкает, но ничего не говорит. Слава, впрочем, говорить тоже ничего больше не собирается и лишь снова пожимает плечами. Доказывать что-то он не видит смысла.

— Значит ты полицейский...

— Есть грешок, — соглашается Слава.

Герман звучит так, будто он этих фактов не знал, вызывая лёгкую растерянность. Не может так быть, чтобы о нём не пытались ничего узнать. Просто не может, тем более если Герман, как говорил Руслан параноик.

— Очень полезный грешок, — замечает Герман и всё-таки включает радио.

Город встречает их дождём и Сидром. Тот стоит, спрятавшись под козырёк и засунув руки в карманы куртки: почти сливающаяся с подъездной дверью высокая, тёмная и одинокая фигура.

— О, новенький, — замечает Сидр, когда они все оказываются в подсвеченном тусклыми лампочками сумраке подъезда, где пахнет сыростью улицы и свежей краской. — И как звать?

— Встречный вопрос, — отзывается Слава, следуя за ним почти по пятам.

— А что мне за это будет? — насмешка сквозит в голосе обернувшегося.

Идущий в самом хвосте Богдан прыскает, но никак это не комментирует.

— Кончай паясничать, — тут же обрывает Архип. Славе почему-то кажется, что Сидр не избежал бы подзатыльника, остановись они хоть на мгновение.

— Я знаю, ты не любишь верхние этажи, Герман, — меняет тему, начиная оправдываться, Сидр, когда они наконец-то переступают порог квартиры. — Но в этот раз либо без лишних вопросов, недорого и со всем необходимым, либо этаж.

Сидр наконец-то снимает куртку, давая возможность нормально рассмотреть лицо.

Смуглая кожа, собранные в куцый хвостик чёрные волосы, крупные серые глаза и маленькая бородка под нижней губой. Высокий и, судя по всему, гибкий.

— Нагляделся? — мурлычет Сидр, поймав направленный на него взгляд, и Слава усмехается в ответ, отвечая, впрочем, не в тон:

— Вполне.

— И как?

— В первые пять минут не съедят.

Слава понимает, что может нажать себе тем самым врага, однако прекрасно знает, что и без этого друзьями им никогда не быть. Просто потому, что если они те, кого он ищет, то все они окажутся за решеткой. Даже Богдан.

Мальчишка в это время как раз испытывает двуспальную кровать, падая на неё с разбега и пружиня на матрасе.

— Круто! Я буду спать тут!

Славе даже немного жалко, что Богдан вляпался во всё это и как-то не хочется верить, что он тоже мог...

Перед лицом встают фотографии с мест преступлений, а затем, то самое дело, которое подарило ему дочь.

— Я могу спать хоть на полу, главное чтобы была подушка, — отзывается Слава, отворачиваясь и осматривая небольшую, просто обставленную комнату. Кровать с одной стороны, диван у балкона с другой, шкаф в углу, картина с каким-то пейзажем на стене, овальный коврик на полу. Приглушённые, пастельно-фиолетовые тона и тёмная мебель.

— Тебя за язык никто не тянул, — замечает Архип. — Я на диване. Сидр, он раскладывается?

Диван, как оказывается, раскладывается. Причём размер у него получается королевский, так что спать на полу никому не приходится. Только вот Слава всё равно не может заснуть. Просто лежит и смотрит в утопающий в темноте потолок, а в голове ворочаются тяжёлые мысли.

«А точно ли это оборотень?»

Слава уже задавал этот вопрос, но так и не получил ничего конкретного в ответ, лишь самоуверенность и святую веру в то, что ничего другого и быть не может. В сети тоже ничего обнаружить не удалось. Сколько бы он не просматривал групп и новостных сайтов города, нигде ничего не было. Будто все смерти — это плод чье-то воображения или кто-то специально подтёр информацию, а может Слава просто не там искал.

Перед глазами снова встаёт размытая фотография на белой доске — мохнатый бок крупной псины... или волка. Это почти единственное подтверждение того, что к убийствам причастен зверь. Вторым подтверждением является откопанное кем-то заключение судмедэксперта.

Слава недовольно морщится, прикидывая достаточно ли у него оружия. Хватит ли...

Руслан снабдил его пистолетом. Вполне легальным, если не копать слишком глубоко. И парой коробок патронов. Всё это сейчас преспокойно лежит на дне рюкзака под боком, дожидаясь своего часа.

Оборотням плевать из чего состоит направленное против них оружие: серебро, сталь или свинец, главное какой будет начинка или обработка. Однако одна из коробочек как раз содержит подходящие патроны. Но если это всё-таки не оборотень...

Слава до боли зажмуривается, не желая думать, что будет, если зверя это всё не свалит.

Болезненный тычок в рёбра прилетает неожиданно, заставляя подавиться вздохом и едва не закашляться.

— Завязывай. Вздыхаешь, как влюбленная девица. Спать мешаешь, — недовольно бурчит Архип.

Ответа он не ждёт, просто поворачивается спиной, отгораживаясь от шумного соседа, и замолкает.

Славе ничего не остаётся кроме как закрыть глаза и попытаться всё-таки заснуть.

«Полчаса, — даёт он себе время. — Если не засну, пойду, переберу пистолет».

Засыпает он гораздо раньше, чем заканчивается отведённый срок.

* * *

Из сна его вырывает прикосновение. Кто-то толкает в плечо, тут же отступая, будто уже получил когда-то за такой способ побудки.

Слава не помнит когда заснул и сколько спал, но за окном ещё непростительно темно. Настолько, что, будь он в другом месте и с другими людьми, не преминул бы зачитать лекцию о пользе полноценного восьмичасового сна. Сейчас же Слава просто садится и растирает лицо ладонями, прогоняя остатки сна.

— Что за пожар?

— Ещё одно нападение.

Богдан заглядывает в комнату, появляясь темным пятном на фоне льющегося из кухни света. Слава не видит лица, но этого сейчас и не требуется.

Он скатывается с дивана, сцеживая на ходу зевок.

— На этот раз одна из жертв спаслась, а ещё успела заснять нашу цель, — комментирует Герман, стоит Славе только переступить порог небольшой выполненной в пастельно-жёлтых тонах кухни.

В центре стола, будто на пьедестале, в окружении нескольких кружек стоит планшет.

— Делаем ставки, сколько проживёт этот оператор-любитель, — весело хмыкает Сидр, когда Слава подходит ближе, вставая так, чтобы картинка на экране не бликовала отражая свет маленькой люстры.

— Имей стыд и совесть, он нам помог, — грубо требует Архип.

— Это не про меня, так что ставки всё ещё принимаются. Это же оборотень, он тоже умеет пользоваться интернетом. Нашёл я, найдёт и он.

— Значит, мы знаем, где он будет в следующий раз и не придётся его искать, — припечатывает Герман, наконец-то включая ролик.

Картинка подрагивает, но это не мешает рассмотреть большую, склонившуюся над телом чёрную зверюгу. Слава не понимает, как вообще это можно было снять. Насколько крепкие должны быть у человека нервы, чтобы доставать мобильник, когда другого человека жрут. Или насколько надо быть сумасшедшим.

К горлу подкатывает тошнота и Слава сглатывает. Неженкой он никогда не был, но то, что происходит на видео, вымораживает.

«Он ведь понимает, что будет следующим да?..»

— Сейчас вернусь, — задушено бормочет Богдан, спешно скрываясь в туалете. Судя по доносящимся до них звукам, его желудок оказался не особо сильным. Впрочем, Слава не может винить мальчишку.

— *Это что человек?..* — Слышится из динамика растерянный, давший петуха голос и Слава понимает, что оператор, похоже, пришёл уже после смерти жертвы и, судя по мату, происходящее до него только дошло. — *Хорошая собачка...*

Зверюга поднимает голову и глаза её вспыхивают белым с красным всполохом на дне.

Картинка сбивается, а вслед за этим заканчивается и видео. Будь этот ролик частью какого-нибудь сериала и Слава бы решил, что снимавший это уже мёртв, но мертвецы не загружают ничего в интернет.

— Итак, — начинает Герман, отвлекаясь от экрана планшета. — У нас есть свидетель, которого по какой-то причине не загрызли, и видео где ясно видно, что это оборотень.

Слава поджимает губы и молчит. Из видео, на его взгляд, понятно то же самое, что они знали и раньше — убийца имеет форму зверя. Хотя шанс что это оборотень всё-таки велик. Смущают только глаза...

— Почему он его не убил? — Богдан задаёт вопрос, мучающий и Славу. — В смысле, я за спасение и всё-такое, но... Он же свидетель...

— Знакомый? Родственник? — тут же включается в обсуждение, будто играет в угадайку, Сидр.

Слава отступает, не желая больше стоять и забираясь на широкий подоконник. В спину тут же тянет прохладой от окна, но не так сильно, чтобы уходить.

— Вот и пробей этого парня, — тут же даёт задание Герман. — И где живёт, найди. Нужно будет за ним присмотреть. Оборотень обязательно придёт.

— Кстати, — внезапно вклинивается Богдан, и все взгляды тут же обращаются на него. — А когда полнолуние? Ну, в смысле, мы цикл смотрели? Может он на дно уйдёт и это

его последняя жертва была.

— Лунный календарь на тебе. А мы спать, — находится Герман, поднимаясь из-за стола. Он уже тянет руку к планшету, когда Слава, повинувшись внутреннему порыву, просит:

— Можешь оставить? Я хочу ещё раз пересмотреть.

— Тут вай-фай. Подключайся, забивай адрес и смотри. У тебя есть мобильник. Пароль на роутере.

«Параноик» — поджав губы, припечатывает Слава.

* * *

Слава жмёт на экран мобильного, снова запуская видео. В глазах жжёт от нескончаемого повтора, но он всё равно продолжает, надеясь увидеть что-нибудь новое. Хоть что-то, что может быть поможет найти убийцу. Но единственное, что удаётся узнать из этого ролика — то, что убийство произошло вечером, а жертва была мертва на момент съёмки.

«Твою мать...» — Слава устало трёт глаза, задевая запястьем провода наушников.

Ему бы отдохнуть, отвлечься, но он лишь возвращается в начало видео, ругаясь на маленький экран и подрагивающую и тёмную картинку, которой не так уж и сильно помогает выдвинутый на максимум бегунок яркости. Руки оператора от этого дрожать меньше не станут.

Хлопок по плечу заставляет вытащить из уха наушник и, поставив видео на паузу, обернуться.

— Я спросил, кофе будешь? Нам бы не помешало взбодриться.

— Да, спасибо.

Слава растирает лицо ладонями, наконец-то смиряясь с тем, что ему нужен хоть небольшой перерыв. Часы показывают три утра, намекая, что пора прекращать маяться дурью и пойти спать.

«Мне нужно кофе... Кружка кофе и я смогу ещё немного посидеть».

— Что-нибудь нашёл? — интересуется Сидр, ставя перед Славой заполненную до краёв кружку чёрного кофе и возвращаясь за ноутбук. У него задача посложнее — найти снявшего всё это человека.

— Нет. Не уверен, что удастся хоть что-то вытянуть из этого видео. Тем более на таком маленьком экране. Можно воспользоваться твоим ноутбуком? — Слава поддевает, прощупывая почву, но даже не удивляется, когда получает в ответ лёгкое, но от этого не менее неприятное:

— Неа, мне нужнее.

— У тебя что-то есть?

— Точно не скажу, но к утру, думаю, чего-нибудь наскребу, — Сидр с усмешкой пожимает плечами. — Выбора у меня всё равно особого нет. Пацана надо найти.

Кивнув, Слава возвращает наушник в ухо и отпивает из кружки.

Горечь растекается по языку, заставляя недовольно скривиться и вызывая чужой смех. Слава слышит сквозь наушники насмешливое извинение, состоящее из: «Прости, молока на этой кухне и не было, а сахар съели».

Сплюнуть не позволяет гордость и желание прогнать подступающий сон, поэтому Слава

упрямо делает ещё один глоток, прежде чем снова включить видео.

Когда зверь поднимает морду, прекращая жрать добычу, его глаза, как и много раз до этого, сияют белым. Слава хмурится, прикусывая губу. У оборотней жёлтые и рыжеватые радужки. Янтарь, но никак не белое серебро. Вот только это может быть всего лишь какой-то блик, просто отражение света в расширившихся в темноте зрачках.

Слава обречённо вздыхает, нажимая на экран и останавливая видео. Кофе ничуть не помогает. В сон клонит невероятно и стоит чуть прикрыть глаза, как открыть их обратно становится почти невозможно.

— Ты чего?

Наушники чуть приглушают голос Сидра, но всё равно доставляют вопрос до адресата и Слава честно признаётся:

— Устал и сдаюсь. Я ничего не могу вытянуть из этого видео. Совсем.

«Поздравляю Владислав, ты себя переоценил. Спец по оборотням, блин!»

— Тогда иди спать? Утром ещё раз глянешь, на свежую голову.

Слава кивает и всё-таки встаёт из-за стола, пряча мобильник в кармане.

— Иди-иди. Хоть кто-то из нас двоих выспится.

Славу ведёт в сторону, но он успевает ухватиться за косяк и выровняться.

— Помощь нужна? — доносится из-за спины, но он лишь отмахивается, ступая в темноту комнаты и довольно быстро находя диван.

Он не ребёнок и вполне сам доберётся до своего места.

«Спать. Часов шесть. Ну, или хотя бы четыре...»

Слава инстинктивно обнимает свой рюкзак, прежде чем провалиться в сон.

Сквозь сон Славе чужды чужие прикосновения: плечо, локоть, бедро, он отмахивается, задевая обо что-то рукой, и, крепче обняв рюкзак, проваливается обратно в черноту. Окончательно в реальность он возвращается гораздо позже, под радостный крик Сидра: «Нашёл!»

Голова нещадно гудит, будто Слава ночью не кофе пил, а что покрепче.

— Не ори, — требует Герман хрипло с соседней кровати. Он сидит, придерживая голову руками и, похоже, испытывая те же ощущения. — Ты чего вчера намешал в этот чёртов кофе? Там точно только сахар был?

«Так вот кто сожрал последний сахар» — отстранённо замечает Слава, растирая виски.

— Ты нашёл его?

Богдан подобно метеору слетает с кровати и тут же принимается расспрашивать дальше, частя со скоростью пулемёта:

— Он ещё жив? Кто он? Адрес узнал? А страничка у него есть? Можно глянуть?

Слава бы рассмеялся, если бы каждое движение не отдавалось пульсацией в голове.

— Богдан.

Одно только слово... Герман всего лишь зовёт его по имени, и Богдан замирает, сдуваясь и замолкая.

— Да, я помню, — наконец-то выдавливают он. — Нужно быть спокойней и сдержанней.

— В этом доме таблетки есть? Я сейчас сдохну от этой чёртовой головной боли, — больше стремясь разрядить обстановку и сменить тему, чем действительно желая услышать ответ, спрашивает Слава. Таблетки и у него самого есть, где-то в рюкзаке должна быть небольшая аптечка.

— Выпей кофе и всё пройдёт, — хмыкает Архип, перебираясь через него и будто нарочно толкая плечом. — Я умываться.

Славу так и подмывает дать Архипу ускоряющего пинка, но голова всё ещё болит.

— Я посмотрю, — обещает Богдан, пряча руки в карманы. — В машине есть аптечка и там точно должно быть обезболивающее. Пап тебе тоже?

— И воды.

Богдан кивает и, забрав ключи, выскакивает в прихожую.

— Пятнадцать минут и я встаю. Свари себе пока кофе, Сидр.

— Да я лучше чего поинтересней. У меня сидр есть.

Слава прыскает и тут же хватается за голову, а потом задумывается, уж не из-за напитка ли его так прозвали?

— Сидр у нас делал вкусные штуки, пока не открыл алкомаркет и не стал бизнесменом, — делится Богдан, выглядывая из коридора, будто услышав незаданный вопрос. — Всё, я ушёл.

— Купи молока и чего-нибудь пожрать, в холодильнике мышь повесилась, — бросает вдогонку Сидр. — Я всё съел.

Они знают имя и адрес на другом конце города. Всего-то и нужно проследить за парнем и дожидаться пока зверь придёт за ним. Просто и одновременно сложно и расслабиться не получается.

Установившуюся после обсуждения плана тишину разбивает телефонный звонок. Мелодия доносится из комнаты, и Слава замирает за кухонным столом с затвором в руках, весь обращаясь в слух. Только вот подслушать не получается. Звук обрывается, вновь погружая квартиру в тишину, а следом за этим, накинув куртку, с телефоном в руках в подъезд выходит Герман.

Желание пойти следом вспыхивает внутри и тут же гаснет задавленное здравым смыслом и разобранным на части пистолетом. Слишком опасно оставлять единственное оружие без присмотра. Слишком опасно идти за Германом сейчас. Даже если он вдруг не услышит открывающейся двери и шагов, то кто-нибудь обязательно потом расскажет и тогда он насторожится.

Досадливо прикусив губу, Слава возвращается к чистке.

«Кто ему позвонил?..»

Замерев с магазином в руках, Слава снова косится на дверь.

«Кто ему звонил?»

— Так уверен, что он тебе понадобится? — заглядывая на кухню, интересуется Сидр и Слава пожимает плечами.

— Оружие должно содержаться в чистоте.

Впервые Слава слышал это в учебке, а проникся в первый месяц работы, когда Фёдор Игнатьевич рассказал занятную историю о сломавшемся на дежурстве пистолете, за которым должным образом не ухаживали.

— Что ты, что Архип, оба помешанные, — цокает языком Сидр, присаживаясь напротив. — Только он занял комнату. Кофе?

Слава содрогается, вспоминая ночную горечь, и качает головой.

— Я лучше позавтракаю нормально.

На плите, в самой большой кастрюле которую только удалось найти на кухне, варятся пельмени, пачку которых из магазина притащил Богдан.

* * *

Они решили разделиться, на случай если окажутся не правы и зверь появится где-нибудь ещё. Два на три, где именно первым достался весь город, а Славе необходимость сидеть в машине с Германом и Богданом.

Кирпично-красная длинная девятиэтажка прямо напротив походит на пару соседних домов словно близнец, даже подъездные двери окрашены в идентичные цвета. Отличаются лишь номера на табличках, но с этого ракурса их не видно.

— А как мы узнаем, что он дома? — Богдан елозит на своём месте, в нетерпении поглядывая то на Германа, то в окно. Занявший заднее сидение Слава видит его как на ладони. — А если его тут нет?

— Значит вернётся. Не мельтеши, сходи лучше за кофе.

Богдан на мгновение замирает на своём месте, после чего тянется к ручке, но прежде оборачивается, заглядывая назад:

— Слав, будешь?

— Большой капучино или любой с молоком, но без сахара и соль. Мне нужна пачка соли. Деньги сейчас или потом?

— Будет.

Богдан выскакивает из машины, громко хлопая дверью и тут же утыкаясь в телефон. Слава надеется, что не ради чатов, а в поисках ориентиров.

— У нас есть немного соли, — замечает Герман, когда Богдан исчезает за соседним домом.

— Соли много не бывает.

Простая пищевая соль на удивление универсальная защита и не важно, нужно ли защитить себя или поймать в ловушку нечисть. Даже оборотни в неё попадают, хотя нечистью как таковой не являются.

— Что будет, если парня действительно нет дома, и зверь перехватит его где-то в другом месте? — всё-таки задаёт вопрос Слава, поглядывая на двери нужного подъезда. Те упрямо остаются закрытыми, никто не входит и не выходит, чтобы впустить их. Хотя Слава не уверен, зачем ему нужно внутрь. Не может же он просто постучать в дверь и заявить, что парню грозит опасность, а снятый им накануне зверь совсем не бродячая собака.

— Мы не знаем, почему тот не убил его сразу, поэтому давай не будем сбрасывать со счетов родственную связь.

Слава ёжится, но не спорит.

— Почему ты пошёл в полицию? — вопрос звучит настолько неожиданно, что Слава теряется.

— А зачем туда идут? Чтобы защищать.

— И не разочаровался?

Герман поворачивается к нему, заглядывая между кресел назад, и Слава пожимает плечами.

«Разочаровался?» — он катает слово на языке, приходя к выводу что нет, не разочаровался. Однако это лишь потому, что у него на счёт работы изначально не было никаких иллюзий. Он шёл туда с определённой целью и до сих пор воспринимает работу как средство её достижения.

— Нет, не разочаровался.

— А в охотники? — не отстаёт Герман.

— За тем же самым. Чтобы защищать.

«И с той и с другой стороны есть невинные и виноватые».

— Как ты узнал о существовании этих тварей?

Слава обжигает Германа взглядом и глубоко вдыхает, успокаивая себя.

«От того, что ты сейчас взбрыкнёшь, лучше никому не будет» — напоминает он себе.

— Гули. Наткнулся на гуля на кладбище. Вовремя успел сбежать, — Слава усмехается. Сбежать он тогда не успел, но по ушам получил не от гуля. — Та ещё страхолудина, надо признать.

— И не испугался?

Судя по раздавшемуся с переднего сидения смешку, Герман над ним подтрунивает, Слава, впрочем, не против и отвечает в тон, потому что здесь ему скрывать нечего:

— Пересрался, конечно.

— Что я пропустил?

Богдан забирается в машину, балансируя с двумя стаканчиками кофе на подставке и пакетом. Вслед за ним в салон пробирается осенняя, пропитанная влагой прохлада. Дождь закончился ещё ночью, однако лужи и тучи никуда не делись.

— Ничего. Который мой?

Богдан щёлкает пальцами по нужному стаканчику и протягивает второй назад.

— Если горячий, то пусть пока постоит. Соль купил?

Да ладонь ложится увесистая пачка из белого картона с голубым рисунком.

— Сколько?

— Прикроешь и в расчёте.

Слава бросает быстрый взгляд на спинку водительского сидения и кивает. Пока он не уверен в их причастности к убийствам он не имеет права отказывать им в помощи. Особенно во время охоты.

— Хорошо.

Достав пару холщовых мешочков из бокового кармана рюкзака, Слава пересыпает туда соль.

От Сабины и Руслана он знает, что охотники по-разному работают с солью и в большинстве своём ни о заговорах, ни о смесях речи не идёт. Слава же когда-то давно научился пользоваться первым и изменять своей привычке не планирует.

— Мне нужно немного тишины, — просит он, обхватывая бока первого пузатого мешочка с раскрытой пока горловиной ладонями, будто кружку, и прикрывает глаза.

Слова, найденные когда-то в интернете, вспыхивают в памяти и шёпотом срываются с губ. Славе как всегда кажется, будто мешочек в руках нагревается, однако это всего лишь его собственное тепло переходит от ладоней к крупным белым песчинкам.

Слово за слово, строчка к строчке, заговор приходит к своему завершению, оставляя после себя лёгкую пустоту где-то внутри и тишину вокруг. Никто не произносит ни слова, пока Слава не заканчивает со вторым мешочком, наконец-то затягивая и завязывая горловину и у него.

— И что это за шаманство тут было?

Недовольство сквозит в голосе Германа, и Слава замирает, ощущая себя зависшим на грани провала.

«Вот дурак, — шипит на себя Слава. — Подумать сложно было? Осёл!»

— В интернете и не такое узнать можно.

— И оно действует? — тут же влезает Богдан, с интересом высовываясь между сидений.

— Действует, — Слава кивает, рассовывая мешочки по карманам куртки. — Можно мне теперь мой кофе?

Ему сейчас очень нужно занять чем-то руки и перестать думать о том, что он облажался.

— Ты ещё скажи что проверял, — подначивает Герман, когда Слава получает свой кофе и сжимает чуть подрагивающие пальцы на тёплых картонных боках.

— Проверял, поэтому и говорю, что оно работает.

Слава делает поток чуть подостывшего, но всё ещё достаточно тёплого кофе и

устремляется взглядом на подъезд, чувствуя, как сжавшаяся внутри пружина постепенно расслабляется.

* * *

Стоит только сумеркам сгуститься, как из подъезда показывается их цель. Яркая лампочка над дверью позволяет рассмотреть лицо, когда парень поворачивается, чтобы проскочить под балконами.

— Он идиот? — не сдержавшись, комментирует Слава. — В городе объявился людоед, а он лезет ему в пасть. Яблоко в рот и можно на стол подавать.

— Его в комментариях загнобили, — встаёт Богдан на защиту, выглянув меж кресел и провожая парня через заднее стекло взглядом. — Мало кто верит ролику. Официально-то никаких убийств нет, а значит, он врёт. Подозреваю он хочет доказать существование монстра.

— Богдан, — холодно и твёрдо зовёт Герман.

— Всё, он достаточно отошёл, я пошёл. GPS, если что, включён. Найдёте.

Богдан выскакивает из машины, прежде чем кто-то успеваает попытаться его остановить, а следом оживает мобильник Германа.

— Ты же понимаешь, что так просто тебе это с рук не сойдёт, да?

Трубка хмыкает голосом Богдана, а Слава перемещается так, чтобы видеть в заднее окно как тот удаляется, придерживая динамик наушников у лица.

— Пап, это реальный шанс. Если поедем на машине, он испугается, если пойдёт кто-то из вас, он сделает то же самое. Я самый лучший вариант. Может, с тренировки иду, может, с каких-то ещё занятий. Вот с вами разговариваю. Слав, скажи ему! Я знаю, что он включил громкую связь. Я уже взрослый и хочу помочь! И самое главное могу. А вы можете ехать следом и следить за телефоном. Да я знаю пап, что у тебя следилка стоит.

Богдан отключается, прежде чем Герман успеваает что-то ответить.

— Смотрю, вы с Богданом спелись.

В голосе Германа нет ни намёка на недовольство или злость.

— Просто поиграли разок в приставку, ничего сверхъестественного.

Герман хмыкает, разворачиваясь и выезжая со двора.

— Он злится на то, что ты не берёшь его на охоту? — продолжает Слава, на пробу закидывая удочку. Герман вполне может не ответить или солгать, однако, не попробовав, не узнаешь.

— Не на каждую и уж точно не одного.

— Но иногда он сбегает сам?

Слава бы так и сделал. Подслушал и свалил следом, тем более, если уже участвовал в чём-то подобном, а потом ему сказали, что нос не дорос. Потому он ничуть не удивляется, когда Герман подтверждает.

— Было дело.

«Признай честно, он тебе нравится, и ты просто не хочешь, чтобы Богдан участвовал в массовых убийствах» — злится Слава на себя за эту слабость. За то, что ответ Германа приходится ему по душе.

Слишком уж Богдан напоминает Славе его самого лет десять-двенадцать назад.

— Позвони Архипу, я хочу знать как у них.

На экране закреплённого на панели мобильного отражается карта с двигающейся по ней точкой, так что Слава передумывает спрашивать, почему Герман сам этого не делает.

— Давай номер.

* * *

— Никто не берёт трубку.

— Звони ещё раз. Набирай оба номера по очереди, пока кто-нибудь не ответит, — жёстко требует Герман. — Дальше пустырь. Заберём Богдана.

— А парень?

Слава снова набирает один из номеров, но по ту сторону звучат только длинные гудки, что лишь добавляет напряжения. Если бы всё было в порядке, то они бы ответили.

— Завернём домой. Даже подбросим. Если сядет, конечно.

Герман ускоряется, но всё равно не успевает. Друг за другом, с разницей в пару секунд, звучат вскрик и выстрел, и Слава хватается за пистолет, перепроверяя наличие магазина и снимая с предохранителя.

Машина вылетает на пустырь на третьем выстреле, а на четвертом из неё выскакивает Слава, передёргивая на бегу затвор и накидывая на голову капюшон.

«На сколько патронов у него магазин?»

Вопрос отступает на задний план, когда он видит зверя.

Крупная, но не массивная поджарая тварь сверкает исподлобья серебристо-белыми глазами и будто играючи уходит от очередного выстрела.

Слава скидывает пистолет, но никак не может прицелиться, поэтому не стреляет. С собой у него только два магазина и один из них не рассчитан на этого зверя.

Щелчок осечки за спиной вместе с последовавшей за этим руганью проходятся морозцем по спине, и Слава всё-таки стреляет, больше отгоняя прыткую тварь, чем пытаясь попасть.

Выстрел уходит в пустоту, зато Богдан успевает отступить ближе к ним, заметно припадая на левую ногу, а вот парень...

Слава чертыхается, замечая неподвижную фигуру на земле. Именно вокруг неё нарезает круги зверь, не давая ни подобраться, ни пристреляться, без шанса задеть.

— Окружаем! — требует Герман, перепроверя пистолет, и в этот раз тот не даёт никаких осечек.

Слава лишь кивает, продолжая подступать ближе и держать зверя в поле зрения.

«Самоубийство, — шипит внутренний голос, но Слава от него отмахивается, делая ещё шаг в сторону и подбираясь ближе к неподвижному парню. — Демид узнает, загрызёт!»

Последняя мысль вызывает кривую усмешку, и Слава встряхивается, нащупывая в кармане мешочек с солью.

«Подобраться поближе и сыпануть, больше ничего не надо».

Заговоренная соль замыкает круг сама, главное дать ей направление и загнать зверя.

«Легко сказать» — смеётся сам с себя Слава. Горловина наконец-то поддаётся под пальцами, но именно в этот момент, будто что-то почуяв, зверь делает выпад в его сторону.

Крепкое чёрное тело несётся на Славу, позволяя рассмотреть белое неровное пятно на груди, крепкие, острые, перепачканные кровью клыки в раззявленной пасти и пустые, словно у мертвеца, белые глаза со всполохами пламени в зрачках.

Слава успеваает выстрелить, прежде чем острые клыки доберутся до его горла и... Попадает. Зверь просто не успеваает увернуться от прямого выстрела, а Слава удержаться на ногах. Он спотыкается, падая назад и болезненно прикладываясь копчиком к потрескавшемуся асфальту.

Новый выстрел и зверь снова дёргается, но всё ещё пытается встать. Даже после третьего попадания он поднимается, скаля окровавленные зубы.

Слава смаргивание понимая, что в звериной пасти действительно не клыки, а зубы.

— Богдан, займись.

Слава понятия не имеет чем там нужно заняться Богдану, потому что смотрит во все глаза на то, как меняется зверь. Как втягивается шерсть, оставляя лишь смуглую кожу, как меняются радужки глаз, темнея и из белых превращаясь в серые, Как перестраиваются челюстные кости.

— Ну, пристрели меня, — зло ощерившись, выплевывает Сидр.

Окровавленные зубы блестят в сумасшедшей усмешке. Славу передёргивает от одного её вида, и он отворачивается, задавая направление соли и та замыкает круг.

— Отведи душу. Всё равно вы все сдохнете следом! А я уже давно мёртв.

— Что ты имеешь в виду?

Сидр пробует барьер ладонью и тот его отталкивает, идя белыми электрическими всполохами.

— Умный мальчик. Он послал меня на смерть, но одного раза ему не хватило.

Сидр быстро облизывается, стирая с губ кровь и даже не обращая внимания на ранения, что остались с ним после обращения.

— Он пошлёт на смерть всех и даже собственного сына не пожале...

Договорить Сидр не успеваает. Новый выстрел глушит окончание и Сидр, дёрнувшись, заваливается назад, сползая по барьеру, будто по стене.

«Ещё не всё?..»

— Богдан принеси мачете и мешок из машины. Владислав, посмотри, что там с парнем и если он живой, то сможет ли пройти через барьер. Нам одной твари на сегодня хватит.

* * *

— Герман, почему Сидр сказал, что ты послал его на смерть? — спрашивает Слава, пока они едут на квартиру за вещами.

Этот вопрос настойчиво зудит под кожей, не давая возможности промолчать. Да Слава и не пытается. Слишком уж зацепили его слова Сидра, слишком уж показались... неправильными.

«Послал на смерть? Но умер он сегодня...»

— Понятия не имею, что там в голове у оборотня, — брезгливо роняет Герман, ускоряясь и проскакивая перекрёсток на красный. — Может он имел в виду момент, когда его покусали. Тоже своеобразная смерть. Только в Румынию он сам согласился ехать.

— В Румынию?.. — Слава непонимающе хмурится, но пояснение даёт уже не Герман,

который, видимо, считает, что разговор исчерпан, а Богдан:

— Отцу не так давно позвонил знакомый оттуда, попросил помощи. Он тоже когда-то ему помог.

— И?..

— Я предложил кому-нибудь из команды поехать, потому что у меня намечалась охота. Сидр рванул, как только услышал, что ему бесплатно и быстро сделают визу. Видимо там его и покусали.

Глава 10

Сообщение о найденном в машине растерзанном теле застаёт их в квартире, призывая поторопиться и гоня прочь из города. Подальше от закопанных в лесополосе останков бывшего охотника и от возможных вопросов полиции.

Не сговариваясь, они молчат до тех пор, пока город не оказывается позади. Слава обнимает рюкзак, в котором покоится ноутбук Сидра, и периодически косится на Богдана на соседнем сидении. Мальчишка выглядит болезненно-бледным и морщится каждый раз, когда машина вздрагивает, ловя колесом очередную неровность дороги.

Покопавшись в памяти, Слава выуживает из неё одно из недавних воспоминаний, то, как Богдан, отступая, прихрамывает.

Взгляд тут же устремляется на ноги, но в темноте салона мало что удаётся разглядеть. Слава уже открывает рот, чтобы спросить, но его опережает Герман.

— Богдан, что с ногой?

— Ничего.

Ладонь мальчишки красноречиво ныряет под расстёгнутую куртку, и Слава неожиданно понимает, дело не в ноге.

«Он до тебя добрался, да? Бок или живот?»

Холодок проходит по спине, и взгляд невольно прикипает к спинке переднего сидения.

«Что ты сделаешь, когда узнаешь?..»

— Богдан, не ври мне.

— Всё в порядке, — упрямо настаивает тот, сглатывая и отворачиваясь к окну.

— Ну, раз ты так говоришь...

Слава едва не влетает лицом в спинку переднего сидения, когда Герман резко тормозит. Шумно втягивает носом воздух Богдан, уже совершенно явно прижимая ладонь к боку.

Хлопает дверца со стороны водителя, а затем распаивается со стороны Богдана и Герман вытаскивает того на улицу за шкурку, будто щенка. Слава выскакивает следом, бросая рюкзак на сиденье и оббегая машину, однако вмешиваться не спешит.

Богдан прячет лицо от направленного в его сторону света фонарика и ворчит, пока Герман ощупывает его ногу в поисках раны:

— Я же сказал, что всё в порядке. Может, наступил на что-то и не заметил. Всё...

Слова обрываются болезненным стоном, когда Герман добирается до бока, и Богдан сгибается.

— Ты прав, не нога. Показывай.

Богдан молча задирает толстовку. В свете фонарика отчётливо виден большой квадрат белого пластыря.

— Отклеивай, — требует Герман, а когда Богдан возмущенно открывает рот, направляет луч фонаря в лицо, так что тот тут же отворачивается зажмуриваясь. — Могу сам.

Под тронутым кровью пластырем оказывается след укуса: воспалённый, но неплохо обработанный. Слава тут же вспоминает, как Богдан уединился в ванной, пока они приводили квартиру в порядок.

— Ты прекрасно понимаешь, что такое нельзя скрывать.

Богдан морщится, осторожно приклеивая дрожащими пальцами пластырь обратно и ничего не говоря. Будто и не с ним разговаривают. Герман же всё продолжает, и голос его

становится лишь холоднее.

— Ты понимаешь, что это оборотень?

— Герман, — зовёт Слава, подступая ближе. Он уже был свидетелем подобной ситуации и от одной мысли о повторении его бросает в холодный пот. — Ты ведь помнишь, что это был не альфа?

«Если вообще оборотень. У них не бывает таких глаз...» — Слава не говорит этого вслух, потому что понимает, Герман отмахнётся. Тем более сейчас.

— Не лезь.

Короткое хлёсткое требование зарождает внутри злость и Слава, преодолев разделяющие их пару шагов, прикрывает Богдана плечом.

— Это не твоё дело, — повторяет Герман.

— Когда-то давно я уже видел подобное, — начинает Слава, встречаясь взглядом с холодными глазами. — Случайный укус беты во время охоты и разрушенная семья. Мать настолько не желала понять, что её ребенок всё ещё человек, что пыталась убить. Она была не права. Укус беты не сделал из её ребенка оборотня, но то, к чему привела её импульсивность, уже не исправить. Не пори горячку. Ты всегда можешь дожидаться следующего полнолуния, если не уверен в своих же выводах, и посмотреть что будет.

Отступать Слава не собирается. Замолчав, он так и продолжает стоять между Богданом и выключившим фонарик Германом. Стоять и смотреть, потому что взгляда опускать он тоже не собирается.

Герман должен успокоиться.

Мимо проносятся несколько машин, прежде чем тот всё-таки отмирает и отзывается.

— Спелись.

Голос звучит внезапно насмешливо, вот только, несмотря на появившуюся на губах усмешку, взгляд у Германа остаётся холодным.

— Садитесь в машину. Дождёмся полнолуния.

* * *

Когда они добираются до квартиры, Богдан прячется в комнате, а Герман запирается вместе с Леонидом, предоставляя Славу самому себе. Чему он несказанно рад, хотя желание узнать, о чём сейчас идёт речь за закрытой дверью, ещё некоторое время тревожит его. Вплоть до того момента пока Слава, переодевшись, не забирается к себе под потолок и не открывает ноутбук Сидра.

Короткий недовольный рык вырывается из горла произвольно, когда он понимает, что тот запаролен.

— Солнце моё, — приветствует Слава, когда трубку наконец-то берут, памятуя о том, что обещал больше не называть Сабину дочерью Артемиды.

— Какого чёрта? Ты на время смотрел, Слав? — хрипит на том конце голос Сабины и Слава растерянно отстраняется от мобильного, чтобы взглянуть на часы.

— Упс... Прости, — честно кается он, глядя на подбирающиеся к двум часам ночи цифры, а потом частит, даже не думая сворачивать разговор. — Но если бы это не было важно, я бы не позвонил, честно. Ты не знаешь, как можно войти в комп не зная пароля? — на последнем предложении он понижает голос и выглядывает из-за бортика, чтобы

убедиться, что в комнате никого кроме него нет. — Я могу поискать в интернете, но боюсь сломать машинку своими экспериментами, а мне очень нужно посмотреть что внутри.

— Так. Чей компьютер ты решил хакнуть?

— Хозяин возражать не будет, так что на счёт этого не переживай. И права качать тоже не начнёт. Потом, если захочешь, я тебе всё расскажу, обещаю. Но не сейчас. Так ты мне поможешь?

— Слааав, — тянет Сабина и Слава зеркалит её, добавляя в ответ просительные нотки:

— Сабиин. Так да или нет?

— Да...

По ту сторону что-то шуршит, потом Слава слышит приглушенный разговор, а следом трубку снова берут, однако голос принадлежит совершенно другому человеку.

— Так, мне сказали, что тебе надо вскрыть жестянку, а ты в этом плаваешь.

Слава какое-то время переваривает, пытаюсь вспомнить владелицу голоса.

— Да или нет? — хмуро торопят его на том конце и Слава вспоминает: «Маша». Голос принадлежит невысокой охотнице ходившей с ними на Таутай-лак.

— Да.

— Тогда слушай. Там ничего особо сложного нет.

* * *

Под чутким руководством Маши ноутбук поддается, позволяя войти и отдавая в руки Славы все секреты его владельца. Ему только и остаётся, заглянуть в них, пробежавшись по папкам и файлам. Что Слава, попрощавшись, и делает, залипая в ноутбук, однако, не забывая прислушиваться к окружающей обстановке. Быть пойманным совсем не хочется.

Спустя полчаса Слава жалеет, что нельзя просто снять с ноутбука жёсткий диск. Это было бы куда как легче беготни по папкам, которых оказывается на удивление много.

Перебирая файлы, Слава едва не пропускает момент, когда в коридоре раздаются шаги. Он успевает лишь прикрыть крышку ноутбука и соскользнуть вниз, ложась на него животом, когда дверь открывается и в комнату кто-то заходит.

Немного подживший порез на плече под новым пластырем тянет, однако Слава не решается поменять положение, как и приподняться, чтобы посмотреть, кто именно вошёл в комнату. Слава просто прислушивается, отмечая, как приближаются и останавливаются совсем рядом шаги, а потом человек тяжело опускается на нижнюю койку.

«Леонид, — приходит к выводу Слава, вспоминая, что в прошлый раз именно на ней тот и спал. — Может, ты лучше свалишь? Ночной дождь там или ещё что? Ну, хотя бы ещё на полчасака...»

Однако Леонид к мысленному послы не прислуживается и остаётся на своём месте.

Слава не знает, сколько проходит времени, прежде чем с нижней койки раздаётся лёгкое похрапывание, возвещающее о том, что Леонид наконец-то заснул.

Облегчённо выдохнув, Слава наконец-то приподнимается с ноутбука и, перевернувшись на спину, накрывает себя вместе с ним одеялом.

«Почти как в детстве. Только вместо книги чужой ноутбук, — смеётся он сам над собой, осторожно выводя ноутбук из спящего режима. — Да ты растёшь Слав».

Что-то потенциально стоящее Слава обнаруживает, когда у батареи остаётся совсем мало заряда и отнюдь не на ноутбуке, а на облаке и в почте, из которой Сидр поленился выйти. Заархивированные файлы с набором букв вместо названия, внутри которых оказываются датированные папки. И некоторые из этих дат Слава помнит.

Он спешно собирает и отправляет письмо с файлами себе и едва успевает выйти из почты, когда ноутбук отключается, полностью лишившись заряда.

Закрыв крышку, Слава выдыхает, только сейчас понимая, насколько сильно колотится его сердце и насколько душно под одеялом.

Прохлада лижет лицо стоит только ему высунуться наружу. Желудок ворчит, требуя внимания, однако глаза настолько слипаются, что Слава полностью его игнорирует и проваливается в сон, едва успев сунуть ноутбук под подушку.

Слава просыпается с хлопком входной двери. На часах почти десять, а в комнате никого. В этом Слава убеждается, свесившись через бортик вниз. Кровати Леонида пуста и даже заправлена.

«Чуткий сон. Ври больше» — ворчит Слава, выбираясь в коридор.

На мгновение ему кажется, что его оставили одного. Что они что-то заподозрили и сбежали, заперев его тут и не собираясь возвращаться. Однако в углу притаились кроссовки Богдана, а из глубины квартиры слышится шуршание и сковавшее напряжение постепенно отпускает.

В комнате Богдана никого не оказывается, и Слава идёт на шум, по пути, на всякий случай, дёргая дверь Германа. Та ожидаемо не поддаётся. Зато на кухне обнаруживается уныло жующий яичницу Богдан. Он даже голову поднимает как-то медленно и неохотно, когда Слава входит.

— А где все?

— В гараже. Завтракать будешь?

— Позволишь? — Слава кивает на холодильник и Богдан лишь пожимает плечами, чуть двигаясь, чтобы дать доступ к дверце. — Что за гараж? Машину вчера вроде бы во дворе оставили.

— Запасы... Новая охота.

Слава удивленно вскидывает брови, замирая с упаковкой сыра в руках. Холодильник тут же начинает пищать, заставляя закрыть его. Что Слава и делает на полном автомате, полностью сосредоточившись на словах Богдана и чувствуя, как разгоняется пульс.

— Что за срочность? Мы только вернулись.

— Я так понял, они напали на чей-то след, — Богдан наконец-то сдаётся, отставляя едва наполовину съеденную яичницу в сторону. — Утром Влас звонил, а потом отец с Леонидом сорвались в гараж. Видимо что-то серьёзное.

«Новая внезапная охота? Облава на стаю? — облизнувшись, Слава откладывает сыр на подоконник. — Если мне удастся взять их с поличным, то не придётся искать

доказательства».

— В любом случае, вернутся, скажут.

Богдан тяжело поднимается из-за стола, и Слава наконец-то обращает внимание и на бледное лицо, и на неприятный румянец на щеках.

— Ты как?

— Отлежусь, и всё будет хорошо.

Рука непроизвольно тянется к покрытому испариной лбу. Богдан почти отшатывается от этого движения. Только вот Слава оказывается быстрее и успевает прикоснуться, ощутив кожей чужой жар.

«Отлежусь, и всё будет хорошо» — слишком знакомая для Славы фраза.

Он тоже порой делал так раньше: приползал с работы, отмахиваясь, а потом падал в горячечный бред, потому что не рассчитал собственных сил.

— Иди в общую комнату. Где у вас аптечка?

— Ты что мать моя? — ворчит, набычившись, Богдан, на что Слава только хмыкает, нисколько не обиженный чужой реакцией. Он и сам во время болезни становится просто невыносимым.

— Буду за неё, раз сам не справляешься. Так где?

— Ваша комната, в шкафу на верхней полке. Зачем тебе это? Я давно уже сам...

— Считай мне нечем заняться, и я решил поиграть в доктора, — усмехается Слава. —

Идём, пациент, будем вас лечить.

Слава старается не злиться, хотя волна раздражения уже поднимается изнутри. Раздражения на Германа и обиды за Богдана.

«Я давно уже сам» — слова неприятно режут, вынуждая Славу поджимать губы.

«Сам».

Слава редко болеет в одиночестве. Раньше с ним была мать, потом хмурая рожа Демида. Он и сам старается, насколько может, отвечать тем же.

Слава прячет сжатые кулаки в карманы домашних штанов.

«Ну и мудила ты, Герман. Не поверю, что ты не заметил, что твоему сыну хреново!»

— И где этот гараж находится? — закидывает удочку Слава, когда Богдан устраивается на свободной нижней койке.

Пластырь под футболкой выглядит чистым, но Слава, присев рядом, всё равно осторожно его снимает, чтобы осмотреть рану.

По коже начал расползаться синяк, однако след от укуса выглядит уже не таким воспаленным, как прошлым вечером и... неожиданно аккуратным, будто Сидр кусал не всерьёз.

Слава хмурится, задумавшись об этом, и едва не пропускает ответ Богдана.

— Недалеко, так что, думаю, скоро вернутся. В нашем районе эти гаражи, кажется, вообще единственные остались, остальное пару лет назад выкупили и снесли. Отец как-то рассказывал, что им тоже предлагали, но никто из соседей не согласился.

Слава кивает, осторожно обрабатывая укус и мысленно давая себе новое задание: найти эти гаражи на карте. Для начала.

Богдан тихо шипит, но не дёргается, лишь мышцы сокращаются под прикосновениями от напряжения.

— Больно?

— Терпимо, — Богдан отворачивает голову к стенке и ворчит, словно обиженный ребёнок: — Когда сам себе — ощущается не так...

— Когда сам себе, всё ощущается не так, — успокаивает его Слава. — Вы настолько суровые, что не признаёте никакую заживляющую мазь?

— Кончилась, — Богдан, наконец-то закончив сверлить взглядом стену, смотрит на Славу. — Никто не купил новой. Да и зачем? И так заживает вроде.

Славе очень хочется отвесить Богдану подзатыльник, но вместо этого он лишь осторожно заклеивает рану новым пластырем.

— Так почему твой отец машину в гараже не держит?

— Так до него ещё добраться надо, а машина может в любой момент понадобиться.

Стоит только пластырю оказаться на месте, как Богдан тут же подскакивает и, несмотря на лёгкую гримасу боли, садится, подбирая под себя ноги и одёргивая футболку.

— Так что там в гараже? Я понимаю, что это может быть оружие, но не весь же гараж.

Слава никуда двигаться не собирается так и сидит в изножье кровати, упираясь спиной в поддерживающую верхний ярус металлическую перекладину. Богдана хочется схватить за плечи и как следует тряхнуть, чтобы тот рассказал всё что знает. Однако, вместо этого, Слава лишь методично убирает то, что не пригодилось обратно в пластиковый ящик аптечки.

— Спасибо.

Богдан забивается в самый угол и, похоже, тоже не собираясь никуда уходить, смотрит, будто изучая.

— На самом деле... Это вотчина взрослых, — скривившись, признаётся он, пальцами показывая кавычки на последнее слово. — Я там никогда не был.

Слава морщится от досады, а желание заглянуть в этот гараж становится только сильнее. Однако сначала...

— Держи градусник. Ты точно ничего не знаешь про предстоящую охоту?

Богдан морщится, почти копируя гримасу Славы и пряча градусник подмышкой.

— Ничего сверх того, что уже сказал. Ну, кроме того, что меня на эту охоту точно не возьмут.

* * *

Высокая температура Богдана купируется таблетками, но Герман его всё равно не берёт, оставляя с Леонидом. Славе же предлагается выбор: идти вслепую, потому что вся информация будет на месте, или тоже остаться.

Только вот на самом деле выбора у Славы нет.

«На этот раз это альфа. Возможно со стаей. Это всё что могу тебе сказать прямо сейчас» — только и сказал Герман, а потом добавил на удивление более мягко, совсем не так, как начал: — «Мне бы пригодилась твоя помощь».

Отказываться Слава и не собирается. Дело не в тоне, дело... в оборотнях.

Стая. Возможно, тот самый шанс взять их с поличным. Именно поэтому сейчас Слава, спустя несколько часов в дороге и остановку в придорожной забегаловке, подъезжает вместе с Германом к какому-то забору на окраине то ли деревни, то ли пригорода.

Прежде чем погаснуть, свет фар выхватывает из темноты старый приземистый домик, а потом сгустившийся мрак разбавляется лишь идущим из-за забора светом.

— Идём, — требует Герман, и Слава подчиняется, выбираясь из машины. О чём тут же жалеет, кутаясь в куртку и натягивая на голову капюшон. Ветер, правда, всё равно пробирается, находя лазейки. Потому Слава послушно следует за спокойно шагающим на чужую территорию Германом.

Сейчас, подойдя ближе, удаётся разглядеть и горящий в низких, прикрытых занавесками окнах свет и повешенный над деревянной дверью фонарь.

Внутри оказывается гораздо светлее и теплее, так что приходится снять куртку, отправив её, по примеру Германа, на один из вбитых прямо в деревянную стену гвоздей. Пахнет пылью и старостью.

Слава оглядывается, отмечая заваленное каким-то барахлом подобие тамбура. Шагнув через ещё один порог, он тут же попадает в единственную комнату, обставленную, словно в прошлом веке. Нечто подобное он видел в фотоальбоме матери: большой старый стол у окна, тяжёлый узорчатый ковёр на стене, пара продавленных диванов застеленных старыми покрывалами, комод вместо шкафа в углу.

Тем страннее в этой обстановке выглядят несколько парней в походной одежде и ноутбук на столе у окна.

— Новенький, — представляет Влас вместо успевшего склониться над столом Германа.

— Слава, — представляется он, понимая, что за него, похоже, этого делать никто не будет. Влас уже снова уткнулся в экран ноутбука.

— Участвовал в последней охоте, — подхватывает Герман, будто зачитывает из резюме блок с опытом работы. — А так же перед этим ходил на Таутай-лак. Охотник на поставки. Работать умеет.

В чужих взглядах появляется больше уважения и меньше враждебности, только такая перемена всё равно оседает в желудке Славы скользким комом.

— Потап, — представляется крупный, чуть полноватый мужчина с коротким ёжиком

волос.

— Бурый, — представляется второй более полный и низкий.

Слава вопросительно вскидывает брови. На имена это мало походит, особенно у второго. Скорее на клички как у Они и обе ассоциируются с медведями.

— Можешь называть нас так.

— А... — начинает Слава, но Герман его прерывает, небрежно бросая:

— Потому что оба медвежатники.

Память услужливо подкидывает слэнговое значение этого слова, и Слава начинает смотреть на двух охотников совсем по-другому.

— Любят ходить на медведя, а не то, что ты подумал, — как-то поняв, к какому выводу пришёл Слава, хмуро отрубает Влас и отворачивается.

— Простите.

— Так, мы тут не в вежливости расшаркиваться пришли. Проектор есть? — Герман отворачивается от стола, кидая взгляд на Потапа. — Включайте.

— Пять сек, — обещает Бурый и, встав на диван, завешивает ковёр белой простынёй.

* * *

Единственным источником света в комнате, когда Бурый выключает последний светильник, остаётся монитор ноутбука. Влас, как и в тот момент, когда они только пришли, сидит, снова нацепив большие наушники и, похоже, полностью отрешившись от происходящего.

Славу так и подмывает обойти стол, чтобы заглянуть в экран, однако Потап уже включает маленький, соединенный с мобильником, проектор, направляя его на простыню, и на белом фоне появляется картинка карты с лаконичной надписью: «Заповедник».

— Итак, что мы имеем? — уточняет Герман, и Потап не заставляет себя ждать, рапортуя:

— Альфа. Тот, которого ты искал. Наткнулись ребята случайно, если честно. Если бы не...

Герман останавливает Потапа одним движением руки и тот послушно замолкает.

— Для начала, сейчас с нами Владислав и он понятия не имеет о чём идёт речь.

— Как будто оборотней не видел, — бурчит Бурый и на губах Германа появляется кривая улыбка.

— Видел, оборотней он точно видел. Итак, несколько лет назад, когда я ещё только стал собирать команду и порой ходил на охоту то с одними, то с другими, — Герман начинает издали, будто бы сказку рассказывает: медленно, плавно, почти заунывно.

«В тридевятом царстве, в тридесятном государстве» — в тон ему продолжает Слава мысленно. Он не пытается ехидничать или дразнить, скорее отвлекает сам себя, потому что от пристального взгляда Германа становится не по себе.

— Была стая. Небольшая, но отравляющая весь город. Люди понятия не имели кто жил с ними бок о бок, как не замечают они бродячих псов, пока не становится слишком поздно.

Руки непроизвольно сжимаются в кулаки, и Слава прячет их в карманы толстовки.

«Не заводись, Слав. Успокойся».

Ему претит сравнение стаи оборотней с бродячими собаками.

— И как твоё прошлое касается предстоящей охоты?

Слава перекатывается с пятки на носок, изображая живейший интерес и наблюдая за тем, как улыбка на губах Германа становится полной.

— К сожалению, — продолжает Герман. Улыбка его сменяется лёгкой досадой, а отбрасываемые проектором тени делают лицо похожим на неприятную маску. — Одному из стаи тогда удалось улизнуть. Сначала добраться до него не представлялось возможным, а потом он пропал. Вероятно, зализывал раны и разбирался с новым статусом, а может, создавал стаю, я не знаю. Зато теперь у нас есть шанс закончить начатое. Итак, — снова повторяет Герман, отворачиваясь и отпуская Славу из прицела своих глаз. — Потап, продолжай.

— Если бы не щенок мы бы и не обратили на них внимание. Семья и семья, отец и ребёнок, а потом девчонка сверкнула жёлтыми глазищами. Видите ли, игрушку она потеряла. Да там эта игрушка... Серое нечто в розовом чём-то там.

«Вязаный волчок в розовом комбинезоне, — внутренне холодея, поправляет Слава. — Любимая Анина игрушка. Подарок бабушки на второе день рождения. Нет... Это не они. Они отдыхают у мамы и с ними всё в порядке».

Слава не слышит ничего из того, что ещё говорит Потап. В ушах шумит, будто в голове работает ненастроенное радио.

На белом полотне всё ещё отображается карта заповедника, и Слава невольно задаётся вопросом:

«Они там?..»

Кто-то хлопает по плечу и Слава вздрагивает, отмирая и поворачиваясь, чтобы встретиться взглядом с Германом.

— Тебе кто-то пытается дозвониться, — сквозь помехи в ушах пробивается голос. — Может, ответишь?

Только после чужих слов Слава понимает, что мобильник в кармане настойчиво пищит, привлекая внимание.

— Спасибо, задумался.

— Понимаю. Все мы хотим поймать альфу, пока в его стае не стало ещё больше детей.

Слава едва сдерживается от того, чтобы по-волчьи оскалиться и кивает, отступая к стене и наконец-то доставая мобильник.

«Не думать, не думать. Это могут быть не они. Просто... совпадение».

Яркость экрана болезненно бьёт по глазам, но Слава лишь морщится, определяя высветившийся номер и тут же беря трубку:

— Да?

Они смотрят и слушают. Слава видит эти ненавязчивые, но пристальные взгляды по наклону и повороту головы, по установившейся в комнате тишине.

— *Слав*, — звучит в динамике голос Риты и он спешит убавить громкость, так чтобы никто из присутствующих не уловил ни слова. — *Мне звонила твоя мама.*

— И? — неприятный холодок щекочет спину, будто Слава встал на сквозняке.

— *В общем... Она попала в небольшую аварию и телефон сломала. Не переживай, всё уже хорошо. Просто она переживает, что была недоступна и так и не повидалась с Аней. Наверное, они уже дома.*

— Наверное, — сухими, плохо слушающимися губами повторяет вслед за Ритой Слава.

— *Мне проверить?*

— Нет, не стоит, — тут же спешит отказаться Слава. — Прости, у меня сейчас важное дело. Спасибо, что позвонила. Будем на связи?

Рита молчит какое-то время, прежде чем выдать короткое: «Да» и отключиться.

«Уже дома, да?..»

— Итак, раз ты закончил, то продолжим.

Сердце в груди Славы обрывается, когда на белом полотне меняется картинка и вместо карты появляется фотография. Немного нечёткая картинка из-за недостаточного разрешения не мешает понять, кто на неё запечатлён. Демид и Аня. Со стороны они действительно выглядят как отец и дочь, а цвет волос, одинаково тёмно-каштановый, только способствует этому. И без разницы, что у него глаза зелёные, а у неё карие.

Фотография видимо с той чёртовой парковки, потому что на зарёванной Аниной мордашке улыбка, и она крепко прижимает к груди серого вязаного волчка в розовом комбинезоне.

— Мы их гоняли несколько дней. Жаль я подстрелил его рядом с этим чёртовым заповедником. Они туда и рванули, — отчитывается Бурый и ноги Славы словно прирастают к полу.

«Подстрелил... — бьётся в голове паническая мысль, а внутри холодеет. — Он его подстрелил...»

— Из заповедника они не выходили, — продолжает отчёт Влас, снимая наушники, но не отрывая взгляда от монитора. — Мы мониторим все доступные в этих местах камеры, так что они всё ещё где-то там.

— Я даже знаю, в какую нору они забились, — откликается Бурый. — Там есть старый лесничий домик. Квадрокоптер отследил их до него, прежде чем заряд сдох. Можно начать оттуда.

— Верни карту и покажи, где примерно находится этот дом, — требует Герман.

«Валите оттуда. Живо!» — отправляет Слава и тут же удаляет сообщение.

Он рискует, даже не зная при себе ли ещё у Демида телефон. Даже не зная, в каком тот состоянии.

«Он подстрелил его» — острой иглой ввинчивается в мозг.

«Простой или обработанной пулей? Обычной или разрывной? А может стрелой?»

«Сел на хвост. Нужна поддержка» — посылает он ещё одно сообщение, но сразу на два номера, как и обещал, и, так же как и первое, удаляет.

Слава забивается в отделенный от комнаты подобием стены кухонный уголок. Прячется, отвоёвывая себе немного пространства, чтобы подумать и перестать паниковать.

«Прекращай, — требует он от себя, перебирая и смазывая пистолет при свете взятого у охотников светильника. — Паникой ты им не поможешь».

За низким, закрытым плотной занавеской окном настолько густая темнота, что кажется, посмотри в неё чуть дольше и она заглянет в тебя.

«Они где-то там, — Слава сплывает, отворачиваясь и отпуская занавеску. Снова возвращается к частям пистолета и ёжится. По спине ползёт холодок, но непонятно поддувает ли это из щелей в разошедшей старой раме или идёт изнутри. — Какого хрена ты позволил себя подстрелить?!»

— Прячешься? — звучит вопрос едва Слава, вогнав магазин, ставит пистолет на предохранитель.

— Подглядывать нехорошо, Герман. А в данном случае ещё и небезопасно. Рука, знаешь ли, может дрогнуть.

В противовес словам Слава прячет пистолет за пояс, подальше от щекочущего в груди искушения. У него всё ещё недостаточно доказательств, а самосуд ничего не даст.

— Любишь быть один? — задаёт новый вопрос Герман, присаживаясь напротив.

— Готовлюсь. Мне показалось, мы скоро выходим.

Слава методично собирает мусор в пакет и закрывает баночку с оружейной смазкой, прежде чем это всё отправить в примостившийся на столе у стены рюкзак. Чтобы просто занять руки и не дать понять, что они подрагивают от напряжения.

— Полчаса. Но ты с этим не пойдёшь.

Слава вопросительно вскидывает брови и получает в ответ недовольно поджатые губы.

— Ты серьёзно думаешь идти на оборотня с пистолетом?

— Я уже ходил на оборотня с ним, — Слава пожимает плечами. — Этот же оборотень ранен и ослаблен.

«Ранен и ослаблен» — пугающие до чёртиков слова, от которых руки сами сжимаются в кулаки, так что короткие ногти впиваются в кожу ладоней.

«Держитесь, пожалуйста...»

— Вот именно. Сам должен знать, как реагирует раненый зверь. Впрочем... Даже если ты предпочитаешь пистолет, то у меня всё равно есть более подходящий вариант.

Слава вздыхает, но кивает. Спорить с Германом, судя по его лицу, бесполезно, а времени в обрез. Неизвестно насколько сильно ранен Демид и сколько он ещё продержится.

Лес живёт своей жизнью, не обращая никакого внимания на вторгшихся на его территорию людей, и лишь пошедшая на убыль луна подглядывает из-за ветвей, следя за ними своим ярким глазом. Слава какое-то время тоже смотрит на неё, после чего вновь приходится привыкать к окутанной рассеянным светом темноте. Но он об этом не жалеет.

Неровный молочно-белый диск в небе успокаивает и словно придаёт сил. Становится как-то всё равно на дышащего в спину вооруженного Власа и на замыкающего их маленькую цепочку Потапа, на то, что его самого зажали с двух сторон, а впереди идёт Герман. Никто из них не знает точной дороги, кроме Бурого, ведомого механическим голосом навигатора в наушнике.

Их шаги выбиваются из общей мелодии ночного леса: шуршит опавшая листва под тяжёлыми ботинками, хрустят, ломаясь, случайно попавшие под ноги веточки. Слава слышит эту какофонию, хотя никогда не думал, что настолько чувствует лес. Не любой. А вот тот, похоже, воспринимает его иначе и идётся на удивление легко.

Слава спокойно переступает выступающий из земли корень, тогда как Влас за спиной спотыкается, чертыхаясь, чем вызывает насмешливую улыбку.

Ухает над головой сова, вспарывая воздух мощными крыльями, и плечи идущего впереди Германа каменеют. Где-то пробегает мелкий зверёк. Славе кажется, что все его чувства обострились, а сковывающая всё это время грудную клетку цепь чуточку ослабла, так что дышать становится легче. Он почти ощущает себя в другом месте. В их лесу, где в полнолуние горит маленький жаркий костерок, а его волки снуют меж деревьев чёрными тенями. Славе даже кажется, что он ощущает прикосновение мокрого носа к ладони и тихое недовольное сопение упустившей разбуженную мышку Ани. Но вот чертыхается Бурый и наваждение истаивает. Нет никакого костерка и полнолуния, а затянутая в перчатку ладонь сжимает выданный Германом и наверняка незаконный «макаров».

...— Брезгуешь? — с усмешкой уточняет Герман, когда Слава натягивает найденные во внутреннем кармане куртки перчатки, на удивление его собственные, потерянные прошлой весной.

— Опасаюсь, — возвращает усмешку Слава, прежде чем взять в руки чужое оружие. — Мне бы пристреляться...

— Некогда...

Грудь снова сдавливает невидимыми цепями, и Слава беззвучно шепчет, едва шевеля сухими губами: «Леший, если ты существуешь, сломай навигатор, не дай так просто добраться до цели».

Словно в ответ на запрос, Бурый снова чертыхается, сплевывая, и останавливается. Слава понимает это по замершему на следующем шаге Герману и едва не летит носом вперед, когда Влас врзается в спину.

Никто не спрашивает о причинах остановки, и Слава тоже молчит, вслушиваясь в вернувшуюся к своему первоначальному ритму мелодию леса.

— Всё, приплыли, — Бурый снова сплёвывает. — Навигатору хана. Но тут недалеко уже.

В свете луны Слава видит, как Бурый сматывает и прячет в карман наушники, как он разворачивается сообщая:

— Дальше без навигатора, но я здесь бывал уже, не заблудимся.

Слава, почти поблагодаривший лес за помощь, едва не сплёвывает вслед за Бурым.

«Бывал здесь» — досада скрипит на зубах подобно песку, сухая и солоно-горькая.

«Не допусти непоправимого, Лес, — вновь просит Слава вместо благодарности. — Если ты есть, приведи помощь».

Ему просто нужно во что-то верить и даже если раньше он посмеивался над Демидом за подобную веру, то сейчас готов попробовать. Попробовать поверить в хозяина леса. Даже если сломанный навигатор это простое совпадение.

— Идём, — командует Бурый, и Слава послушно встаёт обратно в цепочку, продолжая идти след в след.

«Никогда не бери у леса больше чем тебе нужно и всегда благодари» — всплывают в памяти Славы слова Демида и, проходя мимо дерева, он осторожно касается ствола раскрытой ладонью. Хочется прижаться кожей к шершавой коре, но между ними перчатка.

«Я поблагодарю, только помоги» — просит он, и пальцы соскальзывают со ствола.

Где-то сбоку слышится движение, и они снова замирают, оцетинившись оружием. Слава до рези в глазах всматривается в разбавленную лунным светом темноту, но не видит ни единого движения. Кто-то проходит гораздо дальше возможностей его глаз.

Кто-то...

Движение возобновляется за спиной, будто этот кто-то обходит их по кругу. Слава разворачивается вслед звуку одновременно со словно закаменевшим рядом Власом, но не вскидывает пистолет. Он понятия не имеет, каково тому сейчас, после смерти брата. Слава не знает, но и не стремится узнавать, потому что, идя бок о бок, они всё равно остаются врагами.

Шорох повторяется ещё раз и снова. Но на этот раз он отдаляется, будто зверь наконец-то, что-то для себя уяснив, уходит, то ли по своим делам, то ли стремясь убраться подальше от опасных людей.

— Тут недалеко, — заверяет Бурый, когда они возобновляют движение.

Однако это «недалеко» растягивается надолго. Слава понятия не имеет, сколько проходит времени, вот только луна уже скрывается за деревьями, словно собирается ложиться спать, а они так и не приходят. Будто кто-то водит, подменяя тропу и не давая выйти к цели.

Слава готов бродить здесь до самого рассвета, если это поможет.

— Бурый, — шипит Потап. — Кончай хернёй страдать.

— Меня водит, — шипит сквозь зубы тот, и Слава прячет улыбку в гейторе.

— Раньше не водило, а сейчас чё?

Потап, быстрым шагом добравшись до головы их цепочки, толкает Бурого в плечо. Следом вскрикивает, оступаясь, Влас. Слава инстинктивно реагирует, хватая того за локоть и не давая скатиться в овраг, а поняв это, едва не разжимает пальцы. Однако Влас уже и сам цепляется, выравниваясь и твёрдо вставая на ноги.

— Хорошая реакция, — одобряет Герман, пока Потап с Бурым чем-то занимаются у ближайшего дерева.

Приглядевшись, Слава мысленно чертыхается, вовремя успевая проглотить готовый уже сорваться с губ мат. Развязав заплечный мешок, Потап что-то выкладывает меж выступающих корней большого дерева.

«Подношение».

Слава помнит подобные ритуалы в исполнении Демида и прикусывает губу, прежде чем

язвительно уточнить:

— Одних убиваете, других задабриваете?

Голос звучит скрипуче и надтреснуто, и Слава сглатывает сухим горлом.

— Просто знаем границы, — бурчит Потап, вызывая у Славы короткий, похожий на кашель, смешок.

«А они есть эти границы? Или вы убиваете только тех, кто слабее?»

Он кривит душой. Сидр был опасен и не был слаб. Никто не слаб, но ко всем можно подобрать ключ.

И это знание горчит на языке.

* * *

Водить их перестает так же внезапно, как и начинает. Подношение действует, и Слава сглатывает вставший в горле ком, оказавшись перед маленьким тёмным домиком.

Холодок разворачивается внутри маленьким паучком, что оплетает своей паутиной все внутренности и лишь сердце оставляет бухать в груди.

Здесь нет места словам. Лишь жесты и полная тишина.

Хочется закричать, нарушить эту липкую, холодную тишину, где не слышно, кажется, даже ни единого шороха. Будто лес тоже замер в ожидании. Предупредить... Но старый дом настолько тёмный, что закрадывается маленькая надежда, а вдруг он пуст?

Слава облизывает сухие губы, вслед за Потапом подступая ближе к двери, шумно и не таясь. Его должны услышать, они должны уйти, если всё ещё там.

Вот только надежда разбивается о две крепкие фигуры. Оба окна взяты на прицел Власом и Бурым, и лишь Герман...

Слава оглаживается, находя Германа в нескольких шагах за своей спиной, и чуть отступает в сторону, уходя с линии возможно выстрела.

«Раз, два» — показывает Герман, и Потап у двери кивает. Слава не видит реакции остальных, хотя и понимает, что они тоже готовы.

«Три» — одними губами заканчивает Герман, и Слава слышит, как что-то приземляется внутри, а потом бухает и щели в разошедшихся досках двери вспыхивают светом.

Послышавшееся изнутри злое рычание отдаёт болезненной вспышкой где-то в солнечном сплетении. Прозвучавшее следом тихое поскуливание прихватывает гарпуном за рёбра и тащит внутрь, вслед за выбившим ногой дверь Потапом, снова впереди Германа, который лишь подталкивает в спину, словно не желает идти вторым.

Свет вспыхивает сразу с нескольких сторон. Яркие фонарные лучи взрезают пыльный сумрак дома, высвечивая ощерившуюся тёмную фигуру, прикрывающую когтистой лапой маленькую, испуганно зажмурившуюся девочку, что прижимает к груди перепачканную игрушку в розовом.

Слава щерится в ответ, приподнимая под прикрытием гейторы верхнюю губу. Яростно, по-волчьи. И сердце бухает в груди, силясь проломить рёбра, но так и оставаясь на цепи.

Варианты прокручиваются в голове с бешеной скоростью, но верный только один.

У них не осталось времени и помощи ждать неоткуда. К ним не успеют.

«Выбраться отсюда будет чертовски сложно».

Шумно втянув носом воздух и тихо, словно передразнивая, рыкнув, Слава

разворачивается, закрывая собой раненого наполовину перекинувшегося Демида.

— Это моя стая, — хрипит он, вскидывая пистолет, и в лицо ему тут же смотрит чёрное дуло. Герман даже не замешкался.

Свет больше не слепит. Охотники неожиданно выключают фонарики, погружая дом в темноту, что на мгновение становится оглушающе полной.

Слава замирает, пружиня на старых, но ещё на удивление крепких досках пола. Ждёт, но, ни выстрела, ни нападения так и не следует.

Тьма рассеивается, сначала давая очертания предметам, потом добавляя деталей.

Никто не сдвинулся с места и тяжёлый пистолет всё так же смотрит ему в лицо.

— А я думал, ты поумнел, — расстроено замечает Герман и Слава переводит взгляд с дула на чужое лицо, не понимая, о чём тот говорит. — Думал, ты понял, что все они всего лишь раковые клетки человеческого рода. Ведь ты убил Таутай-лак. Леонид рассказал мне, как ты вогнал ей в рот металлический прут. Ты убил Сидра, когда он обратился.

Слава сглатывает, вспоминая надвигающуюся на него оскаленную морду, хлопок выстрела и рану без крови. Раны.

— Его убил ты. Не я.

— Тебе осталось только избавиться от этого маленького балласта, — словно не слыша, продолжает Герман с усмешкой. — Две псины и ты освобождён.

Сжимающие пистолет руки подрагивают, но Слава лишь сильнее цепляется за него, прислушиваясь к происходящему за спиной. Однако оттуда не доносится ни звука.

— Я так надеялся, что ты перерастёшь эту глупость.

Холодок пробирается внутрь, запуская свои ледяные пальцы под куртку и ероша морозным дыханием волосы на затылке.

— О чём ты?

— О твоей детской дружбе со щенками.

Из-за спины вновь доносится затихшее было рычание и Герман усмехается, словно радуясь этой реакции.

— Не сверкай глазами, альфа. Ты должен нас поблагодарить. Благодаря нам ты получил эту силу.

Слова как удар под дых. Перед глазами мелькают воспоминания: семья Демида, живая и здоровая, кадры из новостей с россыпью крови на снегу, алой, будто рассыпанные ягоды рябины, разделённая на двоих боль.

Уши закладывает.

...На крыше они оказываются меньше чем через десять минут. Слава ёжится от пронзительного ветра, бросающего в лицо снежное крошево, но лишь сильнее натягивает шапку.

— Ну?

Слава впервые слышит, как Демид воеет и от этого звука что-то внутри вибрирует, словно откликаясь на зов.

— Ну? — повторяет Слава, когда на них опускается оглушающая тишина.

Шума улицы на этой высоте почти не слышно, как и других звуков. Или может он просто внезапно оглох.

Демид не отзывается, вслушиваясь в эту тишину и не замечая ни холода, ни припорошившего тёмно-каштановые волосы снега. А потом он дёргается. Слава едва

успевает снова перехватить его, хватаясь пальцами за рукав куртки, прежде чем Демид свалит с крыши.

— Демид?!

— Я нужен им!

В трёх словах столько рычания и злости, что пальцы сами собой разжимаются, выпуская на свободу.

Демид дёргается в сторону выхода, но Слава следует за ним словно привязанный.

— Стой, — требует он, спускаясь с крыши в подъезд. — Лицо смени!

Демид всегда умел держать себя в руках, теперь же вторая сущность выбралась наружу, оцетинившись клыками и когтями и сверкая на весь мир жёлтыми радужками.

— Демид! — шипит Слава, спешно скатываясь по лестнице вслед за другом.

— Они...

Демид спотыкается, задыхаясь на полуслове и оборачиваясь.

Слава от неожиданности влетает в него и тут же отступает на шаг. Радужки прямо на глазах темнеют. Знакомая и привычная желтизна прячется за рыжиной солнечного, напитавшегося силы янтаря. Дыхание перехватывает, а в следующий момент, когда Демид снова дёргается, собираясь ускользнуть, Слава перехватывает его, сжимая руки поперек груди.

Желтизна — удел большинства оборотней. Янтарь — отличительная черта альфы стаи.

— Не ходи, — шепчет Слава, прекрасно зная, что значит янтарь в глазах Демиды.

— Я должен... они...

— Ты не успеешь, — севшим голосом шепчет Слава, чувствуя, как застывает в горле ком.

«Ты уже не успел».

Он лишь сильнее сжимает руки, удерживая напряженного Демиды на месте.

— Ты...

Слава замолкает, так и не договорив...

— Демид, возьми за пояс, — требует Слава и сам себя не слышит.

Слишком громко в груди грохочет сердце, перекрывая любые звуки отзвуком-пульсом в ушах.

— Ну! — понукает он, не отводя взгляда от охотников. И только благодаря этому успевает заметить движение Потапа, дёргаясь и поводя ствол в его сторону.

— Не советую, — качает головой он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более уверенно и равнодушно. — Палец, знаешь ли, дёрнуться может и бум.

— Нас двое, ты один. Псина тебе не поможет.

Слава усмехается, чувствуя, как приподнимается на спине куртка, а следом из-за пояса исчезает пистолет.

Всего шаг в сторону и рядом с ним наконец-то встаёт Демид.

— Он волк, — поправляет Слава, страстно желая узнать в порядке ли Аня, но понимая, что сейчас не время для этого вопроса.

— Псина. Бешеная, — повторяет Потап, и Слава едва сдерживается от выстрела.

«Не убивать» — напоминает он себе, давая растущее внутри искушение. Ведь никто не узнает, если он нажмёт на спусковой крючок. Это даже не его оружие.

«Всего лишь спор двух охотников зашедший слишком далеко» — нашёптывает что-то тёмное внутри и Слава облизывается. Но всё равно не стреляет. Потому что за спиной напуганная и усталая Аня, потому что Демиду не понравится, если он обагрит руки кровью. Не так.

«А иначе не выбраться» — нашёптывает всё тот же голос.

— Чего у вас там? — кричит Влас снаружи и Слава от неожиданности едва не совершает непоправимого.

— Порядок, — внезапно отзывается Герман. — Оставайтесь снаружи.

— Предлагаю разойтись мирно.

Это глупо, это неправильно. Слава прекрасно знает, что упустит свой шанс их прижать, если охотники сейчас уйдут. Однако другого варианта он не видит.

«Сначала Аня. Живая, здоровая и целая. Потом я их достану. Обещаю, что достану тебя Герман».

— Кончай их и пошли, — недовольно ворчит Потап. — Тут делов на три выстрела.

— Нет! — Герман почти рычит, отвлекаясь на мгновение от них, чтобы обернуться к Потапу. — Он нужен мне живым!

Слава пользуется этим замешательством, всё-таки нажимая на спусковой крючок, но целясь в ноги, а не в грудь. Только вместо хлопка выстрела звучит щелчок осечки. И этим уже пользуется Герман.

Время ускоряется, однако Славе кажется, что это он сам наоборот замедлился.

Он не успевает перезарядить пистолет, как плечо обжигает, а следом приходит боль. Звуки сливаются в общую какофонию: крики за окном, выстрелы, болезненный рык Демида, мат Потапа. Герман дёргает Славу за раненую руку, вызывая в той новую вспышку боли.

Его разворачивают, а в следующий момент Слава уже летит назад, впечатываясь спиной в крепкую жёсткую грудь, а под подбородок упирается ствол.

— Шаг и я вынесу ему мозги, — ласково обещает Герман и припавший на колени полуобратившийся Демид замирает.

— Ты говорил, что я нужен тебе живым, — облизываясь, усмехается Слава и пистолет давит сильнее заставляя задрать голову и заткнуться.

— Потап, уходим.

Страх смешивается с облегчением, и Слава на мгновение прикрывает глаза.

Он понятия не имеет, почему они уходят, но Демида оставили живым. Он позаботится об Ане и выведет её отсюда. Обязательно.

Щеки касается холодный ветер, и Слава шумно втягивает носом свежий воздух.

Здесь нет ступеней, даже приступка, поэтому выйти удаётся без проблем. Слава уже собирается попросить не давить так и позволить хоть немного опустить голову, он ведь не будет сбегать, когда голос Германа заставляет распахнуть глаза и скосить взгляд в сторону.

— Вы нас пропустите и мы уйдём. Тогда никто не пострадает. — Жёстко, холодно, самоуверенно.

Перед ними, насколько удаётся рассмотреть Славе, оцетинившиеся оружием люди. Немного, но их вполне хватило, чтобы повязать оставленных снаружи охотников.

— Руслан, Руслан, я-то думал ты хороший охотник, правильный, — цокает языком, насмехаясь, Герман и Слава понимает, что они пришли. Сабина получила его сообщение.

— Отпусти его, — твёрдо и спокойно требует Руслан, на что Герман только усмехается.

— Он мой билетик на свободу. Так что нет. Тем более не думаю, что вы в ответ

отпустите моих людей.

Герман лишь крепче сжимает пальцы на плече, том самом, которое вспорола пуля, и которое не так давно пострадало от языка Таутай-лак. Слава шумно сглатывает, морщась от боли. «Мушка» тут же царапает кожу на горле.

— Мы сейчас отойдём немного, а потом я подумаю, — обещает Герман, продолжая идти, и всего через пару шагов Слава перестаёт видеть и Руслана, и Сабину, и Риту, уверенно придерживающую стоящего на коленях Бурого. Будто он и не раза в два её шире и сильнее.

Герман разворачивается, и Слава снова может видеть в предрассветных сумерках оцетинившихся оружием, но не стреляющих охотников и коллег.

— Прогуляемся, — пяясь, предлагает Герман и чуть ослабляет нажим, позволяя немного опустить голову. — И поговорим.

— О чём? — не разжимая зубов, спрашивает Слава, получая в ответ раздражающий уже смешок.

— О твоём детстве. О твоей матери. О том, что ты мог вырасти прекрасным охотником, но она тебя избаловала, а эти шавки испортили. Ты слаб Владислав, а твоя мать упряма. Упряма и глупа.

Дыхание перехватывает, а Слава спотыкается, наступив на что-то пяткой. Однако Герман его поддерживает, не позволяя упасть, лишь снова царапает шею «мушка» пистолета.

— О чём ты?..

— Герман, — начинает Потап, но тот его затыкает, коротким и злым: «Заткнись» прежде чем ответить на вопрос Славы.

— Арина ведь не говорила тебе кто твой отец, да, Влад? Похоже, она меня ненавидит. Даже отчество тебе не дала. Владислав Аринович, смешно звучит. Ты Германович. Ты мой сын.

Слава слышит, как за спиной снова что-то говорит Потап, но не понимает ни слова, просто продолжает медленно, на автомате, переставлять ноги, видя, как всё отдаляется, скрываясь за деревьями, поляна со старым домом.

«Ты мой сын» — всё ещё звучит в ушах, когда Слава теряет опору и от резкого толчка летит вперёд, едва успевая выставить перед собой руки, чтобы не пропахать носом землю.

Он оборачивается насколько это возможно быстро, но видит лишь удаляющиеся спины и тёмную тень рванувшую вслед за ними.

Потап стреляет, оборачиваясь на бегу, но выстрел не достигает цели. Тёмная тень виляет в сторону, прежде чем прыгнуть, тяжело оттолкнувшись от земли, и обрушиться на него всем своим весом.

— Демид!

Слава хочет закричать, но голос срывается и звук выходит гораздо тише. Однако Демиду хватает и этого. Он вскидывается, быстро возвращаясь в человеческую форму из полуоборота.

Хромота сразу бросается в глаза, а ещё разбегающаяся по коже тёмная паутинка. Отравлен.

Слава облизывает сухие губы, поднимаясь с земли и осторожно отряхиваясь.

«Спокойно, успокойся. Он жив, а у Руслана должно быть что-то против этой гадости. Обязательно должно быть. Всё будет хорошо».

Только вот у Демиды, похоже, заканчивается батарейка и, подступив ближе, он спотыкается, а следом летит вперёд, теряя сознание.

Слава едва успевает подхватить его, не давая упасть. Раненое плечо тут же отзывается болью, однако отпустить тяжёлое, лихорадочно горячее тело выше его сил.

Дрожь зарождается в Славе в тот момент, когда Аня, вырвав ладошку из руки Сабины влетает в него, утыкаясь носом в живот и обнимая. Мгновение и вот она уже требовательно просится на руки. Маленькая, испуганная, она льнёт к нему, цепляясь за плечи и заглядывая в глаза. Радужки тепло сияют желтизной, но сейчас это единственное, что выдаёт в Ане оборотня.

— Всё хорошо, — шепчет Слава, наглаживая дочь по спине и разворачиваясь так, чтобы она не видела лежащего на земле Демида.

На поляне перед старым домом нет ничего, куда бы ещё его можно было положить.

«Всё будет хорошо» — повторяет Слава мысленно, будто пытаюсь убедить себя в этом.

Он неотрывно наблюдает за тем, как фиксируют бессознательного Демида Руслан и Сабина, как вынимает из коробочки ампулу с противоядием Маша. Славе нестерпимо хочется быть там, потому что они могут не удержать Демида, потому что он сможет его успокоить. Однако на руках у Славы Аня, и он остаётся, лишь отступает дальше, прекрасно зная, что сейчас будет.

— Закрой уши, — просит он ласково, когда Аня утыкается носом в расстёгнутый ворот куртки, а сам продолжает смотреть.

Он просто не может сейчас отвернуться. Не имеет права.

Вот Маша присаживается на корточки рядом с неподвижным телом, вот касается бока, чтобы влить несколько капель тёмной жидкости прямо в рану, вот закапывается пальцами в джинсовую ткань на бедре, прежде чем опустить туда носик ампулы.

Первая дрожь проходит по телу Демида едва Маша отстраняется: слабая, почти неразличимая. Если бы Слава не присматривался, то и не заметил бы. А затем Демида выгибает и Маше приходится прийти на помощь, чтобы удержать его на месте.

Слава крепче прижимает Аню к себе, чувствуя, как она начинает дрожать в руках.

«Не отворачивайся» — требует он от себя, закусывая губу и чувствуя, как болезненно вибрирует что-то внутри от полного боли рыка Демида, будто тот проникает в самые кости.

Колени подгибаются сами собой.

«Скоро ему будет лучше» — напоминает себе Слава. Он помнит, что противоядие тем болезненней, чем больше яда вошло в кровь.

«Всё будет хорошо» — повторяет он словно мантру, наглаживая затихшую Аню по спине.

— Не сиди на земле, замёрзнешь.

Слава поднимает взгляд на замершую перед ним Риту. Светлая приталенная кожаная куртка, выглядывающие из-под короткой юбки колени, модные ботиночки, будто она не в лес ехала, а на праздник, и только длинные волосы заколоты на затылке, чтобы не мешались.

— Что?..

— Вставай, говорю, простынешь.

Только сейчас Слава осознаёт, что сидит меж корней, привалившись спиной к стволу дерева.

— Ты как? — заботливо уточняет Рита, когда Слава, морщась, тяжело поднимается, придерживая здоровой рукой Аню.

Плечо пульсирует, но он лишь кривит губы в улыбке. Ему хорошо. От тепла обнимающей в ответ Ани и от одного взгляда на пришедшего в сознание и даже самостоятельно поднявшегося с земли Демида. Они живы.

— Жив. Всё в порядке. Не переживай.

Слава отвлекается, оглядывая поляну перед домом, на которой, как оказывается, остались только они семеро. Хотя он точно помнит, что их было гораздо больше.

— А где?.. — начинает Слава, наблюдая за тем, как отходит к деревьям Руслан, доставая мобильник и кому-то набирая.

— Мы местных подключили. Вася сейчас с ними разбирается и, наверное, пытается выпросить их машинку в дорогу. Мы на моей приехали, чтобы время на бумаги и разрешения не тратить, а там, сам знаешь, места не так уж и много... Разве что этих твоих охотников в багажник положить. Частями.

— Добрая ты, — смеётся Слава, глядя на хищно улыбающуюся Риту.

— Всегда пожалуйста. Так как ты?

Рита мгновенно становится серьёзной.

— Всё в порядке, я уже сказал.

Он чувствует, как начинает возиться на руках Аня и крепче прижимает её к себе, не давая вывернуться. Вот только недовольное сопение в шею прекратить не удаётся. Даже ласковое поглаживание по спине не спасает. Аня уже умеет распознавать ложь и сейчас прекрасно знает, что он не говорит Рите правды.

Рукав толстовки под курткой успел намокнуть от крови и смытая адреналином боль постепенно разгорается в плече, однако улыбаться, не морщась, у Славы ещё получается. Чем он и пытается пользоваться.

Вот только от цепкого взгляда Риты, похоже, ничего не может укрыться и она лишь недовольно цокает языком, складывая руки на груди.

— Рука. Ты едва встал.

— Да всё в порядке. Царапина.

— Которая не зарастёт сама собой.

Демид появляется совершенно бесшумно, но не неожиданно. Слава наблюдал за его приближением краем глаза с самого первого, сделанного в их сторону шага.

Рита оценивающе скользит взглядом по подтянутой, крепкой, перепачканной в земле и крови фигуре и Слава фыркает.

— А это и есть твой крёстный?

— Анин, — поправляет Слава с лёгким недовольством. — Мог бы и привести себя в порядок, Маша же предлагала тебе салфетки. Выглядишь как пещерный человек. Цел?

— В отличие от тебя.

— От папы пахнет кровью! — тут же ябедничает Аня, обернувшись к Демиду, и болезненно тычет маленьким пальчиком ровно в прореху на рукаве, попадая прямо по ране, так что Слава едва не выпускает её из рук.

— В моей машине есть аптечка. Нужно только выйти из леса.

— В нашей тоже, — подключается Сабина. — Тебя задело?

— Может, уже выберемся из этого чёртового леса? — громко вопрошает Руслан, даже и не думая подходить ближе.

— У кого-нибудь есть еда? — внезапно осеняет Славу и на поляну опускается удивлённая тишина. — Чего? Я обещал хозяину леса, что отблагодарю, если он поможет.

— Слав, — тихо зовёт Сабина. — Тебе точно сегодня по голове не прилетало?

* * *

Своего Слава всё-таки добивается и, получив от Маши горсть лимонных карамелек, присаживается у дерева, меж корней которого совсем недавно сидел. Краем глаза он замечает, как обречённо вздыхает Сабина и качает головой Рита, однако лишь усмехается. Ещё недавно он реагировал точно так же, а сейчас... Готов поблагодарить за помощь. За то, что они выбрались.

— Что я должен делать?

Слава не оглядывается на замершего за спиной Демида, просто тихо спрашивает, прекрасно зная, что тот услышит.

— Просто поблагодари и положи подношение. Без фантиков.

«И без тебя знаю, что без фантиков» — ворчит Слава, шурша упаковкой.

— Дядь Демида, а что папа делает? — громким шёпотом спрашивает Аня с рук Демида вызывая у Славы улыбку.

— Благодарит Хозяина Леса. Давай не будем мешать папе?

Шумно выдохнув и стараясь не представлять, как он выглядит сейчас со стороны, Слава шепчет, укладывая горсть карамели прямо на землю:

— Спасибо за помощь, Хозяин Леса.

Он понятия не имеет, что ещё можно сказать, поэтому замолкает и поднимается, но застывает на повороте. Сердце ухает куда-то вниз, когда взгляд выхватывает тёмную фигуру среди дальних деревьев. В первое мгновение кажется, что это Герман, что он никуда не сбежал, просто скрылся в лесу и сейчас прозвучит выстрел. Но время идёт и ничего не происходит, только человекообразная фигура расставляет в стороны руки, будто собирается кого-то обнять, а стоит моргнуть и с того места, хлопнув крыльями, тяжело поднимается крупная птица.

«Спасибо, леший» — ещё раз, но теперь уже мысленно, благодарит Слава и наконец отворачивается, принимаясь раздеваться.

— Так, а теперь надень куртку. В таком виде ты к нормальным людям не выйдешь!

* * *

Настроившись на долгую дорогу обратно, Слава удивлённо спотыкается, выходя из леса гораздо раньше планируемого. Демида едва успевает придержать его свободной рукой за плечо, уберегая от падения. Только вот Слава этого почти не замечает, оглядывая залитую светом фар опушку.

Зацепившийся за незнакомую полицейскую машину взгляд тут же перескакивает на чёрный внедорожник Руслана и кажущуюся, в сравнении с ним, совсем крошечной вишнёвую машинку Риты и замирает на спрятавшем руки в карманы Васе. Тот стоит, укутавшись в тёплую светлую куртку, с дружелюбно-равнодушным лицом выслушивая рассерженного мужчину в форме, и лишь по позе можно понять, насколько он близок к тому, чтобы послать недовольного оппонента.

— Мы не пустили местного лесничего в лес, — поясняет Рита, появляясь рядом. — Ему это совсем не понравилось. Особенно, когда Василий сказал, что мы сами справимся.

Слава видит, насколько именно лесничему это не понравилось. Даже незнакомые полицейские решили отсидеться в авто.

— Спасёшь друга? — предлагает Слава, на что Рита лишь пожимает плечами:

— Зачем? По-моему он и сам прекрасно справляется.

— Слав, рука, — требует Сабина, проходя вслед за Русланом к внедорожнику. — Ты идёшь?

— Да всё в порядке... Ай!

С языка Славы едва не срывается порождённое болью ругательство, потому что Демид не придумал ничего лучше как сжать больное плечо пальцами, наглядно показывая насколько тот не в порядке.

— Коврик блохастый! — всё-таки шипит Слава, вызывая тихое хихиканье вцепившейся в и так растрёпанные волосы Демида Ани. Всю дорогу через лес она ехала на его плечах, поглядывая на всех остальных сверху вниз.

— Так уж и быть, помогу нашему несчастному, — вздыхает Рита, уверенно устремляясь в сторону Васи и лесничего.

Слава оборачивается следом, чтобы понять, почему она изменила решение, однако Демид отвлекает, заворачивая немного в другую сторону и подталкивая его к внедорожнику.

— Пап, будь взрослым, — наставляет Аня с высоты, вызывая у Славы приступ ворчания:

— А кто-то у нас уколов боится.

— Так там иголки! — сделав страшные глаза, поясняет Аня, а потом добавляет: — И я маленькая, мне можно.

— Я запомнил, — смеётся Слава, расстёгивая и снимая толстовку, прежде чем нырнуть в тёплый салон внедорожника.

Холод, правда, всё равно цепляется, облизывая ничем не защищённую кожу рук и пробираясь под футболку, заставляя ёжиться и подрагивать.

— Двигайся, — требует Сабина, видимо собираясь сесть рядом, но спущенная на землю Аня оказывается быстрее. Уцепившись, она проворно перебирается на свободное сидение и тут же прижимается к боку Славы, сверкая на всех глазами и будто бы говоря: «Он мой!».

Сабина правда на это только хмыкает и, впихнув аптечку Демиду в руки, отступает.

— Сами справляйтесь тогда.

— Да кстати! — внезапно осеняет Славу, и он выглядывает, опираясь здоровой рукой о дверцу: — Руслан! Дом нашли?

— Нашли, но там пусто. Только машина с правами на имя Введенского в бардачке и всё.

Слава кивает, возвращаясь обратно на сидение.

«А ты чего хотел? Чтобы Герман там сидел со сложенными лапками? У него охрененная фора была».

— А теперь посиди, пожалуйста, спокойно, — просит Демид, закатывая рукав футболки на плече и вздыхая. — Ты совсем не можешь без проблем, да?

— Да легко. А вот они без меня никак, так и липнут.

Аня на этот ответ хихикает, снова прижимаясь к боку и обнимая.

— Пап они были такие страшные, — неожиданно делится пережитым Аня, замирая под рукой Славы. — От них пахло злостью и солью, неприятной, горькой.

Это тихое признание колет острой, холодной иглой за грудиной, и Слава спешит

погладить Аню по спине: тихо, медленно и нежно. Успокаивающе. Как делал это, когда она была совсем маленькой.

— А потом они сделали больно дяде Демиду... Но я знала, что ты придёшь к нам, пап.

Погасшие было радужки Ани снова вспыхивают жёлтым и Слава приобнимает её, стараясь не думать, что именно из-за этой несдержанности их и затравили.

— И я пришёл, маленькая. Всё теперь хорошо.

«Не из-за этого, а из-за луны. В полнолуние даже Демиду сдерживаться тяжелее, чего уж говорить про Аню».

Слава старается не обращать внимания на прикосновения к плечу и смешивающееся с болью жжение. Пока он разговаривает с Аней, Демид продолжает колдовать над раной, промывая и обрабатывая глубокий порез. Про оставленный Таутай-лак и уже подживший след он не спрашивает, лишь задумчиво проводит по нему кончиками пальцев.

— У тебя получается всё лучше и лучше, — благодарит Слава, когда рану закрывает широкая полоска пластыря.

— С тобой впору медицинское образование получать, — ворчит Демид, собирая в аптечку то, что не пригодилось, и у Славы в голове щёлкает.

— Твою мать! — всё-таки ругается он, подскакивая на месте, так что от неожиданности Аня под боком издаёт громкий писк. — Прости, маленькая, всё хорошо. Демид, позови Руслана или Сабину, да хоть Машу! Кого поймаешь, в общем. Срочно!

Сейчас Слава рад, что Демид не отливается многословностью и любопытством. Вместе с тем чтобы, как он сам, задать кучу вопросов, тот, бросив на него красноречивый взгляд, просто кивает и отходит.

Слава не успевает даже решить одевать ли ему обратно испачканную толстовку, когда рядом уже появляется Руслан.

— Если я скажу адрес, сможешь послать туда кого-то проверенного? — быстро начинает Слава, окончательно забывая про толстовку. — Дом Германа. Думаю, именно туда он сейчас и едет.

— Сомневаюсь, что он полезет туда, где его будут искать. Он же прекрасно знает, что ты знаешь адрес, а значит там теперь небезопасно.

— Даже если так. Руслан там Богдан. С ним Леонид остался и это самое противное, не если успеть... Может у тебя рядом кто есть?

— Ты так переживаешь за мальчишку? Успел подружиться?

Руслан усмехается, мягко поддевая, но Славе сейчас не до шуток. Внутри снова разрастается беспокойство, только теперь оно направленно не на Демиду и Аню. Они в безопасности, а вот Богдан...

«Он ведь не сделает ничего плохого своему сыну?..»

В памяти воскресает предыдущая охота и слова, сказанные двумя разными людьми.

«Дождёмся полнолуния» — обещание Германа.

«Он пойдёт на смерть всех и даже собственного сына не пожале...»

В ушах Славы звучит отголосок выстрела, оборвавший фразу Сидра, и приходит понимание, что Герман может и не выполнять обещания. Зачем ему ждать почти целый месяц?

«Это его сын» — напоминает себе Слава и вспоминает о случившемся с Сабиной. Её мать не остановил факт родства.

«Ты мой сын» — вспыхивает ещё один кадр-воспоминание и Славу передёргивает. Он

понятия не имеет, сказал ли Герман правду или решил с ним сыграть в какую-то игру.

«Потом. Об этом можно подумать и потом, Слав. Успокойся».

— Его укусили, Руслан. Бета. Ты знаешь...

Слава не договаривает, потому что лицо Руслана мгновенно меняется и лёгкая насмешка уступает место застывшей равнодушной маске, за которой прячутся все до единой эмоции. Лишь по поджатым губам и сверкающим сталью серым глазам можно понять разгоревшееся внутри пламя. Он тоже помнит, чем закончился укус беты для его семьи.

— Говори адрес.

Утро полностью вступает в свои права, когда Рита уезжает, подбросив их до машины Демида и бросив напоследок задумчивое: «Так вот почему ты специализируешься на оборотнях».

Теперь Славу по возвращении на работу ждёт допрос, но сейчас он просто отмахивается от этой мысли, полностью сосредотачиваясь на заснувшей на руках Ане.

Переложить её в автокресло не составляет никакого труда, а вот уйти самому оказывается гораздо сложнее. Не просыпаясь, Аня тянется следом, цепляясь пальчиками за футболку. Спасает только наскоро отряхнутый от грязи и пыли потрепанный волчок, которого она благосклонно обнимает, наконец-то отпуская Славу.

Стоит только выпрямиться, как налетает холодный ветер, стремясь, кажется, забраться под самую кожу и поселиться дрожью в крови. Вот только сильно промёрзнуть Слава не успевает. На плечи, тут же окутывая теплом, опускается куртка.

— Надевай, — требует Деמיד в привычно грубоватой манере и отступает. — И застёгивайся.

Слава жмурится, на автомате одеваясь и застёгиваясь до самого горла, прежде чем осознать происходящее и обернуться. Возмущение застревает в горле, когда Деמיד пожимает плечами, отвечая на незаданный вопрос:

— У меня сумка в багажнике.

Слава не переспрашивает, просто преследует Демида пока тот не достаёт из чёрной спортивной сумки тёплый серо-стальной свитер и наконец-то не одевается.

Простреленное колесо попадает на глаза чуть позже, следом за маленьким круглым отверстием с паутиной трещин на заднем стекле, и пробежавший по позвоночнику холодок уже не имеет ничего общего с окружающей их поздней осенью.

Слава не знает, как Деמיד получил первое пулевое, с которым ему пришлось уходить от охотников, может быть именно после аварии.

«Не думай об этом» — жёстко обрывает себя Слава, прежде чем воображение подкинет красочные картинки этой погони.

— Слав, всё хорошо.

Слава кивает, пряча руки в карманы куртки, так чтобы не было заметно, как они дрожат.

— Так как ты оказался здесь? — в свою очередь спрашивает Деמיד, не отрываясь от замены колеса. Пока Слава отвлёкся, он успел не только достать запаску, но и открутить болты.

— Тот же вопрос, — уходит он от ответа.

— Твоей матери не было дома, никто из вас не отвечал. Мы сутки пробыли в гостинице, а потом уехали. Так и думал, что ты во что-то вляпался.

— Эй! — возмущается Слава, скрещивая руки на груди. — Я не вляпывался, так получилось!

— У тебя вечно всё само.

— А мама в больнице была, — словно не слыша чужого ворчания, продолжает Слава уже более спокойно. — Небольшая авария. Если верить Рите, то уже всё в порядке, но телефона она лишилась, поэтому ты не смог дозвониться.

— А твой? — отвлекается от колеса Демид и Слава пожимает плечами, признаваясь:

— А мой дома.

— И мы возвращаемся...

— Я не вляпывался, а просто влез. Рабочий момент...

— Но ты не на работе. Я слышал, как ты разговаривал со своими коллегами.

Слава поджимает губы и отворачивается, не желая говорить, но потом, спустя несколько минут напряжённой, разбавленной только шумом леса в стороне тишины, всё-таки сдаётся:

— У меня отпуск за свой счёт. Никто бы не дал добро на внедрение или командировку. Не нашему отделу.

— И ты сунул голову в петлю за свой счёт, — припечатывает Демид, снимая машину с домкрата.

— У меня была поддержка, ты сам видел.

Демид хмыкает, выражая своё отношение к этой самой поддержке, и что-то внутри Славы лопаётся от перенапряжения.

— Если бы я не влез во всё это, — очень тихо начинает он, разворачиваясь к закрывшему багажник Демиду. — То твоя волчья задница была бы нашпигована отравой, а я бы так и не узнал, что с вами случилось. Ты не подумал об этом?

Слава наступает, недовольно вглядываясь в хмурое лицо. Сведённые на переносице брови и поджатые губы только добавляют раздражения. Славу начинает потряхивать, будто он снова на улице в одной футболке, а ветер голодно облизывает кожу.

— Я прихожу домой, пытаюсь вам дозвониться, ищу вас, когда начинаю подозревать, что что-то случилось, но не нахожу. Ты понимаешь, каково бы мне было? Вы бы просто пропали, исчезли, будто растворившись в воздухе.

— Ты оставил телефон дома, — напоминает Демид и приходит черед Славы поджимать губы. Только вот отступить или стыдиться он не собирается.

— Перед тем как уехать я звонил тебе, чтобы узнать добрались ли вы, но телефон был недоступен. Так что не смей обвинять меня в оставленном дома телефоне, слышишь? Ты не ответил и не перезвонил потом. Так что не надо наезжать на меня.

Слава дышит шумно, заполошно, будто только что пробежал стометровку. Они стоят нос к носу, и он не собирается отступить.

— Не дозвонившись до меня, ты мог позвонить Сабине или Руслану. Ты прекрасно знаешь их номера. Но ты не позвонил. Я знаю это, потому что они бы мне сказали. Если твой телефон сломался, то ты мог позвонить с другого, а не обвинять меня в том, что я оставил свой дома!

Слава выдыхается так же внезапно, как и заводится. Просто кончается запал, оставляя после себя внутри звенящую пустоту.

— Ладно, забей. Поехали, — он отворачивается, не желая больше смотреть в напряжённое лицо.

— Слав, — тихо зовёт Демид из-за спины, но Слава даже не поворачивает головы.

— Ты сможешь вести? Я не помню, куда права сунул, так что, пока не найду, за руль мне нельзя.

— Слав, — снова зовёт Демид, когда Слава уже оказывается рядом с пассажирской дверью. — Посмотри на меня.

— Зачем?

Слава всё-таки оборачивается, внезапно снова оказываясь нос к носу с Демидом. Тот подошёл так тихо, что он даже не заметил этого.

— Чего тебе?

— Прости.

Совсем недавно Слава бы съязвил на эту тему. Слишком уж редко Демид признаёт свои ошибки и уж тем более извиняется, но сейчас... У Славы просто нет на это сил. Поэтому он лишь пожимает плечами, а потом, внезапно уткнувшись лбом в грудь, признаётся:

— Я так испугался, Демид. Ты не представляешь, как мне было страшно, когда я увидел вашу фотографию и понял, что эта охота ведётся на вас.

Слава шумно втягивает носом воздух, когда на затылок ложится крепкая, горячая ладонь и пальцы успокаивающе зарываются в волосы.

— Прости, — повторяет Демид очень тихо, и Слава чувствует, как обжигают глаза непрошенные слёзы.

Он так чертовски испугался тогда.

* * *

— У тебя есть планы на ближайшие дни? — внезапно интересуется Слава, поворачиваясь к Демиду, когда они выезжают на главную дорогу. — Так как, никакие проекты не ждут твоего возвращения из отпуска?

Он не торопит, просто вновь повисшее в машине молчание напряжением оседает на плечи.

— Что ты задумал? — наконец-то отзывается Демид, бросив на него быстрый взгляд и тут же вернув всё внимание дороге.

— Ничего. Абсолютно ничего. Ты слишком плохо обо мне думаешь.

Слава строит оскорбленную невинность, прекрасно зная, что это не сработает. Не с Демидом.

— А всё же?

— Хочу съездить к матери. Если у тебя планы, то подбрось до ближайшего вокзала, дальше мы сами. Или я поеду один, если ты заберёшь Аню домой. Так даже лучше будет, я думаю...

Последнее Слава произносит уже совсем тихо.

— Так что? — торопит он, так и не дождавшись ответа. Однако Демид снова ничего и не говорит, лишь разворачивается на ближайшем возможном для этого участке дороги, меняя направление и тем самым отвечая.

— Спасибо.

Слава прижимается затылком к подголовнику, прикрывая глаза и тихо выдыхая.

Плечо под пластырем неприятно пульсирует, а мысли в голове разбегаются, не давая ухватить себя за эфемерный хвост.

Сидр, Богдан, Герман...

Произошедшие события тянутся друг за другом, словно нанизанные на нитку бусины.

«Ты мой сын».

Слава зажмуривается до боли.

«Я будто ведомый за верёвку осёл. Провели от и до, чтобы я оказался нос к носу

с Демидом. Чтобы я убил их...»

Злость тугой спиралью скручивается внутри и руки сами собой сжимаются в кулаки. От того чтобы пустить их в ход Славу удерживает лишь понимание, что до Германа не дотянуться.

«Приглашение в команду, совместная охота... Одна большая чёртова ловушка, в которую я с удовольствием шагнул!» — Слава прикусывает губу, торопливо перебирая в памяти бусины-события и добирается до того самого дня, когда Фёдор Игнатьевич позвал его к себе в кабинет чтобы показать папку. Те чёртовых несколько листов досье. Наживка, которую он с радостью заглотил.

Мат, который Слава за последние годы научил себя сдерживать, так и рвётся с языка, но застревает в горле, когда сжатый кулак накрывает и чуть сжимает горячая ладонь. От этого простого действия сжатая внутри пружина ослабевает, позволяя немного расслабиться и разжать кулаки.

— Он сказал, что он мой отец, — спустя некоторое время наконец-то шепчет Слава.

— И ты ему веришь? — спокойно уточняет Демид вместо того чтобы переспросить, давая тем самым понять, что в лесу он слышал слова Германа.

— Не знаю. Я о своём отце вообще ничего не знаю. Даже имени, — Слава невесело усмешается, рассматривая потолок над головой. — В детстве я спрашивал у матери. Пытался узнать хоть что-то, но единственное чего от неё добился, что он мудака. Помню, я на неё тогда очень обиделся, а потом увидел, как она плачет. Больше мы с ней о нём не говорили.

— И ты хочешь поговорить о нём сейчас, — Демид не спрашивает, просто констатирует факт.

Ответа не требуется, и Слава молчит, рассматривая спокойный сосредоточенный профиль. Поговорить с матерью ему так или иначе придётся, как и добраться до Германа.

— Да, — всё-таки отзывается Слава, нарушая установившуюся в салоне тишину. — Пожалуй, пришло время для этого разговора.

* * *

Первый телефонный звонок застаёт их за обедом в придорожной забегаловке, где Аня с аппетитом вгрызается в куриную ножку. Выходя наружу, Слава мысленно прощается с неплохой на вид котлетой, на которую положила глаз дочь, и посмеивается. Вот только улыбка исчезает, стоит только принять вызов.

— *Тут пусто, Слав,* — сообщает Сабина. — *Соседи сказали, что они уехали пару часов назад.*

«Не успели...»

Слава раздосадовано прикусывает губу, не позволяя себе думать о том, что иначе и быть не могло. Не позволяя себе отчаиваться.

«Куда они могут поехать?»

Какая-то мысль зудит в голове, будто маленькая рыбёшка, плавающая где-то совсем рядом, но никак не даваясь в руки.

— *Слав?*

— Подожди секунду, — просит он, сдавливая пальцами переносицу и пытаясь игнорировать окружающий шум.

«Ну же, думай. Вспоминай!»

Из кафе наружу вываливается компания, и Слава спешит отступить, едва не прижимаясь спиной к большому окну.

— Поторопитесь, вдруг без нас уедут? — обеспокоенно требует какая-то девчонка, и Слава оборачивается, отслеживая её взгляд до белого микроавтобуса.

— Не уедет, куда ж он без нас? — отзывается парень, закидывая ей руку на плечи и утягивая дальше. — Всё проплачено.

— Нам сказали, что стоянка двадцать минут и время почти истекло! — заявляет девчонка и, вынырнув из-под руки, припускает к микроавтобусу.

— Лучше бы на машине поехали... — ворчит третий.

— Так и спросил бы у отца. Доехали бы нормально. Ты же говорил, что она всё равно вечно в гараже стоит.

Слава рассеянно наблюдает за тем, как парни припускают к пискнувшему сигналом микроавтобусу. Что-то в подслушанном разговоре цепляет его, а потом в голове словно щёлкает.

«Гараж!»

— Сабин, ты ещё там?

— *Думала, ты обо мне уже забыл,* — подначивает Сабина по ту сторону трубки. — *Что-то придумал?*

— Скорее вспомнил. Богдан говорил, что у них есть гараж.

— *Ты серьёзно? Слав, они давно свалили из города. Зачем им тут оставаться?*

— Сабин, ну пожалуйста? Пожалуйста, а? — Слава подпускает в голос больше просительных ноток. Сейчас он готов перед ней стелиться.

Из-за Германа, которого можно было попробовать там прижать, из-за Богдана, который остался с ними. Укушенный против двух охотников.

«Он не тронет собственного сына» — успокаивает себя Слава, но рука невольно тянется к прорехе на плече и пластырю под ней.

«Ты мой сын» — снова звучат в голове слова Германа.

«Не тронет же?..»

Внезапный порыв ветра бросает в лицо пригоршню пыли заставляя зажмуриться и растереть глаза.

— *Слав, ты там?*

— А? Да, прости, задумался. Ты что-то говорила?

— *Где мы найдём этот твой гараж? Это же, как иголку в стоге сена искать.*

— Богдан говорил, что гаражи в их районе остались только в одном месте. Так что посмотри по карте. Не думаю, что они сильно далеко от дома.

— *Тебя ждать? Где вы вообще?*

— У меня тут кое-какие дела. Потом я рвану к вам. Обещаю. Но сначала мне нужно закончить здесь.

— *Ловлю на слове,* — смеётся Сабина прежде чем, не прощаясь, отключиться.

Стоит только засунуть мобильник в карман, как из дверей выбегает Аня и несётся к нему на всех парах. Слава едва успевает её перехватить: подхватывая на руки и поднимая, отчего схваченная за лапу игрушка, описав дугу, едва не прилетает ему по голове.

— Я, конечно, уже распрощался с котлетой, но наивно полагал, что хоть что-то успею в себя закинуть, — ворчит он, отстраняясь от довольного сопения в ухо. Аня подобно

обезьянке обвила его руками и ногами, и слезать, похоже, даже не думает.

— Поехали, поехали к бабушке, — начинает ныть Аня, вызывая тяжёлый вздох и понимание, что обратно в кафе он не вернётся.

— Вот поэтому мы там и не остались. Но я взял тебе перекусить.

Взгляд Славы тут же прикипает к простому белому пластиковому пакету в руке Демида и улыбка сама собой забирается на губы.

— Ты ведь знаешь, что я тебя обожаю, да?

Желудок согласно урчит, требуя поскорее его наполнить, и Демид усмехается.

— Поехали. Поешь в машине.

* * *

Второй звонок застаёт их на дороге меж каких-то полей и рощиц. Где-то вдалеке маячит тёмной громадой ещё один лес и ярко сияющее на чистом небе солнце делает его ещё мрачнее.

Короткий разговор с Ритой приносит удовлетворение. Они добрались и охотников взяли в оборот.

...— Я посмотрела, им можно предъявить обвинения по паре статей. А если подумать, можно повесить ещё одну. Они здесь надолго, Слав, — рапортует Рита, а потом уже тише добавляет: — Но ты возвращайся, это твоя заслуга.

— У меня ещё не кончился отпуск. Мы же об этом говорили, — напоминает Слава, сыто растекаясь по сидению.

— Мне посматривать на карту? — деловито уточняет Рита и по голосу Слава понимает, что она уже собралась и готова к работе.

— Я скажу, если нужна будет помощь.

— Да уж, будь другом, — ворчит Рита и, прежде чем отключиться, добавляет гораздо мягче: — Береги себя...

— Пап, пап! — доносится с заднего сидения. — Дай поиграть?

— У меня нет здесь игр, Ань.

— Скачай? — тут же находится та и тянет, будто это как-то поможет: — Пожааалуйста?

— Тут не ловит интернет. Давай до ближайшего города?

— Сколько раз я тебе говорил, Ань? Не сверрркай глазами!

Демид подпускает в голос звериные нотки, но даже не оборачивается, лишь бросает короткий взгляд в зеркало заднего вида.

— Мне скуучно, — тянет Аня, а когда Слава заглядывает между сидений, радужки у неё всё ещё мерцают жёлтым.

— Полчаса до города, Аня. Терпи, — требует Демид всё так же продолжая смотреть исключительно на дорогу. — И я вижу, что глаза у тебя всё ещё жёлтые.

* * *

Третий звонок застаёт их в том самом ближайшем городе, когда Слава едва успевает скачать парочку простеньких игр.

— Мы нашли гараж, Слав. Их тут нет.

— Приехали? — хрипло спрашивает Слава, растирая ладонями лицо.

Под конец пути он умудрился задремать и сейчас осматривается в попытке понять, где именно они находятся, однако вокруг машины лишь разбавленная далёким фонарём темнота и похожие друг на друга, будто братья близнецы, глухие заборы с заплатками-калитками и воротами для машин.

— Что? — тихо, так чтобы не разбудить спящую на заднем сидении Аню, спрашивает Слава, ловя взгляд Демида.

— Будем будить? Почти полночь.

— Предлагаешь переночевать в машине? — поддевает Слава, прежде чем выбраться наружу и поёжиться.

На полпути, когда на улице разогрело, он сменил куртку на найденную в сумке Демида толстовку и сейчас немного жалеет об этом. После тёплого салона авто ночной воздух улицы ощутимо дышит прохладой прогоняя остаток сонливости и бодря.

— Слав, — зовёт выбравшийся следом Деמיד, когда на первый звонок никто не выходит. — Мы можем проехать в город и переночевать в гостинице или хостеле.

— Предварительная регистрация, Деמיד, — бурчит Слава, вновь нажимая на кнопку прибитого к забору у ворот звонка. — Будто ты не знаешь.

— Не везде она есть.

— Да ты искать задолбаешься.

Слава снова жмёт на кнопку, а потом оборачивается, скрещивая руки на груди.

— Ты когда вообще последний раз нормально спал? — обвинительно начинает он, подступая ближе. — Два или три дня назад? Ты вообще хоть ненадолго прикрывал глаза в последние сутки?

— Твоя мать идёт, — уходит от ответа Деמיד, вызывая у Славы возмущенный вздох.

Шагов он не слышит, а вот тихий скрип несмазанной калитки, когда та открывается, звучит вполне отчётливо.

— Мам, ну сколько можно? Сколько раз говорить тебе, что надо спрашивать, кто пришёл, прежде чем распахивать дверь?

Слава оборачивается, оглядывая невысокий стройный силуэт в обрамлении льющегося с участка света, и улыбается.

— Привет, мам. Впустишь переночевать поздних гостей?

* * *

Дом, за те полгода, что Слава здесь не был, ничуть не изменился. Всё та же увитая виноградной лозой стена веранды, всё те же чуть разросшиеся кусты и галечная дорожка к двери.

Деמיד проходит мимо, унося спящую Аню в комнату на чердаке и оставляя Славу наедине с матерью.

— Прости что мы так внезапно... Я узнал, что ты была в больнице...

В свете висящего у двери фонаря Слава оглядывает облачённую в мягкую голубоватую

пижаму мать в поисках следов произошедшей аварии, но в глаза бросается лишь усталый взгляд и притаившиеся в уголках губ морщинки.

— Да всё в порядке, — она отмахивается с легкомысленной улыбкой. — Просто небольшая авария. Больше телефон жалко. Вот ему досталось, а я в полном порядке. Идём в дом.

Кухня тоже не поменялась: маленькая и уютная, с мягким уголком и зажатым между окном и плитой небольшим холодильником.

Почему-то внезапно в голову лезет совсем другая кухонька: ещё более маленькая, освещенная лишь светом светильника, с разобранным на запчасти пистолетом на старом столе и запахом оружейной смазки.

Пистолет за поясом будто тяжелеет, напоминая о себе, и о том, что Слава соврал матери.

— Точно всё хорошо? — уточняет он, провожая взглядом прихрамывающую мать. В аварии явно пострадал не только телефон, но напирать и давить, заставляя сказать правду, Слава не хочет.

«Это её право не говорить, — напоминает он себе. — Я и сам всего не рассказываю».

— Точно. Не стоило бросать учёбу ради этого. Но я рада, что ты здесь. Будешь чай? Или может что-нибудь существенного сделать? Голодные?

Она суетится по кухне, будто никто не поднял её с постели совсем недавно. Невысокая, стройная блондинка, с переплетёнными в простенькую косу волосами до плеч, она выглядит гораздо моложе своего возраста.

— Чая будет достаточно.

Совість вредной кошкой скребёт по рёбрам, предлагая оставить разговор до утра.

«Парой часов больше, парой меньше» — нашёптывает она.

— Мы можем поговорить? — всё-таки спрашивает Слава и мать оборачивается, замирая с керамическим заварником в руках.

— О чём? Это не может подождать до утра?

— Ты знала об оборотнях, но никогда не говорила откуда.

Он заходит издалека, не желая задавать тот самый вопрос в лоб. Он слишком хорошо помнит, чем закончился подобный разговор прошлый раз, хоть и прошло уже много лет. То как она плакала потом...

— Просто я наблюдательна и смотрю на мир шире.

Мать отворачивается, пожимая плечами.

— Тут ничего сложного нет, если не вести себя как зашоренная лошадь. Я так понимаю, до утра это не подождёт?

Она медленно разливает заварку по кружкам, затем так же медленно разбавляет её водой из чайника. Судя по тут же поднявшемуся вверх парку, ещё горячего.

— И я так понимаю, поговорить ты хочешь наедине.

— Ты угадала. Ни Демида, ни Аню это не касается.

— Но ты спрашивал об оборотнях.

Кружки оказываются на столе, но, ни он, ни мать за него так и не садятся.

— Я спрашивал о природе твоего знания о них, — не соглашается Слава и, словно ныряя в омут, всё-таки спрашивает: — Кто мой отец, мам?

— Ты снова об этом, — она поджимает губы и закрывается, скреживая руки на груди. — Я думала, мы закрыли эту тему много лет назад.

— Закружили. А сейчас придётся открыть.

Слава не хочет быть жестоким, однако без ответа уходить не собирается. Не в этот раз.

— Я уже сказала тебе тогда и скажу сейчас. Твой отец мудака и я не хочу о нём говорить.

— А придётся, — Слава устало садится за стол, обхватывая горячие бока кружки ладонями. — Мам, просто скажи, как его имя? Хотя бы это.

— Зачем тебе?

«Не равноценно. Ты ждёшь ответа не желая отвечать сам» — нащёптывает совесть, вынуждая Славу обороняться и строить защиту:

«А вдруг Герман просто соврал? Зачем говорить, что я сталкивался с тем, кто сказал, что он мой отец?»

— Пожалуйста? Просто имя.

— Ты Аринович.

— Знаю, — мягкая улыбка сама собой забирается на губы. — Я твой сын, мам. Только твой. Но мне нужно имя того, кто поучаствовал в моём зачатии.

— Герман. Его звали Герман. И, несмотря на симпатичное лицо и харизму, он был той ещё мразью.

«Ты Германович. Ты мой сын».

Рука неосознанно взлетает к плечу, где под толстовкой прячется полоска пластыря, закрывающая рану.

Герман всё-таки не соврал.

* * *

— Расскажи мне про него, — просит Слава, прерывая повисшее в кухне молчание.

— Ты просил только имя, — напоминает мать с кривой усмешкой и Слава осторожно пожимает плечами.

— А теперь прошу рассказать о нём. Всё, что ты знаешь.

Слава смотрит на мать и только поэтому замечает, как меняется её лицо. Как тонкие брови перетекают из состояния хмурости к недоумению, а морщинка между ними разглаживается, уступая трём горизонтальным дорожкам на лбу.

— Что-то случилось.

— Мы с ним пересеклись, — отзывается Слава, понимая, что пришло время для этого маленького признания. — Поэтому мне нужно знать о нём всё.

Вот теперь мать садится. Тяжело опускается на стул напротив и, по тому, как бледнеет её лицо, Слава понимает, мать его боится.

— Я надеялась, что этого никогда не случится, — едва шевеля губами, признаётся она. — В моей комнате на шкафу есть коробочка из-под обуви. Принесёшь?

* * *

Покрытая толстым слоем пыли невысокая картонная коробочка оказывается на удивление увесистой. Прежде чем поставить на стол, её приходится очистить, а уже потом...

— Когда-то давно, — начинает мать, обнимая ладонями, будто в поисках поддержки,

кружку с подостывшим чаем. — Нет, не так... С твоим отцом я познакомилась участь в институте. Кто-то привёл его на квартирник по случаю какого-то праздника. Я уже и не помню, что мы тогда отмечали. Помню только, что он был уверенным в себе, высоким и симпатичным, а ещё на несколько лет старше. Мне польстило тогда, что он обратил внимание именно на меня. И что встречаться тоже предложил потом мне: маленькой, рыжей и тощей девчонке.

Слава слушает, наблюдая за тем, как кривятся в горькой усмешке губы матери и как она качает головой, отворачиваясь к закрытому тонкой занавеской окну.

«Он действительно влюбился? Или чего-то хотел от неё, а потом всё просто вышло из-под контроля?»

— А потом всё так быстро закрутилось... Свадьба, переезд к нему, твоё рождение. Он работал, иногда уезжал в командировки, изредка выезжал на охоту. Ещё реже приводил друзей в дом. Я радовалась, потому что у подруг было совсем не так. Они даже завидовали... Открой коробку, там должны быть фотографии. Правда, немного.

Устало поднявшись, она хромает к шкафчикам, чтобы вернуться с небольшой бутылкой коричневато-янтарной жидкости, в которой Слава угадывает коньяк.

— Не возражаешь? Не хочу больше говорить о нём на трезвую голову. Уж прости.

Под звук открываемой бутылки Слава всё-таки снимает крышку с коробки, чтобы тут же наткнуться на те самые снимки, о которых говорила мать.

— Думаю, он любил тебя. А может своё лишь своё представление о тебе, не знаю.

Слава старается не смотреть, как мать пьёт, разбавив чай в кружке коньяком, но запах алкоголя всё равно щекочет нос.

— Мам, может не стоит?

— Ты и сам захочешь выпить к концу, — обещает она, делая глоток. — Тем более я немного.

Фотографии в пачке слиплись от времени и поддаются просмотру нехотя, будто не желая открывать свои тайны.

На всех них Герман, улыбающийся, довольный. Только глаз эта улыбка редко касается. Даже на свадебном фото взгляд у него кажется расчётливо-холодным. Зато мать, стоящая рядом с ним в белом платье, улыбается: маленькая, худенькая и такая счастливая.

Опустившаяся на кухню тишина разбавляется лишь дыханием и стуком его собственного сердца.

Свадебное фото сменяется фотографией из роддома, а дальше мать словно исчезает, уступая место на снимках Герману и маленькому мальчику.

«Мне» — поправляет он сам себя.

Слава совсем не помнит того времени. В его памяти нет даже размытого образа отца, как и настолько короткой стрижки, что цвет волос едва различим.

— Он говорил, что яркие волосы нужны лишь женщинам, а к мужчине они привлекают излишнее внимание и всегда стриг тебя сам, — нарушает установившуюся тишину мать. — Уже по одному этому я должна была задуматься, но тогда только удивлялась. Подумаешь волосы. Я тоже свой цвет не любила. Дальше — больше...

Слава отлепляет очередную фотографию и с неё на него смотрит хмурый мальчишка лет трёх с разбитым носом и мячом в руках. Довольный Герман стоит рядом и вот теперь его глаза улыбаются.

— У тебя тогда отняли мяч, — постучав ногтем по фотографии, начинает пояснять

мать. — Ты расплакался и прибежал жаловаться, а он сказал, что это твои проблемы. Мяч ты отобрал, как видишь.

Слава сглатывает и, перевернув фотографию, замечает короткую подпись, гласящую: «Первая победа».

— Почему я нигде не улыбаюсь?

Он на всякий случай снова перебирает все фотографии, однако, ни на одной из них нет ни единого намека на улыбку: грустный, сосредоточенный, хмурый. Даже на фото, где он совсем маленький, на лице написано лёгкое равнодушие.

Слава помнит себя гиперактивным и любопытным и все фотографии из детского альбома это подтверждают. Все кроме этих... Будто с матерью он с самого детства вёл себя совершенно иначе. И это различие, эта двойственность вызывают ощущение неправильности, царапает что-то внутри.

— При нём ты никогда не улыбался, — подтверждает увиденное различие мать и поясняет: — Он считал это слабостью.

Слава поджимает губы, собирая рассыпанные по столу фотографии.

— «Мужчина не должен проявлять свои чувства» говорил он, — мать усмехается, делая ещё один глоток из кружки. — Он считал, что мальчик должен научиться терпению и постоять за себя. Поэтому, с самого начала, он запрещал мне подходить к кровати, если ты плакал, запрещал брать на руки «слишком часто» и сам этим не баловал. Запрещал жалеть тебя, если ты падал. Он даже к игрушкам придирался. Ничего кроме машинок, мячей и оружия.

Слава заглядывает в коробку, перебирая копии каких-то медицинских документов, а когда вытаскивает стопку бумаг, замирает. На дне, на россыпи других фотографий покоится пистолет. Совсем маленький, не больше ладони.

— А это твоё, — огорошивает мать, отставляя в сторону кружку.

— Моё?..

— Твоё, — подтверждает она, взглянув на коробку с нечитаемым выражением на лице и отворачиваясь. — Едва тебе исполнилось пять, когда он притащил домой эту гадость. «Мужчина должен постоять за себя» — передразнивает она чужие слова. — И в этот момент я окончательно поняла, что пора уходить. Я подала на развод, испугавшись, что дальше будет только хуже. Испугавшись, что подзатыльники, когда ты выполнял что-то неправильно или, по его мнению, делал не так, перерастут в побои. Я боялась, что «Должен уметь стрелять и разбирать оружие» перерастёт в «должен убивать», потому что с охоты Герман порой возвращался в крови. Потому что охотился он далеко не на уток.

У Славы по спине ползёт липкий холодок.

— Когда ты узнала, что он не обычный охотник?

Маленький пистолет в ладони ощущается странно. Он не привык к таким крошкам, предпочитая чувствовать и вес оружия, и его отдачу. Этот же больше подошёл бы для миниатюрной женской руки.

«Или для руки ребёнка...»

Славе сложно представить пятилетнего себя с оружием в руках, но он не видит причин не верить матери.

— Когда тебе было два. Его приволокли друзья. В крови с распоротой ногой. Я подслушала разговор, потом, гораздо позже, когда ты уже ходил в садик, подсмотрела за их собранием в гараже.

— Почему ты не ушла от него раньше, мам? — тихо спрашивает Слава, и мать, снова плеснув из бутылки в кружку, делает глоток. Вот только теперь он осторожно забирает её из тонких пальцев, не позволяя больше пить. — Хватит тебе на сегодня.

— Почему не ушла? А куда? Твоя бабушка считала, что он поступает правильно. С мальчишками, по её мнению, нельзя нежничать и воспитывать нужно сразу жёстче, чтобы выросли настоящими мужчинами. Тем более что меня он не бил, на тебе следов не оставлял. Да и в полиции у него были друзья. Так что было попросту страшно.

«Друзья в полиции?.. Были или остались?»

— А потом? — всё-таки спрашивает Слава, решая отложить этот вопрос на другое время.

— А потом я подала на развод и сбежала с тобой к подруге. Мне было уже всё равно. Остаться с ним я слишком боялась. Да и он ничего не сделал. Тот его друг.

— Который?

Слава цепляется за эту фразу и мать не подводит. Пожав плечами, она кивает на коробку.

— Если я не выкинула, то там должно быть фото... Компания из четырёх мужчин.

В веере из трёх фотографий действительно обнаруживается одна подходящая под описание. Слава выкладывает её на стол, рассматривая чужие лица и сразу находя Германа, а рядом...

Недоумённо нахмурившись, он вглядывается в смутно знакомое лицо. Молодой круглолицый мужчина улыбается в камеру и глаза его, в отличие от друга, тоже улыбаются.

— Вот этот, — мать стучит ногтем по тому самому лицу, к которому прикипел взгляд Славы. — Как его там... Фадя или Федя... А может Филя. Не помню уже.

— Федя. Фёдор Игнатьевич — поправляет он, всё-таки узнавая мужчину на фотографии.

* * *

В комнату Слава поднимается совершенно опустошённым, уложив мать спать и забросив коробку с вещами из прошлого обратно на шкаф.

Открывая дверь, он никак не рассчитывает столкнуться взглядом с Демидом. Однако тот, успев сменить свитер на серенькую футболку, сидит, замерев на краю кровати, и смотрит так, что Слава понимает — он всё слышал.

— Я в порядке, — твёрдо, но тихо, так чтобы не разбудить свернувшуюся калачиком в своей кровати у стены Аню, заявляет Слава, прикрывая дверь. — Чего не спишь?

— Не спится.

Демид поднимается, и Слава отступает, планируя обойти его по дуге. Контактировать с кем-либо ему сейчас не хочется. От того чтобы тоже глотнуть коньяка удерживает только нелюбовь его стаи к запаху алкоголя и тот факт, что возможно завтра всё-таки придётся сесть за руль. Самому.

— Слав, — зовёт Демид, но Слава даже головы не поворачивает, лишь отзывается хрипло, повторяя:

— Я в порядке.

«Какое, к чёрту, в порядке? Мой отец убил его семью!»

Несмотря на полное опустошение, сердце в груди от этой мысли ускоряется, отбивая по рёбрам нервный ритм, будто в попытке сбежать от открывшейся реальности.

«Он убил родителей Ани. Обеих Ань...»

Не вовремя вспоминается старая подруга, сестра Демида, и от этого делается только хуже. Дышать становится тяжело и Слава открывает рот, чтобы вдохнуть больше воздуха.

— Какое, к чёрту, в порядке? — низко рычит Демид и рык этот цепляет что-то внутри.

Горячая щекотка поднимается вверх, отдавая лёгким покалыванием в переносице и глазах.

— Обычное.

— Иди сюда нахрен, — коротко требует Демид. — Живо!

Стоит лишь развернуться, как Слава влетает в Демида, а крепкие руки обнимают за плечи не позволяя вырваться. Да и сил на это у него уже не остаётся.

Сдвнувшись, словно воздушный шарик, Слава утыкается лбом в плечо и шумно выдыхает.

— Мой отец убил твою семью, — всё-таки шепчет он, выпуская на волю застрявшую внутри занозой мысль. — Он лишил тебя и Аню родных... Млять!

— Тихо. Успокойся.

Слава фыркает, цепляясь за футболку на спине пальцами, будто боясь упасть. Сердце всё ещё продолжает долбить о рёбра, но дышать становится чуточку легче и он втягивает носом воздух, продолжая утыкаться в чужое плечо.

— Всё это внедрение, вся эта беготня за ним одна большая подстава. А я лошок. Тупенький сын убийцы...

На затылок ложится горячая ладонь, и Слава замолкает, замирая под прикосновением.

— Ты умный, смелый и верный, Слав. Ты наша стая, запомни это. Слышишь?

Слава сглатывает вставший в горле ком и кивает зажмуриваясь.

У него есть стая и Слава хочет, чтобы так было и впредь.

— Спи, — требует Демид и радужки его вспыхивают в темноте комнаты рыжими всполохами.

«Ты забыл, что я не оборотень и на меня твои альфа-штучки не действуют».

Улыбка сама собой забирается на губы: кривая и чуть подрагивающая. Слава давит её, прикрывая глаза и старательно выравнивая дыхание.

«Я сплю, — послушно добавляет он, прикусывая губу и всё так же молча. — Честно-честно».

Слава вслушивается в тихое сопение дочери. Аня спит, замотавшись в одеяло и уткнувшись носом в потрёпанную игрушку.

Дыхание рядом тоже выравнивается, и Слава выдыхает, осторожно закидывая руки за голову.

К нему сон так и не идёт, вместо него возвращается тревога, а в голову лезут непрощенные мысли. О матери, Германе, о Сидре и его словах, о Богдане, что оказался его братом, и о...

«А был ли вообще тот охотник, про которого рассказывал Фёдор Игнатьевич или это с самого начала был кусочек сыра для глупой мыши?»

Шумно выдохнув, Слава переворачивается на бок.

Демид спит, обняв одеяло и уткнувшись в его край носом, и на лице его нет ни намёка на привычную хмурость.

— Вы в безопасности, — шепчет Слава, едва шевеля губами. — Спи, я обо всём позабочусь.

Он поднимается, собираясь спуститься вниз, но успевает лишь сесть, когда на запястье сжимаются сильные пальцы.

— Куда?..

Вопрос звучит невнятно, а обернувшись, Слава понимает, что Демид говорит это в полусне, поймав его скорее инстинктивно, чем осознанно.

— Спустишь вниз, перекушу что-нибудь, — всё-таки поясняет он, мягко коснувшись сомкнутых на запястье пальцев ладонью. — Просто спустишь вниз.

Слава не знает, что именно действует: голос или осторожное прикосновение, но хватка ослабевает, а затем и вовсе исчезает, позволяя уйти.

Подхватив с комода у двери связку ключей, Слава сбегает вниз, чтобы добраться до машины. Он точно помнит, что видел сегодня в багажнике сумку с ноутбуком.

— Ну что ж, Сидр, надеюсь, в твоём облаке было хоть что-то полезное.

Верить в то, что тот тоже входил в придуманную Германом схему совсем не хочется.

«Герман не может быть настолько больным, чтобы рисковать своим младшим сыном без всяких гарантий. А их не было».

Вернувшись с ноутбуком и соорудив себе пару бутербродов с чаем, Слава забирается в угол диванчика на кухне.

Именно там и находит его мать рано утром: взерошенного от частого запуска пальцев в волосы, сменившего чай в кружке на кофе и с недоеденным бутербродом на столе.

— Ты хоть немного спал? — со вздохом интересуется мать, проходя на кухню. За окном ещё совсем темно, а часы на плите показывают почти шесть утра.

— Немного, — кривит душой Слава, прежде чем задать встречный вопрос: — А ты?

— Приготовлю завтрак, — уходит она от ответа, и Слава признаёт за ней это право, поддерживая перемену темы.

— Если только тихо. Я не хочу, чтобы мои волки проснулись.

— Я буду осторожна, — обещает мать, отворачиваясь к холодильнику, и Слава кивает, снова погружаясь в полученные с ноутбука Сидра данные.

У Славы складывается ощущение, будто тот уже давно собирал на Германа компромат. То ли для защиты, то ли для шантажа. Он понятия не имеет для чего именно, да это его и не волнует. Сидр всё равно уже не сможет ничем из этого воспользоваться.

Даты, адреса, фотографии, как жертв, так и охотников. Правда качество последних сильно хромает, они сделаны будто бы исподтишка и наспех, однако узнать людей на них вполне реально.

Какие-то даты и имена Слава узнаёт, какие-то нет, но это говорит лишь о том, что жертв могло быть гораздо больше, чем он знает.

Прикусив губу, Слава открывает ещё одну папку и получает список фото-файлов. Вот только на них не люди, а страницы записной книжки с убористым, угловато-резким подчерком. Таким же, каким была сделана подпись на старой фотографии покоящейся в коробке на шкафу. Подчерком Германа.

Даты. Имена. Адреса. Те же самые, что Слава уже выдел в одном из файлов.

Со всем этим Германа вполне можно прижать.

«Только могу ли я теперь доверять хоть кому-нибудь в отделе?..» — задаётся вопросом Слава, когда перед ним оказывается тарелка с яичницей и жареной колбасой.

— Поешь.

Аппетита нет и в помине, он ушёл после одного из фото-файлов, но Слава всё равно берёт в руки вилку.

— Мам, — очень тихо зовёт он спустя некоторое время, прежде чем приложится к новой порции кофе. — Прости, что снова поднимаю эту тему, но... Ты сказала, что после замужества переехала к нему. Может, ты помнишь адрес?

* * *

— Передай Демиду, что я вернусь, как только закончу с делами. Не думаю, что на это потребуется много времени, так что я ненадолго, — одновременно просит и обещает Слава, убирая ноутбук в сумку, но оставляя его на кухонном столе.

— И эти дела как-то связаны с *ним*, да?

Слава замирает в дверях кухни, прекрасно понимая, кого именно мать имеет в виду под этим коротким словом.

Германа.

— Да. С ним.

— И нет никакого шанса, что ты согласишься избегать его?

Она обхватывает себя за плечи, будто прячась от холода, и Славе снова приходится сказать правду.

— Нет.

Он привык, что мать сильная и уверенная, привык видеть её с гордо поднятой головой,

но сейчас перед ним будто совсем другой человек стоит. Маленький, усталый и обеспокоенный. Слава видит это беспокойство в её глазах, в залёгших в уголках губ морщинках и спешит пояснить, рассказывая то, чего не собирался.

— У меня есть брат.

Она вздрагивает, недоверчиво глядя на Славу, но не перебивая.

— Его укусили и Герман это знает. Если я его не найду, то не знаю что он с ним сделает. Просто... Я не могу бросить этого мальчишку. Вероятность того, что он обратится минимальная, но если это всё-таки произойдёт... Я боюсь, Герман его убьёт. Понимаешь?

Слава рассеянно запускает пальцы в волосы, зачёсывая пряди назад, и едва не получает ключами в глаз, совершенно забыв что всё ещё держит их в руках.

— Я пойду. Обещаю вернуться как можно скорее. Люблю тебя.

Чмокнув мать в щёку, Слава вылетает за дверь в сторону навеса, под которым Демид вчера припарковал машину.

На отключение сигнализации требуется всего несколько секунд. Слава уже тянется к двери, прикидывая, сколько часов ему потребуется на дорогу до родного города, когда на плечо ложится рука.

Слава реагирует на чистом инстинкте: перехватывая руку и выворачиваясь, однако его лишь разворачивают обратно и впечатывают в заднюю дверцу машины, так что из лёгких вышибает весь воздух.

— И куда ты собрррался?

Сердце в груди подпрыгивает к горлу заставляя сглотнуть, но даже вывернутая в болевом захвате рука и вжимающее его в машину тело не пугает так, как понимание того кто именно его поймал.

— Демид, я думал, ты ещё спишь.

— Поэтому решил свалить по-английски, да Слав?

Его наконец-то отпускают.

Сжав запястье чуть сильнее, Демид отталкивается, отступая на пару шагов назад и скрещивая руки на груди.

— Я просто не хотел тебя будить. После всего случившегося тебе просто необходимо было отоспаться, — как можно более обиженно ворчит Слава, растирая пострадавшую руку и не глядя в глаза.

Демид скептически приподнимает бровь, вызывая у Славы тяжёлый вздох.

— Хорошо. У меня появилась наводка, так что я хотел съездить и проверить. Подумал, что вариант стоящий, да и других всё равно нет.

— И ты решил сделать это в одиночку.

Слава прячет руки в карманы толстовки, прежде чем пожать плечами и отозваться:

— Ага. Но я уже большой мальчик, Демид. И один вполне могу справиться. Знаешь ли, я уже не ребёнок и даже не вчера академию закончил.

— Я еду с тобой.

Пропустив тираду мимо ушей, заявляет Демид, делая шаг к машине, и Слава отталкивает его, не позволяя добраться до дверцы.

— Нет. Ты должен остаться с Аней, понимаешь? Её нельзя оставлять одну, особенно сейчас, особенно после всего случившегося.

Слава напирает, скрещивая руки на груди.

— Ты остаёшься здесь, а я поеду. Тут недалеко.

Слава кривит душой, но старается об этом не думать. Если верить карте, ехать ему почти сутки и это если без остановок.

— Обещаю вернуться в самые кратчайшие сроки.

«Только туда и обратно» — подначивает сам себя Слава.

— Аня останется с твоей матерью, а я еду с тобой. Ехать одному самоубийство.

— Самоубийство — брать тебя с собой. Одного раза мало было? Хочешь, чтобы ещё разочек меж глаз пистолет посмотрел? Так я могу тебе оформить, если ты, внезапно, забыл это чувство!

— Слав.

Голос Демида смягчается. Он даже руки опускает, переставая закрываться, однако Слава уже не может остановиться. Лишь прячет руки в карманы, скрывая то, как подрагивают пальцы.

— Они охотники и не раз убивали. Стаи Демид. Не одного, а целые стаи. Я не хочу больше видеть тебя в том состоянии. Хватит. Насмотрелся, понимаешь? Мне нужно вытащить Богдана. Если что случится и мне придётся выбирать, его я не спасу, ты понимаешь?

Слава шумно втягивает носом воздух и выдыхает, пытаясь успокоить громко бухающее в груди сердце. Только вот поселившаяся под кожей дрожь никак не хочет уходить, будто выросла в него.

— Если он обратится, — начинает Демид, осторожно подступая ближе. — А только в этом случае его надо будет спасать. Если это случится, то я буду нужен тебе именно там. Понимаешь?

Слава наблюдает за тем, как сокращается между ними расстояние, но не двигается. Сил нет. Он устал. Всплеск адреналина будто высосал из него всё что оставалось.

— Ему нужен будет альфа, но ты даже не оборотень, чтобы что-то ему противопоставить, понимаешь? Поэтому Аня останется здесь. Ей нравится с бабушкой, а твоя мама знает, как с ней обращаться. А я еду с тобой.

— Он может кого-то послать сюда... Он наверняка знает, где живёт мать...

Эта мысль приходит в голову только сейчас, и Слава передёргивает плечами от пробежавшего по спине холодка.

— Да даже если не знает... Федор Игнатьевич наверняка сказал ему моё местоположение. Они же старые друзья... оказывается. Как не помочь другу...

Слава нервно облизывает пересохшие губы и обессилено приваливается к боку машины.

— Демид, я такой дурак...

— Твой начальник?

— Мой начальник. Оказывается, они дружили, когда я был мелким. Видел его лицо на одной из старых фотографий сегодня.

— Тогда вырубай телефон и едем. У твоей матери есть те, кто сможет её на время приютить с Аней? Или лучше сразу позвонить Руслану и забросить их к ним?

— Ты доверяешь охотникам? — не сдержавшись, поддевает Слава.

— Этим да, — коротко и спокойно отзывается Демид, поднимая выроненные Славой ключи. — Они доказали свою лояльность.

Солнце не так уж и высоко поднимается над горизонтом, когда они наконец-то выезжают из дома. Слава даже удивляется, когда матери удаётся дозвониться до подруги так рано, но фраза: «Мы же учителя, мы привыкли» ставит всё на свои места.

«Рано вставать и поздно ложиться. Тетради, бумаги и подготовка к урокам вместо жизни» — морщится он, вспомнив своё детство.

— Ты им доверяешь? — обернувшись назад, в который раз спрашивает Слава у матери, когда Демид останавливает машину и глушит двигатель у одного из заборов.

— Да, — в который же раз повторяет та. — Мы дружим уже несколько лет, Слав. Она хороший человек. Всё будет в порядке.

Слава кивает, однако беспокойство унять всё равно не получается. Оно так и скребётся внутри голодной кошкой.

Даже то, что с этой незнакомой женщиной его мать работает и дружит вот уже несколько лет, не успокаивает. Как и тот факт, что муж той отставной военный, а значит, если что вдруг случится, то сможет защитить.

— Хорошо, — сдаётся он.

— Пап, а ты с нами не пойдёшь?

Аня вклинивается, едва дождавшись окончания разговора. Приподнимается, натягивая ремень безопасности до предела.

— Нет, волчонок, у меня есть дела.

Аня дует на такой ответ, недовольно складывая руки на груди и падая обратно в кресло.

— Но когда вернусь, обещаю, что выполню любое твоё желание.

Во взгляде Ани тут же загорается хитрое предвкушение, и Слава спешит очертить границы:

— В разумных пределах и возможностях, Ань.

— Ну, пааап! — канючит Аня под тихий смех матери Славы, но, видимо что-то поняв по его лицу, меняет тему. — Дядь Демид, а ты? Ты же с нами?

Она снова приподнимается, протягивая ладошки к водительскому креслу, но и с этой стороны получает отказ.

— Я присмотрю за твоим папой, волчонок. А-то вдруг он заработается. Ты же знаешь, какой у нас папа.

У Славы даже обижаться на такое заявление не получается. Слишком уж серьёзное лицо становится у Ани, что улыбка сама собой забирается на губы. А Демид просто сказал правду. За работой Слава теряет счёт времени.

— Хорошо. Только привези папу поскорее, — просит Аня прежде чем обернуться к соседнему креслу. — Баб, а у них ведь нет котиков?

— Нет, котиков, насколько мне известно, у них нет.

Мать Славы нежно поглаживает Аню по голове.

— Не люблю, когда они на меня шипят.

Слава отворачивается, пряча усмешку.

Одного взгляда сквозь ветровое стекло хватает, чтобы понять, что их, похоже, заметили.

Он видит, как открывается калитка и на пороге появляется полноватая женщина в тёплом тёмном вязаном платье и ветровке. Она приветливо улыбается, и мать начинает торопиться, отстёгивая ремни безопасности и, подхватив с колен сумку, выбираясь наружу.

— Берегите себя и возвращайтесь поскорее, — просит она, когда Аня отбегает на пару

шагов, и захлопывает дверь.

— Демид?

Демиду не нужно ничего больше говорить. Он тут же опускает стекло, позволяя свежему, но ещё тёплому воздуху пробраться в салон, и прислушивается. Слава ждёт, наблюдая за тем, как мать подходит к незнакомке и что-то ей говорит.

— Помни про осторожность, Ань. Они ничего не знают, — напутствует Демид и переминающаяся у калитки Аня оборачивается серьёзно кивая. Она услышала.

Впрочем, Слава и не сомневался.

Мать оборачивается, чтобы махнуть на прощание, и, взяв Аню за руку, переступает порог. Та оглядывается до тех пор, пока не закрывается калитка и от этой картины у Славы щемит сердце.

«Мы вернёмся, волчонок. Мы обязательно скоро вернёмся» — обещает он, сжимая пальцы в кулак.

— Ну, что? — срывается с губ Славы стоит только Демиду снова запустить двигатель.

— Мне повезло ветер дул в нашу сторону. По запахам чисто, — отчитывается Демид, сдавая назад и разворачиваясь. — Простые запахи жилого дома. По звуками немного больше, но тоже чисто. На территории играет музыка. Возможно из наушников. Видимо муж вышел на пробежку.

Кивнув, Слава откидывается на спинку кресла и выдыхает.

— Поехали тогда.

Бессонная ночь даёт о себе знать и стоит только прикрыть глаза, как обратно их открывать совершенно не хочется.

— Куда? Дай хотя бы направление.

— Наш родной город. Только давай по пути купим кофе и заедем в ближайший оружейный. Вместе с рюкзаком они свистнули у меня и патроны.

* * *

Вместо того чтобы выключить мобильник Слава отключает локацию и приложение, что помогло его найти в прошлый раз, и преспокойно копается в интернете, пока они выезжают из города.

— Если свернём сейчас и проедем через следующий город насквозь, то я смогу пополнить запасы.

Заблокировав телефон, Слава устало откидывается на спинку кресла и прикрывает глаза.

— И кофе. Большой стакан кофе. Просто огромный.

— Ты ночью вообще не спал? Вбей адрес в навигатор.

Игнорируя вопрос, Слава послушно тянется к навигатору на приборной панели. Только вот соскочить с крючка ему не дают. Демид зовёт, недовольно растягивая гласную:

— Слааав.

— Нет, не спал. Не смог уснуть. Так что мне нужен кофе.

— Тебе нужно поспать.

— Начнём с кофе, а там посмотрим.

«Поверните направо» — советует механический голос и Демид подчиняется, бросив

на Славу хмурый взгляд, но ничуть его этим не впечатлив.

— Слушай, — начинает Слава, когда они въезжают в город и Демиду приходится сбросить скорость. — А у оборотней бывают белые или серебристые глаза? В смысле, я знаю про альф и бет, знаю какие у вас глаза, но...

— Нет. Насколько мне известно, не бывает.

— Серьёзно?

Встрепенувшись, Слава поворачивается всем корпусом, натягивая ремень безопасности до предела и почти не чувствуя его давление.

— Жёлтый и рыжий, Слав. Бета и альфа.

— Хм...

Слава прикусывает губу изнутри, задумчиво глядя в пустоту.

— Ни при каких обстоятельствах?

— Если только другие виды, — Демид пожимает плечами. — Тут я не знаю, но я думал, ты имеешь в виду волков.

Слава вспоминает крупное, покрытое чёрной шерстью поджарое тело с белым пятном на груди, оскаленную пасть и белесые радужки.

«Может ли это быть не волк?..»

— Волков, да, — всё-таки соглашается он, растирая усталые глаза. — Или кого-то из псовых. Внешне очень похож на волка, по крайней мере. Я даже на мгновение с тобой перепутал. Только ты бы точно не стал убивать. Да и размерчик у тебя... побольше.

Бросив на него быстрый нечитаемый взгляд, Демид снова отворачивается, возвращая всё внимание дороге.

Слава ждёт, барабанив пальцами по колену, и когда терпение уже подходит к концу Демид всё-таки отвечает:

— У них, насколько мне известно, примерно то же самое.

— То есть, хочешь сказать, что ни у кого не бывает белых глаз?

— Почему же, — Демид снова сворачивает по требованию навигатора, и, лишь притормозив на светофоре, заканчивает. — Есть. У слепцов и мертвецов. У кого ты видел такие глаза, Слав?

Демид оборачивается, но Слава уходит от пристального взгляда, откидываясь обратно на спинку сидения и выдыхая.

— У охотника, которого, видимо, покусали. Не спрашивай, — просит он, а в голове уже шестерёнками вертятся мысли, перемалывая новую информацию.

— И?..

Сзади сигналият так, что Слава вздрагивает и Демиду приходится тронуться с места.

— Я же говорил, не спрашивай, — морщится Слава. — Он уже мёртв.

«Сидр определённо точно не был слепцом, да и мертвецом...»

Слава смаргивает.

«Нет. Мертвецом он точно не был».

Память подбрасывает картину заключенного в круг соли Сидра: злого и раненого. Отзвук последнего выстрела звучит в ушах и картинка меняется, превращаясь в короткий видеоролик. Вот Сидра отбрасывает назад, и он съезжает по невидимому барьеру вниз. Оседают сломанной куклой.

— Крови не было... — бормочет Слава себе под нос.

Если асфальт был влажным после дождя, и на нём понять что-то было сложно, то

на коже вся кровь была чужой. Слава вспоминает раны, но не помнит, ни единого красного ручейка, хотя те определенно точно должны были кровоточить. Грудь, бок, бедро...

«Я уже давно мёртв, — всплывают в памяти слова Сидра, и по спине ползёт холодок. — Он послал меня на смерть, но одного раза ему не хватило»,

— Слав?

— Подожди немного, — требует Слава, вспоминая разговор с Германом и зарываясь в мобильник.

Поисковик проглатывает запрос: «Оборотни. Румынская мифология» и первой же ссылкой коротко даёт название.

— Демид, — тихо зовёт Слава, пробегая глазами короткую статью по диагонали. — А что ты знаешь о приколичах?

Демид пожимает плечами давая понять, что не знает ответа и Слава скисает, оседая в кресле.

— А должен бы, — ворчит он скорее от досады, чем действительно обвиняя.

Информация в статье слишком общая. Тут и мертвецы, и урождённые, и связь со стригоями. Слава даже не хочет знать, что это за штука такая, поэтому по ссылке не переходит, а лишь просматривает текст дальше.

— И с чего бы? Я тебе не ходячая энциклопедия.

— Ну да, заучкой ты никогда не был, — хмыкает Слава, вспоминая, что когда-то давно рассказывала подруга об успеваемости своего брата.

— Но и двоечником тоже, не передёргивает.

— А о приколичах ты всё-таки должен был бы знать, — поддевает Слава, блокируя телефон. — Интернет говорит, что они ваши «родственники». Из Румынии. Правда, в интернете слишком много мути...

От резкого торможения Славу бросает вперёд, не будь он пристёгнут и наверняка печатался бы лбом в стекло, а так лента ремня безопасности просто до боли вдавливается в грудь, обещая оставить отпечаток. Голосит, сигналиая, чья-то машина и Слава уверен, что слышит отборнейший мат, когда та проносится мимо, хотя точно знает, что это просто его воображение.

— Ты чего, нахрен, творишь?!

— Белые глаза говоришь?..

Слава видит, как неконтролируемо меняется Демид, как загораются рыжими всполохами огня радужки и заостряются черты лица, замирая на грани обращения.

— Демид?.. — зовёт Слава отстёгиваясь. С тихим шорохом втягивается в паз ремень безопасности. — Ты что-то вспомнил?

Шумно выдохнув, Демид закрывает глаза ладонью, а когда снова поднимает взгляд, то от произошедших изменений нет и следа. Он взял себя в руки.

— Пополняем запас патронов и возвращаемся. Пристегнись.

— Ну, нет! Нихрена подобного! Никакого «возвращаемся». И ты сейчас же рассказываешь всё что вспомнил, понял меня? Я спрашиваю, ты меня понял?!

Демид в ответ рычит, показывая зубы, но Славу это несколько не беспокоит. Порычит и успокоится. Он знает, что Демид ему ничего не сделает. Стадию обтирания его тушкой всех поверхностей они прошли ещё в школе, и Демид с тех пор стал гораздо уравновешенней.

— Итак?

Слава скрещивает руки на груди, давая понять, что ждёт, и Демид, обречённо выдохнув, трогается с места, чтобы остановиться у обочины.

— Приколич — это общее название для всех кто может обращаться в волков или собак. Но это не только и не столько оборотни. Ты можешь быть рождённым, укушенным, а так же мёртвым.

Слава вздрагивает, и руки его сами собой опускаются.

— У них различаются цвета глаз. Жёлтый, рыжий, как и у нас: бета и альфа, урождённые или укушенные. Есть ещё варианты, но я уже не помню. Однако у этих вариантов тоже вроде бы жёлтый цвет глаз.

— А белый? — торопит Слава, хотя уверен, что уже знает ответ. Интернет тоже говорил о мертвецах, но про глаза там не было ни слова.

— Мертвецы. Не знаю почему. Может проклятые, может убитые и не отмщённые. Я не помню... — Демид рассеянно зачёсывает пальцами волосы назад, прежде чем продолжить. — Одно знаю точно: укушенный таким мертвецом становится ему подобным. Это не зомби, это не оборотень, но укус не оборачивает, он превращает. Мальчишка не жилец, Слав. Сначала он умрёт от укуса, потом превратится и его убьёт твой отец.

Слава сглатывает, зажмуриваясь, и перед внутренним взором встаёт лицо Богдана.

— Не нужно ехать туда Слав. Пусть он превратится, — просит Демид. — Если твой отец...

— Его зовут Герман, — шипит Слава, зло сверкая глазами. — Он мне не отец!

— Хорошо, — спокойно соглашается Демид. — Если Герман не в курсе, а раз не убил сразу, то так оно и есть, то есть шанс, что парнишка убьёт его после того как переродится. Или они убьют друг друга. В любом случае...

— В любом случае он этого не заслуживает, — Слава облизывает сухие губы, прежде чем продолжить. — Богдан мой брат, Демид. Он мальчишка, родившийся не у того, понимаешь? Как если бы моя мать не смогла меня отвоевать у Германа, понимаешь?! Он не заслужил...

— Он всё равно умрёт, Слав. А если ты будешь рядом, то ты просто тоже пострадаешь. Ты это понимаешь? — начинает злиться Демид. — Об Ане подумал? Не хочешь думать о других, так подумай о дочери. Хочешь, чтобы ей сказали, что ты умер?

Слава бессильно сжимает кулаки, чувствуя, как душит подступающий к горлу ком. Он должен вернуться к дочери, он должен защитить их с матерью. Он должен...

— Млять! — выплевывает Слава, впечатывая кулак в дверное стекло.

От прошившей кисть боли напряжение немного отпускает, а мозги начинают усиленно работать, стараясь найти вариант. Слава не хочет бросать Богдана, чувствуя за мальчишку странную ответственность.

«Это потому что я знаю, что мы братья?..» — задаётся он вопросом, прежде чем спросить уже вслух:

— Есть ли хоть какой-то шанс, что он может стать обычным оборотнем?

— Что ты задумал, Слав? — устало вздыхает Демид, видимо поняв, что заставить отступить не выйдет.

— Ты сказал, что перерождение происходит после смерти. Но что если не дать ему умереть?

— Невозможно! — отрезает Демид.

— Пнуть бы тебя, чёртов пессимист! Да в машине неудобно.

— Он не жилец, Слав. Прими это!

— А если бы он был оборотнем? — не отступает Слава. — На вас тоже действуют укусы мёртвых приколичей или у вас иммунитет? Ты ведь можешь укусить его, пока он жив.

Крохотный огонёк надежды загорается внутри, согревая своим теплом, и Слава шумно выдыхает.

— Я серьёзно, Демид. Мы можем попробовать...

— Он не переживёт укус, Слав. Он слишком слаб.

Слава всё-таки бьёт Демиду: звонко припечатывает раскрытой ладонью по бедру, ненавидя сейчас этот сожалеющий взгляд всей душой.

— Переживёт, не переживет. Демид, твою мать! Ты сам сказал, что он умрёт, так какая разница? Дай ему шанс! Крохотный, но дай! От тебя требуется только сжать зубы на любой его конечности и всё!

— От меня требуется сунуть голову в логово охотников, у которых оружия гораздо больше чем у тебя. Ты для них как ягненок. Я ничего не смогу сделать, если они поймают меня в ловушку. А они знают, как это сделать. Понимаешь?

Радужки Демиды снова разгораются рыжим огнём, но Слава только кривится. Он в стае, го он не оборотень. Он не обязан подчиняться.

— Ну, тогда я пошёл. Сам влезу, сам вытащу, если успею, приведу Богдана к тебе. На блюдечке с голубой каёмочкой, так сказать. Или найду другого альфу. Выпусти меня, — требует Слава, когда дверь не поддаётся.

Демид зло рычит, но Слава не отступает. Он тоже может смотреть зло и даже оскалиться.

— Я сказал, выпусти меня!

— Пристегнись, — резко успокаиваясь, требует Демид. — Один ты в это дерьмо не полезешь.

* * *

Пистолет лежит на расстеленной на ковре газете. Прямо перед ним, так что взгляд оторвать выходит с трудом, а когда получается...

Слава замирает, едва подняв голову. На смену оружию приходит отражение в экране выключенного телевизора, большого чёрного ящика из далёких воспоминаний. Мальчишка в отражении смотрит на Славу широко распахнутыми глазами. Маленький, худенький, лысый.

Рука сама собой взлетает вверх, чтобы коснуться макушки, и отражение делает точно так же. Он проводит ладонью по голове, и колкая щетинка щекочет кожу.

— Приступай, — требует голос и на газету рядом с пистолетом ложится баночка оружейной смазки и пара ленточек холстины. — Ну?

Слава вскидывается, оборачиваясь, успевает выхватить взглядом бежевые обои с цветочным орнаментом и старый диван, однако не человека. Подзатыльник прилетает раньше, отбивая всякую охоту смотреть.

— Я тебе показывал, как это делается. Покажи, что запомнил.

Герман присаживается напротив и Слава внутренне замирает. Вот только тело словно живёт своей собственной жизнью.

Руки тянутся к пистолету, отщёлкнув магазин и неуклюже проверяя отсутствие патрона в стволе, снимают затвор и вынимают пружину.

Знакомый и оточенный несколькими годами процесс разбора и чистки пистолета проходит сейчас гораздо тяжелее. Руки кажутся деревянными и чужими. Будто и не он проталкивает тряпицу, прочищая ствол.

Герман всё смотрит, и улыбка расплывается по его губам: сытая, довольная, будто Слава делает что-то удивительное и правильное.

Сердце в груди трепыхается пойманным мотыльком, не давая успокоиться ни тогда, когда пистолет оказывается обратно собранным, ни тогда, когда встанет на место

заполненный до отказа магазин. Оно срывается в пропасть, когда ушедший куда-то Герман возвращается, ведя за собой...

Звенья металлического ошейника впиваются в тонкую шею, оставляя на коже после себя красные пятна, что тут же сходят на нет.

Слава поднимает взгляд выше, с ужасом узнавая Демида: молодого, частично обращённого, в порванной, местами окровавленной одежде. И на коленях.

— У меня для тебя новое задание, малыш. Ты ведь сделаешь это для отца?

Не папы, именно отца.

Слава сглатывает вставший в горле ком и чувствует, как жжёт глаза от подступающих слёз.

«Не плакать, — требует что-то внутри. — Иначе он снова ударит».

— Убей его, — требует Герман с остро-злой и предвкушающей улыбкой. — Давай. Избавь мир от грязи.

Радужки глаз Демида вспыхивают рыжим огнём, но двинуться он не может. Окровавленные запястья стягивают кожаные ремни, и тёмная краснота под ними не проходит, а наоборот поднимается по коже вверх, будто набираясь силы.

— Избавь мир от падали, — требует Герман жёстче.

Звук снимаемого с предохранителя пистолета заставляет вздрогнуть.

— Или я сам это сделаю, — обещает он, приставляя дуло к затылку Демида.

Слава кричит, когда палец Германа жмёт на спусковой крючок...

Крепкие руки сжимают, утягивая в объятия, и Слава заполошно дышит, втягивая носом знакомый запах земли, солоноватого металла и хвои.

Демид что-то шепчет, но разобрать слова никак не получается. Однако успокаивающий, мягкий тон голоса расслабляет, и дыхание постепенно выравнивается, а голова проясняется, позволяя вспомнить, где он находится. Где он и кто он.

«Я не там, я здесь, в машине на пути к родному городу. Я не там...»

— Слав?

Демид напряжён и сосредоточен, так что уже Славе приходится успокаивать его, осторожно сжимая плечо.

— Я в порядке. Просто кошмар.

Голос хрипит, и Слава сглатывает, замолкая.

Несмотря на большой стакан кофе, которым Слава разжился после оружейного магазина, он всё-таки уснул. И теперь расплачивается, получив порцию кошмара и боль, что, будто стальным обручем, сдавливает голову.

— Спасибо.

Он отстраняется, чувствуя, как вибрирует в кармане мобильник, привлекая внимание и требуя ответа. Слава даже благодарен звонящему, потому что рассказывать о своём сне Демиду не хочется.

«Кошмар и кошмар. Не о чем говорить».

— Слав? — зовёт голос Сабины из динамика, и Слава отзывается, глядя вслед выбравшемуся из машины Демиду.

Прохладный воздух тут же спешит забраться внутрь через оставленную открытой дверцу, а Слава наконец-то оглядывается, понимая, что они остановились на заправке.

— Ты меня слушаешь? — недовольно ворчит Сабина и Слава растирает пальцами глаза.

— Да. Прости. Только проснулся.

— *Я спрашиваю, ты в порядке? Почему ты отключил маячок?*

Слава какое-то время молчит, подбирая слова. Он доверяет и Сабине, и Руслану, однако всё равно не может решить стоит ли сейчас говорить правду. Стоит ли рассказывать о том, что узнал о Фёдоре Игнатьевиче и о том что...

«В семье не без урода. Сабине ли не знать» — одёргивает себя Слава, поджимая губы.

— Узнал тут одну неприятную деталь. Не хочу, чтобы меня отследили.

— *Что за деталь?*

Демид появляется внезапно. Стоит только отвернуться, как он садится рядом, распространяя вокруг себя кофейный аромат, а следом перед носом Славы оказывается картонный стаканчик.

— Мой шеф старый друг Германа, — всё-таки делится Слава, принимая из рук Демиды кофе и одними губами говоря «спасибо».

Спать в ближайшее время он точно не планирует. Не после кошмара.

— *Ты уверен?* — спустя несколько минут молчания уточняет Сабина и Слава фыркает, кивая, прежде чем всё-таки ответить.

— Да уверен. Не знаю, как они общаются сейчас, но раньше дружили.

— Тогда не включай. Но позвони, если понадобится помощь. Или можем подъехать сейчас. У отца дела появились, но мы с Машей можем рвануть. У неё байк всегда на ходу. Только скажи куда и мы двинем.

— Спасибо.

— *Если что-то понадобится...*

— Обязательно.

— *Берегите себя.*

Сабина отключается и Слава с жадностью припадает к горьковато-сладковатому напитку.

— Я взял и перекусить. Время обеда.

Только сейчас Слава замечает притаившийся у самого лобового стекла бумажный пакет.

— Я подумал, что ты не захочешь тратить время на кафе и взял с собой.

Кивнув, Слава снова делает несколько глотков кофе и едва не давится, когда зажатый в руке телефон вновь начинает вибрировать.

Номер не определяется, но Слава всё равно принимает вызов.

— *Здравствуй, Владислав.*

Пальцы сминают тонкий картон так, что крышечка отлетает, а остававшийся в стаканчике кофе выплёскивается, оставляя на джинсах влажные пятна.

— Герман.

Демид напряжённо замирает рядом и это оцепенение на мгновение передаётся и Славе.

— *Узнал. Надо же. Ещё помнишь отца?*

Измятый стаканчик Слава отправляет в пакет с преувеличенной осторожностью и сосредоточенностью, чтобы не сорваться, чтобы не выплюнуть в трубку то, что у него нет отца.

— Чего тебе надо, Герман?

— *Тебя. Знаешь ли,* — он смеётся, вызывая у Славы неожиданный приступ тошноты. — *У меня теперь только один чистый сын. Относительно. Но это же решаемо, правда?*

Сердце подскакивает к глотке от чёртовых намёков.

«Один чистый сын?..»

Недавний кошмар подступает, будто снова разворачиваясь перед ним.

«Давай, избавь мир от грязи...»

Колено сжимает ладонь, и Слава медленно выдыхает, только сейчас понимая, насколько напряжён.

— У тебя есть Богдан.

— *О нет*, — Герман становится серьёзным и Слава сам вцепляется в руку Демида. Хватается будто за якорь, сжимая пальцы до побелевших костяшек. — *Его укусили. Он жив лишь потому, что ты попросил подождать до полнолуния.*

— Укус не заживает, он не обратится.

«Не в оборотня» — поправляет себя, но не говорит вслух Слава.

«У меня ещё есть время. Ещё есть» — сглатывая, повторяет, как мантру он.

— *Откуда ты знаешь?*

— Просто обрабатывал его укус, когда был у тебя в квартире.

— *Его тело борется с этой дрянью, Владислав*, — не соглашается Герман. — *Он либо умрёт, либо обратится. И это произойдёт прежде, чем наступит полнолуние.*

— Чего ты от меня хочешь, Герман?

— *Приезжай. Я совсем рядом.*

От этих слов Славу прошибает холодным потом.

— *Я скину тебе локацию и буду ждать*, — обещает Герман отключаясь.

Сообщение приходит почти мгновенно. Координаты, которые прекрасно ложатся на карту и вызывают в Славе неконтролируемый приступ агрессии.

Демид едва успевает перехватить замахнувшуюся руку, спасая мобильник и лобовое стекло от уничтожения.

— Слав?..

Слава шумно сглатывает, обмякая в кресле и прикрывая глаза.

— Разворачивайся. Герман нашёл себе угол под боком у матери.

— Что ты собираешься делать? — уточняет Демид, когда Слава берётся за телефон. За окном мелькает, оставаясь позади, заправка с мини-кафе.

— Позвонить матери.

— Не будешь звонить Сабине?

Слава ненадолго зависает над экранной клавиатурой, прежде чем покачать головой.

— Нет. Они всё равно не успеют.

— А если подождать?

Слава обжигает Демида взглядом, сжимая телефон почти до хруста.

— Он позвонит снова, — зло бросает он отворачиваясь. — Позвонит и спросит, почему я торможу.

— Ты его боишься.

— Я не боюсь его, я боюсь за Богдана, — Слава знает, почему Демид говорит так, знает, что он слышит в его запахе, поэтому признаётся: — Я чувствую вину перед ним. Если бы я пошёл следом или уговорил остаться в машине, то его бы не укусили.

— У него есть отец, а у тебя комплекс героя, — жёстко обрубает Демид, сворачивая, чтобы объехать город стороной, и приблизившиеся было дома, снова теряются за деревьями.

— Я его старший брат.

— Да хоть отец! Слав, хватит брать на себя лишнюю ответственность и засунь внутреннего рыцаря куда подальше. Ты меня слышишь?

— Да иди ты, — вяло отмахивается Слава и набирает номер матери.

Чем больше гудков проходит, тем сильнее разрастается беспокойство. Звонок сбрасывается, и Слава снова набирает, чтобы продолжать слушать эти чёртовые гудки. Второй, третий...

— Алло? — Звучит в трубке голос Ани, и Слава улыбается, чувствуя, как тут же расслабляется сжавшаяся внутри пружина.

— Волчонок, а где бабушка?

— Папа! — радостно пищит Аня и тут же понижает голос, начиная тихо сдавать бабушку: — Они с тётёй Тамарой на улице рыбку жарят. Вкусно пахнет, пап, так вкусно! Ты приедешь кушать рыбку? Пожалуйста, скажи «да»!

— Прости, волчонок, боюсь, к рыбке не успею, но постараюсь вернуться как можно скорее. Передашь бабушке трубку?

— Ага. Баааб! Папа звонит!!

Слава отдёргивает трубку, потому что крик у Ани выходит настолько громкий, что в ухе начинает звенеть.

— Да? Слав? Что такое? Что-то...

— Мам, послушай меня, пожалуйста, — перебивает мать Слава. Он не хочет её тревожить, но Герман сейчас настолько близко, что оставлять её в неведении слишком опасно. — Герман в городе. Мы возвращаемся, но я хотел попросить тебя не выходить за ворота. Желательно вообще оставаться в доме, так чтобы вас никто посторонний не видел. И попроси свою подругу никому не говорить, что ты гостишь у них.

— В городе?..

— Да. И я не хочу, чтобы с вами что-то случилось. У него свои дела и возможно это

только совпадение, но всё-таки... Будьте осторожны, пожалуйста.

— Я позабочусь об Ане, не переживай Слав, — твёрдо обещает мать и по голосу совершенно непонятно насколько напугали её слова Славы.

— И о себе. О себе ты тоже должна позаботиться.

* * *

Демид протягивает руку ладонью вверх и манит, требуя:

— Дай телефон и поешь, наконец.

— Не могу, — признается Слава, послушно вкладывая в протянутую руку мобильник. — Кусок в горло не лезет.

— А Германа о своём появлении ты собрался извещать урчанием желудка, да? Ешь, — требует Демид и притормаживает, прижимаясь к обочине. — Или я тебя сам покормлю. Выбирай.

— Ем я, ем уже... — ворчит Слава, забирая бумажный пакет и выуживая на свет пластиковую коробку с картошкой фри и тефтельками. — Ты чего делаешь?!

Сообщение с координатами и подписью «Герман» Слава успевает заметить за мгновение до отправки и ничего сделать уже не может.

— Обеспечиваю нам план «Б», на всякий случай. А теперь ешь и попробуй поспать. Или тебя всё-таки покормить?

— Сам справлюсь, — ворчит Слава и, не обнаружив в пакете ни намёка на вилку, подцепляет тефтельку пальцами.

* * *

На полпути к цели Славе на телефон приходит ещё одно сообщение и тоже с координатами. Герман меняет планы похода, словно играясь, и лишь приписывает к новым цифрам лаконичное: «Передумал».

— Да чтоб тебя волки грызли! — зло выплёвывает Слава, меняя координаты в навигаторе, и тут же заглядывает в загруженную на мобильник карту, чтобы не лезть под руку Демиду. — Он серьёзно?

Если первые координаты указывали на обычный дом, то в этот раз карта чётко показывает придорожное кафе. Слава даже успевает глянуть фотографии местности, пока интернет в очередной раз не отваливается.

— Нужно дать Сабине отбой, — ворчит он, однако, вместо того чтобы позвонить, блокирует телефон.

— Что там?

— Скоро подъедем и увидишь.

— Слааав, — тянет Демид и Слава ворчит, встречаясь с ним взглядом.

— Ничего там. Кафе. Просто чёртово придорожное кафе! — сорвавшись на крик, Слава зарывается пальцами в волосы и отворачивается, шумно выдыхая и пытаясь успокоиться. Выходит далеко не сразу, однако тепло от прикосновения Демиды усмиряет вспыхнувший в груди электрический разряд. — Прости. Сорвался... Просто... Он играет. Просто играет, как

кот с мышью, понимаешь? И больше всего бесит то, что он считает, что я никуда не денусь, понимаешь? Будто я пойманная на крючок рыбёшка...

Демид кивает, отворачиваясь обратно к дороге, но не отпуская руку. За что Слава благодарен. Ему сейчас нужен якорь, чтобы зацепиться и не позволить новой вспышке злости застить глаза.

— Не думаю, что это конечный пункт, — шепчет Слава, сжимая в пальцах мобильник. — Там слишком много людей...

— Всё будет хорошо, — обещает Демид. — Я буду рядом.

— О нет, — подавившись воздухом и отдернув руку, будто обжёгшись, шипит Слава. — Даже не думай. Ты останешься в машине и будешь паинькой, понял меня?! Демид?

— Нет. Я иду с тобой.

— Мне вокруг тебя круг из заговорённой соли насыпать что ли, чтобы ты остался здесь? А что? Вариант вполне действенный. Тогда ты точно не полезешь на рожон и не пострадаешь.

Брошенный взгляд обжигает, но тот лишь нервно усмехается. Пусть хоть дырку прожжёт, но если это спасёт Демиду жизнь Слава его в соли даже обвалить готов.

— Включи локацию и что там у тебя ещё было? Скрываться от Германа и твоего начальника, если они заодно, уже бессмысленно, зато Сабина будет знать куда ехать.

— И локацию и приложение. Поставлю на беззвучный, чтобы не привлекать внимание, если будут звонить. Само собой, — соглашается Слава, снова возвращаясь к копанию в телефоне. — Не доезжай до места, припаркуйся где-нибудь в стороне. Дальше я сам дойду.

— Я тебя...

— Пустишь, — обрывает его Слава, заканчивая настройку и блокируя телефон. — Иначе в следующее полнолуние я тебя собачьим кормом накормлю, понял?

— Баран, — ворчит Демид и Слава насмешливо предлагает:

— Тебя боднуть?

* * *

Демид послушно тормозит у обочины, когда до цели оказывается несколько десятков метров, и выключает фары, хотя зажёгшиеся с закатом фонари спрятаться всё равно не позволяют, освещая не только дорогу, но и их.

— Слав!

— Они всё равно его отберут, не хочу, чтобы у них был лишний ствол, — пожимает плечами Слава, пряча пистолет в бардачке. — Ну, я пошёл. Пожелай мне удачи.

Он уже открывает дверь, когда чувствует, как на локте сжимаются пальцы, удерживая на месте и не давая выскользнуть наружу.

— Да?

— Куртку надень.

— Так пробегусь. Не думаю, что успею замёрзнуть, — отмахивает Слава, но с места так и не двигается, потому что его и не думают отпускать. — Демид, не хочу стеснять движение. Здесь не так чтобы холодно. Оставь.

— Береги себя, — просит Демид тихо, наконец-то разжимая пальцы, и Слава выскакивает из машины, бросая напоследок весёлое:

— Будь хорошим мальчиком и подожди меня здесь.

На сверкнувшие рыжим огнём радужки Слава отвечает улыбкой, хотя внутри всё сковывает от смеси страха и напряжения. Он идёт к Герману безоружным. Вот только он знает, что всё равно станет им, так или иначе.

«Я бы на их месте тоже разоружил противника, так какая разница останусь я без пистолета сейчас или чуть позже?»

Сглотнув, Слава ускоряет шаг и, не давая себе подумать и испугаться ещё больше, толкает дверь, переступая порог придорожного кафе.

* * *

Стоит только переступить порог, как Славу окутывает теплом и ароматом еды. В желудке урчит, напоминая, что ел он довольно давно. Однако взгляд Славы устремляется не на еду, а на людей. Машин на стоянке перед кафе не так уж и много, как и народа внутри. Однако вокруг не оказывается ни одного знакомого лица.

Слава ещё раз пробегается взглядом по очереди, заглядывает к сидящим за столиками, но так и не находит ни Германа, ни Леонида и по спине пробегает холодок.

Новых сообщений на мобильнике нет. На мгновение Слава задумывается о том, чтобы набрать номер, с которого пришло последнее сообщение, спросить напрямую в какие игры Герман играет. Однако неприятный холодок поднимается выше, дыша в затылок, и Слава дёргается к выходу с единственным именем в горле: «Демид».

«В машине он лёгкая мишень. Если они видели, как мы приехали, то пристрелить его сейчас не составит труда. Он даже не успеет среагировать!»

Дыхание сбивается, когда Слава вываливается наружу, и застревает в глотке.

Стоит только переступить порог, как он тут же в кого-то влетает: неожиданно и немного болезненно. Вдох всё-таки наполняет лёгкие, но стоит поднять взгляд и извинение застревает в горле с подоспевшим выдохом.

«Герман...»

— Ну, здравствуй, сын. Я рад, что ты меня услышал.

Слава отшатывается, налетая спиной на закрытую дверь. Кто-то тут же толкает её изнутри, так что приходится отступить в сторону, выпуская людей.

«Не смотри, — требует от себя Слава, не позволяя обернуться, не позволяя найти взглядом припаркованную на обочине машину, что сейчас скрыта от них пожелтевшими, но ещё не облетевшими кустами. — Не смотри в ту сторону».

— Ты приехал один?

— А ты хочешь, чтобы за тобой прибыла целая делегация? — усмехается Герман. — Ты забрал почти всех моих людей, знаешь ли.

Слава прячет руки в карманы, едва удерживаясь от того, чтобы не натянуть капюшон.

— Я не сержусь. Они сами виноваты в случившемся. Отвлеклись и поплатились. Бывает. Идём.

Развернувшись, Герман уходит, оставляя Славу стоять у дверей кафе.

«Серьёзно? Ты меня за щенка принимаешь?!»

Злость вновь огнём вспыхивает в груди, однако одного взгляда в ту сторону, где стоит машина Демида хватает, чтобы пламя сбили ледяные щупальца страха.

«Он с ним ничего не сделал, — успокаивает себя Слава, сжимая руки в карманах в кулаки. — Он бы попросту не успел».

— Ты идёшь или тебе нужно ещё более особое приглашение?

Насмешливый голос бьёт кнутом по оголённым нервам и, глухо рыкнув, Слава устремляется к припаркованной на стоянке машине. Той самой, в которой он уже не раз бывал.

— Твой рюкзак сзади, — замечает Герман, когда Слава забирается на переднее пассажирское сидение и захлопывает дверь. — Пристегнись.

Рюкзак действительно оказывается там. Лежит, приткнувшись тёмным пятном у самой двери.

— Итак, — вырвав со стоянки, начинает Герман. — Арина подтвердила мои слова? Или решила глупить и дальше, играя в глухую несознанку?

— Подтвердила, — неохотно отзывается Слава, глядя в окно.

Машина устремляется к городу, оставляя кафе и Демида позади. Слава силится рассмотреть хоть что-то в боковом зеркале заднего вида, однако машина оказывается надёжно спрятана за разросшимися кустами.

— Поумнела, значит. Хорошая девочка.

Звучащее в голосе Германа удовлетворение порождает внутри Славы раздражение, и он сильно сжимает зубы.

«Будь паинькой, — требует от себя Слава, продолжая смотреть в окно на то, как меняется пейзаж по мере приближения к городу. — Не позволяй себя провоцировать».

— Так почему ты один? У тебя всё ещё есть Леонид и Богдан, — закидывает удочку Слава.

— Леонид с Богданом. Ты и сам должен понимать, что оставлять его одного нельзя.

— Потому что ты считаешь, что он обратится?

— Я не считаю, я знаю.

Руль скрипит под пальцами Германа и Слава оборачивается, чтобы посмотреть. Он ожидает найти на чужом лице следы переживания или беспокойства, но находит лишь напряжение, недовольство и капельку злости.

— Вы его хоть врачу показывали или решили, что «и так сойдёт»? У него была высокая температура, когда мы в последний раз виделись.

— Да, — обрубает Герман. — Порция уколов, которые предсказуемо не помогли. Укус оборотня лечится только смертью. Но я обещал тебе дождаться полнолуния. Поэтому он всё ещё жив.

«Тебя несколько не волнует, что он твой сын, тварь?!»

Слава шумно выдыхает, на мгновение прикрывая глаза и заставляя себя успокоиться.

— И ты дождёшься? — спрашивает он уже гораздо спокойней и судорожно подсчитывает, сколько осталось до полнолуния, сколько у них ещё дней в запасе и сбивается от короткого, равнодушного: «Нет».

— Я уже говорил, он либо умрёт, либо обратится и это случится гораздо раньше полнолуния.

«Он умирает, — Слава сглатывает, отворачиваясь обратно к окну. — Умирает, чтобы вернуться перерожденным».

— Куда мы едем?

— Вид там красивый, — уходит от ответа Герман. — Тебе понравится.

— Значит, первые координаты были лишь для отвода глаз? — спрашивает Слава, когда Герман сворачивает, оставляя сияющий огнями город в стороне.

— Скорее чтобы ты задумался, — поправляет его тот с усмешкой. — Ты ведь заметил, что они были довольно близко к дому Арины. Они не могли тебя не задеть.

Поджав губы, Слава не отзывается, упрямо продолжая смотреть на сгустившуюся за пределами освещённой трассы темноту. То тут, то там в ней вспыхивают огоньки: окна жилых домов, заправка, кафе...

— Не дуйся, ты же мужчина.

Насмешливо-холодное требование заставляет Славу обернуться. Только тот не смотрит в ответ, уделяя всё внимание дороге.

— Ты действительно вырос смелым и умным, — продолжает меж тем Герман. — Немного слабым, конечно... Но это издержки воспитания женщиной. Ну да ладно, это поправимо. Думаю, мы без проблем от этого избавимся. А с окружением твоим нужно что-то делать...

Слава стискивает зубы, заставляя себя молчать, однако темнота за окном для него сгущается ещё больше, а потом и вовсе превращается в голодную пустоту. Есть только салон автомобиля и они в нём.

— Хотя Руслан с его дочерью хороши, тут никаких нареканий. Я рад, что ты с ними сошёлся. А вот с псынами ты сглупил. Я, конечно, понимаю, это воспитание твоей матери. Женщины любят всё пушистое и маленькое. Видимо и тебя приучила. Вот ты и завёл щенка. Но, честно, лучше собаку заведи.

«Ты совсем больной?!»

Волна злости поднимается изнутри, обжигая и подсказывая решение.

«Оно единственно верное. Мертвецы не причиняют боли, — подсказывает что-то внутри, царапая острыми коготками горло и подталкивая под локоть. — Ну же».

Слава сжимает кулаки, до боли вгоняя короткие ногти в кожу и заставляя себя успокоиться.

«Мысли трезво, придурок! Он не доберётся до Ани. Вытащишь Богдана, вернёшься, и твоя стая пополнится. А потом вернёшься за Германом. Он должен сесть, а не сдохнуть! Смерть для него слишком лёгкий выход».

— Кстати, как тебе дочь Руслана? Кажется Сабина?

Брошенный на Славу взгляд горит лукавством, вызывая недоумение, которое исчезает, стоит только Герману продолжить.

— Она выросла красавицей. Слышал, вы общаетесь.

— Общаемся, — нехотя соглашается Слава, понимая, что Герман ждёт ответа, а если он и дальше не будет следить нормально за дорогой, то они обязательно куда-нибудь врежутся.

— Так что между вами?

— Мы друзья, друзьями и останемся.

— Присмотрись к ней. Охотникам лучше держаться вместе. Но если вдруг она не в твоём вкусе, то есть и другие достойные охотницы.

— Я не породистый кобель, чтобы устраивать мне вязки, — срывается Слава на злое рычание.

— Ты не оборотень, чтобы говорить о вязках! — на мгновение повышает голос Герман и тут же успокаивается, будто и не было этой вспышки. — Понахватался ты от них знатно... Но ничего, вычистим. Я займусь твоим воспитанием.

Шумно выдохнув и зажмурившись до боли, Слава откидывается на спинку кресла. Злость внутри снова поднимает свою голову, но на этот раз не обжигает, сворачиваясь тлеющим клубком под рёбрами. Будто кобра, ждущая подходящего момента для броска.

— Долго ещё? — выплёвывает Слава не открывая глаз.

— Приехали уже.

Слава распахивает глаза, чтобы тут же натолкнуться взглядом на небольшой дом на деревянном настиле. Его вовсе не было бы видно в темноте не виси над дверью фонарь.

— Люблю, знаешь ли, иногда порыбачить. А теперь отдай мне оружие и выходи, — требует Герман, глуша мотор.

— А у меня нет, — кривит губы в усмешке Слава. — Я решил не пополнять твою коллекцию.

— Ты думаешь, я поверю?

— Так обыщи. Всё равно ничего не найдёшь.

* * *

Только переступив порог дома, Слава понимает, что это скорее лодочный домик со вторым жилым этажом. Первый же полностью отдан под лодочный гараж. Слава успевает осмотреться лишь мельком, когда Герман разворачивает его лицом к стене. Ему только и остаётся, что скрипнуть зубами и стерпеть обыск.

«Ты знал, что так будет» — напоминает он себе, разворачиваясь.

— Люблю этот дом за тишину и отличную звукоизоляцию. Идём.

Хлопнув по плечу, Герман подталкивает его к ведущей наверх лестнице.

Слава не понимает о чём тот, пока не открывается дверь в комнату, и он не переступает порог.

— Да вы ебанулись, — потрясённо выдыхает Слава. — Вы реально больные...

— У него был припадок. Так лучше.

«Кому нахрен лучше?!» — Слава чувствует, как его захлёстывает злость.

Металл наручников приковавших запястье ослабленного болезнью Богдана к изголовью кровати поблёскивает в ярком свете лампы и ещё больше бросается в глаза. Как и бледное, покрытое испариной лицо.

— Герман, ты уверен? — словно продолжая старый разговор, уточняет Леонид, и Слава бросает на него быстрый взгляд.

Тот ничуть не изменился, только под глазами залегли глубокие тени, будто он не высыпается, да волосы чуть отросли, покрывая бритый некогда череп короткой щетинкой. Точно такой же, как и на подбородке, будто Леониду некогда не только спать, но и побриться.

— Я тебе уже говорил и ответ не изменится, — жёстко отзывается Герман, подтверждая, что разговор между ними уже действительно был.

— Пап... — тихо зовёт Богдан и не получает никакого ответа. Герман на него даже не смотрит, будто на кровати и вовсе никого нет.

Вместо него к койке шагает Слава. И только оказавшись в шаге от неё, видит тонкую полоску соли вокруг.

— Вода есть? — интересуется он, перешагивая линию, прежде чем его остановят, и садясь на кровать. Богдан тут же ловит его, сжимая ледяные пальцы на запястье.

— Слав?..

— Всё будет хорошо, — обещает Слава. Разжать чужие пальцы не составляет особого труда. Как и откинуть одеяло. — Я просто посмотрю, хорошо?

«А ещё обработаю» — заканчивает он и оборачивается, чтобы снова потребовать принести воды, но слова так и остаются произнесёнными.

В комнате, кроме них двоих, никого не оказывается и Слава понимает, что даже не заметил, когда они вышли.

— Я сейчас. Подожди немного.

Здесь есть всё, чтобы комфортно жить, даже маленькая плита и небольшой холодильник. Рядом с которым Слава и находит несколько бутылок воды.

Стараясь не шуметь, он обходит комнату, общаривая её не только взглядом, но и руками. Дёргает дверь, что оказывается заперта, заглядывает в каждый угол и проверяет ящики, но не находит ни намека на оружие. Еда, аптечка, мелочёвка и несколько запертых на ключ ящиков стола. Даже столовые приборы отсутствуют.

«Твою мать!»

Выдохнув, Слава возвращается со стаканом воды и аптечкой.

Одного взгляда на бледного Богдана, вновь обессилено откинувшегося на старую подушку, хватает, чтобы понять, увести его отсюда вряд ли удастся.

— Пить будешь? — предлагает Слава, подсовывая Богдану под нос кружку и помогая ему напиться.

— Я ведь обращаюсь, да?..

— Порой это не так плохо как кажется, но нет. Сейчас ты просто умираешь. Лежи смирно.

Здрав подол пропитавшейся потом футболки, Слава осторожно открепляет влажный пластырь, под которым оказывается чуть припухшая и покрасневшая по краям, но чистая рана. Вот только она совсем не заживает, будто время остановилось в тот момент, когда Слава обрабатывал её в прошлый раз.

«Это внутри, а не снаружи... — Слава сглатывает, приклеивая на рану новый, чистый и сухой пластырь. — Демид, ты сейчас мне так нужен... Я не смогу привезти его вовремя».

— Ты займёшь мою комнату? — тихо спрашивает Богдан.

Слава не сразу понимает, о чём тот говорит, а когда понимает...

— И давно ты знаешь?

— Что он меня пристрелит? Как только меня укусили, — Богдан облизывает сухие потрескавшиеся губы. — Я пытался сбежать, когда вы уехали, но ничего не вышло. Я слабак... А слабакам место на кладбище...

Слава щёлкает Богдана по кончику носа, заставляя того вздрогнуть от неожиданности, и ворчит.

— То, что я твой брат, дубина. Никто тебя не пристрелит. Так что?

Он замирает в ожидании, отмечая, как морщится и устало прикрывает глаза Богдан, как отворачивается, будто не желая говорить, но всё-таки отзывается:

— Всегда знал. Отец никогда не скрывал что я второй.

Приходит черёд Славы поджимать губы и отворачиваться.

«Знал, да? Всегда, да?»

— Но ничего мне не сказал, — констатирует Слава и звучит это до странного обижено. — Ладно, хорошо. Ты не знаешь, где твой отец держит тут оружие?

Слава поднимается, снова оглядываясь и прислушиваясь.

За пределами комнаты слышится какой-то шорох, но звукоизоляция тут настолько хорошая, что разобрать что-то не представляется возможным.

— Нет. Знаю только о том, что у них при себе...

— Кстати, — Слава замирает, едва переступив круг из соли. — Протяни ко мне руку. Давай.

— Зачем?..

— Ну?

Богдан подчиняется, приподнявшись и протягивая руку, и та с лёгкостью пересекает барьер, так его и не активировав.

— Прекрасно. Кстати, я так понял, ты готов стать оборотнем, лишь бы выжить? — закидывает он удочку.

— Да, — шёпотом отзывается Богдан, зачёсывая подрагивающими пальцами влажные, грязные волосы назад.

Именно этот момент выбирает Герман, чтобы вернуться.

На лице Леонида настолько крупными буквами написаны недовольство и покорность, что Слава невольно сравнивает того с цепным псом. Вроде бы и опасный, но хозяина будет слушать, как бы не стояли ему поперёк горла отданные тем команды.

— Наигрался в мать Терезу?

— Чего тебе от меня нужно? — устало спрашивает Слава, отмечая появившиеся за поясом пистолеты. Сейчас они их не скрывают, заткнув за ремень спереди.

— Я уже говорил. Ты сам.

— А если серьёзно? Я не собачонка, которую можно водить на поводке. У меня есть своя работа. Так чего тебе нужно, Герман?

— Для начала зови меня отцом.

Слава на это предложение только фыркает.

— Ты должен работать со мной.

— Увольняться с работы не планирую.

— Не переживай на счёт этого. Будешь совмещать. Фёдор всё устроит.

«Федор, да? Ну вы, Фёдор Игнатьевич, и скотина...»

Злость внутри вспыхивает и тут же опадает горячим пеплом.

— Но прежде, ты всё-таки должен очистить свою репутацию. Леонид, приведи его.

Слава будто оказывается в своём недавнем кошмаре. Только вместо беззащитного горла ошейник-удавка впивается в мокрую шкуру, а лапы не связаны, но по полу тянется отчётливый кровавый след.

— Псина всегда следует за своим хозяином. Лишь на это у них мозгов и хватает, если приручить.

Страх скручивает внутренности, одновременно открывая дверь решимости, когда они с Демидом сталкиваются взглядами.

Славе больше не нужно пытаться отсюда выбраться. И уводить Богдана тоже не надо. Они закончат всё здесь.

— И чего ты от меня хочешь?

Во рту пересыхает, но Слава заставляет себя отвернуться от мерцающих рыжим огнём глаз.

— Даю ещё один шанс. Убей его.

— И чем же мне это делать? — насмешничает он, пряча за нахальством поселившуюся за грудиной дрожь. — Голыми руками? Или, может быть, зубами прикажешь, отец?

Последнее слово Слава выплёвывает как особо изощрённое ругательство, однако, судя по растянувшей губы Германа улыбке, тот этого подтекста абсолютно не замечает.

* * *

Реальность дробится на куски, воспринимаясь скорее как пазл нежели цельная картинка. Вот удавка впивается в сильную, покрытую мокрым мехом шею Демида перекрывая кислород. Он скалится, хрипит, но не может противостоять. Вот кровавые отпечатки волчьих лап на полу и смазанный след, не красный, скорее бурый. Опасный. Пули были обработаны. Вот застывший ровно напротив Славы Герман: самоуверенный, довольный, будто ему преподнесли долгожданный подарок.

— Так чем? — повторяет Слава, чувствуя, как заполошно бьётся в груди сердце.

Он отступает на шаг назад, чиркает пяткой по полу, однако опустить взгляд и проверить, удалось ли коснуться солевого круга, не может.

— Герман, не глупи, пристрели его сам.

Леонид натягивает импровизированный поводок, затягивая петлю сильнее и заставляя Демида отступить, подбирая заднюю лапу.

— Или давай я сам.

«Ты у меня отсюда живым не выйдешь» — обещает Слава, позволяя злomu огню растекаться по венам.

Он переводит взгляд с направленного на загрибок Демида ствола пистолета на лицо Леонида и по-звериному усмехается.

«Тебя отсюда только вынесут. Вперёд ногами. Обещаю».

— Ты ведь понимаешь, что тебе лучше больше не предавать нас?

Герман тянется за спину, и Слава напрягается, полностью отдавая ему своё внимание.

«Не предавать? Что ты. Я изначально не с вами».

Слава облизывается, когда Герман протягивает ему пистолет рукоятью вперёд.

— Пообещай оставить Аню в покое, — требует он, встречаясь взглядом с Германом. — Скажи, что не тронешь её.

Герман молчит, а Слава ждёт, не желая прикасаться к пистолету раньше, чем он ответит.

— Пообещай и я его возьму. Аню ты не тронешь.

— Ладно. Убей его и щенка никто не тронет. Никогда. Обещаю.

Рукоять под пальцами кажется обжигающе горячей, словно Слава не пистолет берёт, а угли из костра зачерпывает.

Он отщёлкивает магазин, проверяя наличие патронов, и вопросительно выгибает бровь:

— Серьёзно? Ты предлагаешь его использовать в роли дубинки?

Магазин пуст и на мгновение Славе становится страшно.

— Пуля в стволе, тебе хватит. Я знаю, что ты умеешь метко стрелять.

Вернув магазин на место, Слава оттягивает затвор, проверяя. Пуля действительно оказывается внутри. Одна единственная, которой, по мнению Германа, должно хватить.

«Чёртов параноик!» — костерит Слава.

— Значит одна попытка... Ты слишком хорошего обо мне мнения, — ворчит он.

Глаза Демида больше не горят, позволяя увидеть их настоящий, не окрашенный силой альфы, цвет.

— Демид, — Слава сглатывает, до боли сжимая рукоять пистолета. — Помнишь, о чём мы недавно говорили? Помнишь, о чём мы договорились?

Демид опускает морду, но радужки его глаз снова вспыхивают рыжим огнём.

«Всего один выстрел... Только один».

Слава поднимает пистолет, направляя его на Демида, прямо в гордо поднятую голову.

«Я не промахнусь».

Шумно выдохнув, Слава смотрит сквозь прицел в горящие огнём глаза.

«Он всё прекрасно понимает...»

На секунду смежив веки, Слава стреляет.

* * *

Демид опускает голову за мгновение до выстрела. Прижимает уши к макушке, спасая их от пролетевшей мимо пули, и тут же уходит в сторону, стоит лишь удавке ослабнуть.

Вскрик и второй хлопок звучат одновременно. Выпущенная Славой пуля попадает точно в цель, прошивая удерживающую поводок руку Леонида.

Отбросив бесполезный теперь пистолет, Слава чувствует, как мажет по бедру бок Демида, когда тот проскальзывает мимо, и больше на него не отвлекается.

Поднырнуть под руку Германа выходит за мгновение до нового выстрела. Как и ударить, чтобы тот ушёл в потолок.

— Я уже сказал, что они моя стая! — шипит Слава, не позволяя Герману опустить пистолет.

— Мусор, — выплёвывает тот.

Сильные пальцы сжимаются на незащитной шее, сдавливая гортань.

Герман разворачивает его спиной к Леониду ещё прежде, чем Слава успевает хоть что-то сделать.

— Она тебя испортила так, что только могила исправит!

Понимание что сейчас будет, острой иглой пронзает сознание и Слава отпускает руку, целясь ладонью в лицо. Вот только вырваться из захвата он уже не успевает. Выстрел бьёт по барабанным перепонкам, заставляя сердце сбиться с шага, а в следующий момент шипит Герман, наконец-то отпуская его горло.

До самого Славы боль доходит с опозданием. Ошпаривает бедро, заставляя оступиться.

Инстинкты срабатывают быстрее разума. Слава снова подаётся вперёд, наконец-то выбивая пистолет из ослабленной руки. Только добраться до него сам не успевает.

Новый выстрел звучит совсем рядом, едва вновь не задевая Славу. Он в последний момент успевает отшатнуться в сторону от отлетевшего на пол пистолета.

Леонид снова готовится стрелять, но Слава сокращает расстояние, подныривая под

здоровую руку и сбивая прицел.

— Ты труп, — обещает Слава, встречаясь с Леонидом взглядом.

— Ты первый, — скалится тот не желая уступить.

Неизвестно сколько они продолжают этот танец за пистолет. Металлический ствол то упирается в живот, то снова смотрит в пол. Слава не выпускает чужую руку, даже когда металл давит под рёбра, словно стремясь подцепить их, как крючок рыбу.

Выстрел звучит неожиданно, оглушая и заставляя замереть.

Боли нет, но на руки Славы брызжет горячим и он отшатывается, растерянно наблюдая за тем, как Леонид, согнувшись, оседает на пол, а футболка на животе быстро окрашивается алым.

Вскрик за спиной заставляет отвлечься и обернуться.

Демид нависает, сжимая окровавленные клыки на плече Германа и не давая тому добраться до пистолета всего каких-то пару сантиметров.

Пальцы скользят по рукояти чужого пистолета, и Слава поудобней его перехватывает, делая шаг вперёд.

— Ты проиграл, Герман. Отпусти его Демид.

— Хочешь выстрелить? — уточняет Герман, когда Демид, послушно отступив, отбивает пистолет лапой к окну. — Стреляй. Я же знаю, что ты этого хочешь.

— Пап!

Слава вскидывается, только сейчас вспоминая о Богдане.

Растрёпанный, бледный до синевы, с потрескавшимся сухими губами, в порванной и окровавленной у горловины футболке и с металлическим браслетом на запястье. Ослабленный болезнью мальчишка, который, тем не менее, больше не лежит, прячась от холода под одеялом.

— Слав, не убивай... Пожалуйста. Б...брат.

Богдан сглатывает, ловя глазами взгляд Славы, и в карих радужках зарождаются искры жёлтого огня.

«Получилось?..»

— Я не он, — Слава недовольно поджимает губы. — И смерть это слишком легко. Сначала нужно заплатить по счетам. Да Герман? За всех невинных, кого убил, ты ответишь. Демид, проверь Леонида.

Тёмная тень проскальзывает мимо, ощутимо прихрамывая на заднюю лапу и оставляя после себя кровавые следы.

— В тюрьме я долго не пробуду, так что лучше убей. Ты ведь знаешь...

— Посмотрим.

— Он мёртв, — докладывает Демид и Слава морщится на мгновение чуть сильнее сжимая перепачканные в чужой крови пальцы на рукояти. — Я потороплю Сабину, хорошо?

Не дожидаясь разрешения, Демид ныряет рукой в карман, выуживая оттуда мобильник и отступая.

— Поищи у Леонида ключ, а? Богдана бы отстегнуть...

— А ещё найти одежду...

— Найди ключ, перекидывайся и вали, — обривает Слава продолжая удерживать Германа на мушке. — И Богдана заberi с собой.

— Тебе нужен будет свидетель, — отказывается Богдан, приваливаясь к спинке кровати.

— Прекрасная сыновья любовь, — усмехается Герман, расслабленно прижимаясь

спиной к боку кровати. Будто и не смотрит на него сейчас дуло заряженного пистолета. — Любишь, растишь, а в итоге тебя предадут и хотят убить.

— Взаимно, отец.

Звякает металл, когда Богдан чуть приподнимает прикованную к спинке руку.

— Набери Риту, — просит Слава устав слушать.

Постепенно все полученные травмы дают о себе знать. Ноет плечо, где под старым пластырем ещё не зажил порез, ворчат рёбра, что приняли на себя несколько ударов, но больше всех болит, пульсируя, бедро, хоть пуля и задела его по касательной. Только вот Демиду наверняка ещё хуже и именно понимание этого заставляет стоять ровно.

К уху прижимается мобильник и гудки в динамике обрываются немного сонным голосом Риты.

«Пора заканчивать», — решает Слава, прежде чем попросить, не давая Рите задать кучу ненужных сейчас вопросов:

— Привет. Я понимаю, что уже поздно и ты уже дома, но... Мне нужно чтобы ты связалась с местной полицией. Маячок я включил, так что шли их прямо сюда. Скажи, что тут труп, удержание заложника и постарайся сделать так, чтобы меня не посадили, хорошо?

Слава отстраняется от трубки, не слушая, что скажет ему Рита.

— Я выйду ещё до суда, — обещает Герман и Слава усмехается, отзываясь:

— Посмотрим.

Свободы Германа он не допустит.

Столица встречает их небольшим снегом и лёгким морозцем, так что стоит выйти из машины и ветер тут же пробирается внутрь, игнорируя куртку. Подхватив на руки Аню, Слава ныряет в подъезд, морщась на каждом шаге. Благодаря обезболивающему и отсутствию особой активности он успел немного забыть о раненом бедре, но теперь оно напоминает о себе неприятной болезненной пульсацией.

Спустя несколько недель отсутствия квартира кажется незнакомой и немного чужой. Даже запах меняется.

— А я точно не помешаю? — оглядываясь, тихо спрашивает Богдан, и Слава качает головой.

— Нет. Для начала можешь занять кресло, потом что-нибудь придумаем. Вешай куртку и проходи в комнату.

Шутить про коврик у двери совсем не хочется. После Германа собачьи шутки воспринимаются совсем иначе и вызывают лёгкую тошноту.

— Ань, отпусти, папа снимет куртку.

— Потом, — заявляет та, сильнее обвивая шею руками и утыкаясь носом под линию челюсти.

— А ботинки дашь снять? — снова пробует он.

Демид, да и Богдан, уже прошли в комнату, и только Слава топчется в прихожей.

— Снимай, — бормочет Аня в шею, но даже и не думает расцеплять руки.

— Ты не волчонок, ты обезьянка, ты в курсе? Дай папе раздеться.

— Иди сюда, — требует Демид, появляясь на пороге и подхватывая Аню подмышки. Та пищит, но руки и ноги всё-таки разжимает, позволяя утащить себя в другие объятия. — Никуда твой отец не денется, дай ему переодеться.

— Вот так бы сразу, — вздыхает Слава, наконец-то снимая куртку.

— Помочь?

Демид так и стоит в дверях прихожей, наблюдая за тем, как осторожно Слава расшнуровывает ботинки, стараясь не напрягать больше необходимого ногу.

— Сам справляюсь.

— Если в ближайшую неделю ещё хоть раз возьмёшь в руки что-то тяжёлое, я тебя к дивану привяжу, понял?

Слава едва не прыскает от этой угрозы, прекрасно зная, что Демид её вряд ли выполнит. Однако рана продолжает пульсировать, требуя прислушаться к чужим словам, и Слава лишь кивает, принимая поставленное условие. Да и идти к врачу, если швы разойдутся, ему совсем не хочется.

— Хорошо. Ничего тяжёлого в ближайшую неделю. Возьмёшь на себя Аню? Раз у вас такая идиллия.

Под возмущённое: «Папа!» Слава проскальзывает в комнату, где тут же натывается на любопытный взгляд Богдана.

Почти всю дорогу тот молчал, полностью погрузившись в себя и открывая рот редко и лишь по делу. Неважно ехали ли они в машине или останавливались в номере хостела на ночёвку.

— Значит, я буду спать здесь?

Богдан кивает на кресло, прижимая к груди рюкзак — единственное что он, кажется, взял из старой жизни в новую.

— Оно раскладывается. В душ пойдёшь? Полотенце дать? Я тебе пока место в шкафу освобожу.

Богдан шумно втягивает носом воздух и, решительно кивнув, наконец-то опускает рюкзак в кресло.

* * *

Аня не отлипает от Славы весь вечер. Ходит за ним хвостиком, ревниво поглядывая на Богдана, таскает из тарелки еду во время ужина, хотя уже очень давно так не делала, и уводит Славу в свой уголок, стоит только тарелкам опустеть.

— Мне нужно будет поработать, Ань, — напоминает он, оказываясь в комнате, и она милосердно разрешает взять с собой ноутбук, прежде чем вновь схватить за руку и утянуть дальше, недовольно зыркнув на выглянувшего из кухни Богдана.

— Не ревнуй, волчонок.

Слава успокаивающе поглаживает дочь по макушке, прежде чем опуститься на пушистый коврик и, вытянув больную ногу, прислониться спиной к задней стенке шкафа.

Включив лампу в углу и пододвинув для ноутбука стул, Аня подлезает под локоть, чтобы прижаться к боку.

— Я не ревную. Я его не знаю.

На кухне, закрыв дверь, о чём-то тихо разговаривает с Богданом Демид, Слава не прислушивается, продолжая успокаивающе гладить Аню по макушке.

— Кто он, пап?

Аня тоже всю дорогу старалась молчать. Лишь жалась то к нему, то к Демиду и ни в какую не хотела оставаться рядом с Богданом, так что Славе пришлось пересесть назад.

— Твой дядя. Что? — Слава вопросительно смотрит на заглянувшую ему в лицо дочь и улыбается. — У меня, оказывается, есть брат. И такое бывает.

— Значит дядя — это брат папы?

В ожидании ответа Аня снова прижимается к боку.

— Да. И Богдан твой дядя. А ещё он часть нашей стаи.

— Я чую, — Аня кивает и, будто для наглядности, шумно втягивает носом воздух. — Просто...

— Тебе непривычно и тяжело, — подсказывает Слава. Он понятия не имеет, как бы сам отреагировал, приведи в детстве мать кого-нибудь к ним, в их устоявшийся маленький мирок.

— Да.

— Ему тоже, — заверяет Слава, и Аня снова отстраняется, чтобы заглянуть ему в глаза. — Помнишь, что Демид рассказывал тебе об оборотнях? Что бывают такие как ты и те, кого укусили, — Аня кивает и Слава продолжает: — Так вот, ты родилась со своим внутренним волком, росла вместе с ним, а он обрёл его совсем недавно. У него даже ни одного полнолуния не было. Понимаешь? Его жизнь поменялась буквально за несколько дней.

— Значит его волчонок ещё совсем маленький? — из всех сказанных слов Аня

цепляется именно за эту информацию. — Пап, а можно я покажу ему нашу любимую поляну в следующее полнолуние? Ну, можно же? Пожаалуйста.

— Не уверен, что получится в ближайшее, но в одно из полнолуний обязательно покажешь.

— Хорошо.

Аня немного сползает, укладывая голову Славе на колено, и довольно вздыхает.

* * *

Слава создаёт новую почту и отправляет все полученные от Сидра данные Рите, а потом закапывается в них и сам, выбирая в отдельную папку наиболее важные детали и моменты.

Работать с ноутбуком на стуле не особо удобно, но Аня спит, доверчиво прижавшись к нему и не желая покидать облюбованное местечко. Слава уже пытался переложить её на кровать, однако, стоило ей, захныкав, уцепиться дрожащими пальцами в штанину мягких домашних штанов, как он сдался.

Растерев пальцами усталые глаза, Слава снова утыкается в монитор, архивируя собранную папку и набрасывая письмо с рекомендациями. Голова начинает неприятно гудеть, однако оставлять дело на полпути он не собирается.

Славе хочется закатать Германа по полной. Хотя, со слов Риты, ему и так предъявлено обвинение в нападении на полицейского и незаконное удержание человека. Наручники на Богдане вышли ему боком. А ещё захватить и Фёдора Игнатьевича, но он в папках Сидра даже не упоминается.

— Хватит на сегодня. — Тихо звучит совсем рядом, и кто-то слегка встряхивает его за плечо.

Слава отвлекается, поднимая от ноутбука взгляд, чтобы столкнуться с Демидом.

— Что?..

— Хватит, говорю. Иди спать.

— Сейчас доделаю, — Слава сглатывает сухим горлом, понимая, что очень хочет пить, но всё равно не двигается. — Нужно закончить.

В висках пульсирует в такт с раной и Слава морщится.

— Дай мне ещё минут двадцать-тридцать, я почти закончил.

Он собирается ещё немного покопаться в данных Сидра, в надежде всё-таки найти там хоть что-нибудь на Фёдора Игнатьевича, прежде чем отправить письмо Рите, но у Демида на этот счёт оказываются другие планы.

Аня снова хнычет во сне и цепляется пальцами за штанину, когда Демид, наклонившись, подхватывает её на руки. Ему приходится тихо рыкнуть, чтобы она успокоилась и наконец-то отпустила.

— Десять минут, иначе я поступлю с тобой так же как с ней, — угрожает Демид, перекидывая Аню на кровать и накрывая её одеялом. — Таблетки и вода будут ждать тебя на кухне.

* * *

Славе ничего не остаётся, как отправить Рите то, что уже есть и выбраться на кухню, где ждёт Демид.

— Бутерброд, таблетка, вода, — перечисляет тот хмуро, и Слава послушно берёт нашпигованный колбасой и сыром хлеб.

— Ну, чефо? — возмущается он, прикрывая дверь и садясь напротив.

— Ты мог заняться этим и утром.

— Не мог. Рита должна подготовиться.

— Тем более что ты отстранен, — бьёт по больному Демид и Слава недовольно зыркает. — Таблетка и вода.

— Спасибо, утешил. Я всё ещё потерпевший и свидетель, не забывай. Как и Богдан. Как минимум за нападение и удержание его посадят.

— Вот именно. Поэтому ты должен отдохнуть и поспать.

— А должны за серию убийств, — сплёвывает Слава, в пару глотков допивая воду. — Ты разве не хочешь, чтобы он ответил за смерть твоей семьи?

— Я хочу, чтобы ты не гробил себя. Но ты же никогда не слушаешь.

Скрестив руки на груди, Демид ещё сильнее хмурится, недовольно поджимая губы.

— Хочешь обсудить мои косяки? Мне ведь тоже есть, что тебе предъявить, Демид.

Слава копирует позу и получает в ответ лишь усталый вздох.

— Хорошо. Не сегодня. Идём спать.

— О чём вы говорили с Богданом? — спрашивает Слава, прежде чем Демид успевае́т подняться, но вместо ответа получает расплывчатое:

— Волчьи дела.

— Демид, — ворчит Слава и тот лишь пожимает плечами.

— Слав, мы просто поговорили о том, чего ему стоит ждать и что его тревожит, о том, что он может по любому вопросу подойти ко мне или к тебе. Я рассказал, как примерно пройдёт его первое полнолуние, хотя сам не могу точно сказать. Вся моя семья, да и Аня, все они рождённые...

— Всё будет хорошо. Мы все будем рядом.

— Не уверен, что тебе стоит, — Демид снова хмурится. — Если что-то пойдёт не так...

— Он мой брат, Демид, — Слава мягко толкает под столом чужую ногу. — Я должен быть с ним в его первое полнолуние. С вами всеми. Мы же стая. Да и... — он ехидно улыбается, поддевая. — Я имел дело с оборотнями в нестабильный подростковый период, что мне какое-то первое полнолуние, когда ты будешь рядом?

Демид усмехается, видимо вспоминая прошлое, и Слава засчитывает себе плюси́к. Волк расслабился и перестал хмуриться.

— Идём спать, пока утро не наступило.

* * *

Утро наступает с громкой мелодии рингтона и Слава шарит по полу в поисках телефона, а когда находит, щурится на ярко вспыхнувший экран. Звонок успел сорваться, но имя звонившего остаётся в памяти.

Протерев глаза и оглядевшись, Слава замирает, напряжённо вслушиваясь, и расслабляется, лишь услышав тихие шорохи со стороны кухни. Его стая дома.

Упав обратно на подушку, Слава перезванивает.

— Прости, не успел взять трубку. Какие новости, Рит?

— *Я получила твои письма. Спасибо. Это всё как нельзя кстати. Однако... то, что я сейчас скажу... Тебе это не понравится, Слав.*

Ему не нравится уже тон её голоса и этот усталый вздох в конце. Слава вновь подбирается, садясь на постели и готовясь слушать. В голове мелькают самые разные догадки, но все они крутятся вокруг двух вариантов: Герман либо сбежал, либо его по какой-то причине отпустили или вот-вот отпустят.

— Говори, — торопит Слава и Рита выдыхает:

— *Герман мёртв. Убит в камере.*

Слава смаргивает, пытаясь осмыслить сказанное Ритой, и только спустя минуту уточняет:

— Это точно не инсценировка? Рит, его укусили, а значит регенерация...

— *Невозможно регенерировать отрубленную голову, — жёстко припечатывает Рита. — Сиди и не высовывайся. У нас тут все на ушах стоят. На камерах ничего, дежурного усыпили, по документам никто посторонний не приходил. Слово призрак какой-то вошёл сквозь стену, отрубил голову и растворился в воздухе. Ладно, пойду я обратно в свой улей, а ты просто посиди спокойно хоть несколько дней. Подлечись там. Я слышала от Сабины, что ты ещё и ногой пулю поймал.*

— Всего лишь царапина, — отмахивается Слава.

— *Вот и заращивай царапину. Дома. У тебя ещё отпуск. Сунешься на работу раньше, самолично отилёпаю.*

Рита сбрасывает, не дожидаясь ответа, впрочем, Слава не обижается, думая уже совершенно о другом.

«У кого был мотив, шанс и возможности?»

О том, что это был охотник, Слава как-то не сомневается, иначе бы смерть Германа была совершенно другой. Как минимум менее кровавой.

Слава устало массирует переносицу. Он ещё только проснулся, а голова уже снова начинает гудеть.

— Что с отцом?..

Тихий, похожий на шелест мёртвых листьев голос заставляет вскинуться. Богдан стоит, замерев на входе в комнату, и ещё вчера недоверчиво зыркавшая на него Аня сейчас прижимается, обнимая за пояс и будто поддерживая.

— Мёртв. Убит в камере.

Богдан бледнеет, будто где-то внутри всё ещё надеялся, что сказанные Ритой слова ложь, а ответ Славы убил на это всякую надежду, превратив их в правду.

Демид приобнимает Богдана за плечи и тот утыкается ему в плечо в поисках поддержки, а Аня сильнее жмётся к бедру.

«Волчьи штучки».

Слава не ворчит и не обижается. Они оборотни и для них запахи и прикосновения значат гораздо больше, чем для человека. Это возможность почувствовать поддержку, ту самую, что ему самому недоступна. До тех пор пока он не примет укус. Однако в их стае должен быть хоть кто-то кто может беспрепятственно проходить солевые барьеры, так что человеком он и останется.

— Прости, — срывается с губ, прежде чем Слава успевает прикусить язык.

Он не знает, за что извиняется. За плохую весть? Так ему тоже об этом сказали. За смерть Германа? Так не он его убил. За то что...

Мысли Славы обрываются, когда Богдан в пару шагов оказывается рядом и прижимается, утыкаясь носом в шею. Дышит, щекоча кожу, так будто был оборотнем не несколько суток, а гораздо дольше и уже распробовал эту волчью фишку с запахами.

Следом тянется Аня, подлезая под руку и прижимаясь к боку, и Демид, что осторожно садится с другой стороны, притираясь плечом к плечу Славы и накрывая затылок Богдана ладонью. И всё это дарил ощущение поддержки и защиты, ощущение тепла.

Слава прикрывает глаза и обнимает Богдана за плечи.

— Ты уверен? — в очередной раз переспрашивает Демид, наблюдая за тем, как Слава обувается в прихожей.

В квартире тихо и спокойно. Богдан сам вызвался сходить за покупками, а Аня увязалась за ним, пообещав отвести в свой любимый магазин.

«И выклянчить пакетик сушеных кальмаров» — посмеялся Слава, но ничего не сказал.

— Слав?

— Я неделю над этим думал. Да я уверен.

Слава поднимается, накидывая куртку и застёгиваясь.

— И мы даже это обсудили. На Фёдора Игнатьевича, кроме той фотографии из прошлого, ничего нет, а её к делу не пришьёшь.

— Но ты всё равно думаешь, что он участвовал в делах Германа, а потом убил его, когда понял, что тот превратится.

Устало вздохнув, Слава приваливается к двери спиной.

— Больше некому. Сомневаюсь, что у нас там много знакомых с Германом охотников на высокой должности работает. Фёдор Игнатьевич имеет все карты на руках, чтобы проверить подобное. Но, в любом случае, это лишь мои домыслы и подозрения, как и то, что он работал с Германом и сливал меня.

— Однако ты ему больше не доверяешь.

— Точно. Не хочу работать с тем, кто был связан с Германом. Прости мне мою предвзятость. Я даже не знаю причин, по которым мне предложили перевод в этот едва созданный отдел. Руслан меня порекомендовать не мог, он Фёдора Игнатьевича не знает. Ладно, я пошёл.

Слава выскакивает за дверь, прежде чем Демид скажет хоть что-нибудь ещё и быстро, насколько позволяет нога, сбегает вниз.

* * *

— Ты уверен? — на этот раз спрашивает Рита, а Вася стоит, прислонившись бёдрами к своему столу и прячась за скрещенными на груди руками.

Слава бы с удовольствием нырнул сразу в кабинет Фёдора Игнатьевича, но тот, запершись на ключ, разговаривает с кем-то по телефону, и поступить так не представляется никакой возможности.

— Это ведь не из-за случившегося? — уточняет Вася, и Слава качает головой, улыбаясь как можно более беззаботно:

— Нет. Давно хотел продолжить учиться.

Вася хмурится, будто, как и оборотни, умеет чувствовать ложь. Однако стоит вопросительно вскинуть бровь в его сторону, и он тут же отворачивается, скисая.

— Закончу юридическую магистратуру, пойду работать адвокатом. Может даже стану неофициальным потусторонним консультантом.

Слава подмигивает Рите с усмешкой.

— И вас перетащу к себе, если пойдёте. Будет у нас бюро потусторонних услуг СМВ.

— СМВ? — Вася заинтересованно поднимает голову, и Слава послушно расшифровывает:

— Слава, Маргарита, Василий.

— Тогда уж ВМВ или СРВ, — включается в игру Рита. — Владислав, Маргарита Василий или Слава, Рита, Вася.

— Обсудим, — обещает Слава одновременно со щелчком открывающегося замка и делает шаг в кабинет будущего бывшего начальника. — Фёдор Игнатьевич, разрешите войти.

* * *

— Почему так внезапно? — интересуется Фёдор Игнатьевич, глядя то на лежащее перед ним заявление на увольнение, то на сидящего в кресле для посетителей Славу.

— Решил, что пора подумать о будущем и о дочери. Да и об учёбе я уже подумывал, просто оно как-то всё призрачно было.

— А сейчас? Что изменилось?

— Срок службы. Обязательное время я отработал, дочь чуть не потерял. Не хочу больше.

— Дело всей своей службы раскрыл, — понимающе щурясь, кивает Фёдор Игнатьевич. — Я видел те данные, что ты собрал. Молодец. На хороший такой срок тянет, не отвертятся.

— Один соскочил, — не соглашается Слава. Он не хотел трогать эту тему, однако сейчас, глядя на Фёдора Игнатьевича, удержаться не получается.

— Думаешь смерть это не наказание?

— Думаю смерть это побег от него. Слишком легко, Фёдор Игнатьевич.

«Легко, но в данном случае единственно верно».

Славе тошно от этих мыслей и от того, что узнав о смерти Германа, он ощутил облегчение. Себе-то он в этом признаться может.

— У тебя появилось желание заняться новым делом? — чуть подавшись вперёд и переплетя пальцы в замок, уточняет Фёдор Игнатьевич. — Обратни же по твоей части, Владислав Аринович.

— А убийство обратной по части охотников, — в тон отвечает Слава, сталкиваясь с Фёдором Игнатьевичем взглядом.

«А вы бывший охотник» — не говорит, но вкладывает в этот взгляд Слава и то, как Фёдор Игнатьевич хмурится, позволяет предположить, что недосказанное доходит до адресата.

— У тебя есть какие-то предположения?

— Что вы, Фёдор Игнатьевич, я и на работе-то больше месяца не был. Откуда? — Слава усмехается, наблюдая за тем, как хмуρο сдвигаются к переносице брови. — Так вы подпишете?

— Подпишу. Но если ты вдруг решишь вернуться обратно, то буду рад видеть.

Слава только качает головой, глядя на то, как Фёдор Игнатьевич подписывает заявление. Возвращаться обратно он не собирается.

— Благодарю. Простите, что не буду отрабатывать, я ещё на больничном.

Слава нарочито тяжело поднимается из кресла, хотя ноге и стало гораздо лучше. Отрабатывать положенный месяц он не собирается, не под началом старого друга Германа.

— Помнишь, что я тебе говорил перед этим заданием?

Вопрос застаёт Славу в шаге от двери, и он застывает, почти коснувшись ручки кончиками пальцев.

— Ты всё ещё можешь рассчитывать на нас, если что-то случится.

Слава прикрывает глаза, сжимая руку в кулак, но так и не оборачивается.

«Рассчитывать? Вы уверены?» — сглатывает Слава вопрос, не позволяя ему родиться.

— И спасибо, что нашёл того, кто стоял над ними.

В этот раз Слава оборачивается. Переступает так резко, что бедро простреливает болью, и он шипит от неожиданности, накрывая ладонью прикрытую брючиной поджившую рану.

Фёдор Игнатьевич сидит, всё так же сцепив пальцы в замок и взгляд у него пристальный и холодный.

— Я верю в справедливость, Владислав Аринович. И мне, так же как и тебе, не нравится, когда страдают невинные. И не важно, с какой они стороны, иначе бы я не создал этот отдел.

Слава медленно кивает, принимая чужие слова.

— К сожалению, даже лучшие из нас могут переступить черту и не пожелать вернуться, — Фёдор Игнатьевич отодвигается, опираясь на спинку кресла. — Успешного поступления тебе, Слав. И постарайся не теряться.

Слава кивает и прощается на автомате, разворачиваясь и выходя за дверь. В голове сумбур и один единственный вопрос, который он не задаст: «Это было такое признание?»

* * *

Когда Сабина сказала: «У нас есть место для вашего первого полнолуния» Слава ей не поверил. Однако сейчас, оглядывая небольшой подвал с крепкой металлической дверью, кольцами в стенах и цепями в углу, сомнений больше не остаётся.

— Признайся честно, вы здесь раньше свою добычу пытали?

Слава не знает, шутит он или говорит серьёзно, но от одного вида пустых серых стен и цепей у него мурашки по спине ползут.

— Обычно мы не приносим работу на дом, — шутит Сабина. — Эй, ты чего?

— Демид, — вместо ответа зовёт Слава, подступая ближе. — Вы уверены, что это пригодится? Может, обойдёмся кругом из соли? Или ты просто рядом с ним побудешь?

— Всё в порядке, — отмахивается Демид и цепь звенит, металлической змеей растягиваясь от пола до его ладоней. — Не переживай.

— Его уже приковывали, — напоминает Слава, оглядываясь на присевшего у стены на туристическую пенку Богдана. Он не смотрит по сторонам, опустив голову и что-то вычерчивая на бетонном полу. Только присмотревшись, Слава понимает, что делает он это когтями.

— Всё будет в порядке, и я буду с ним.

Тихое рычание доносится со стороны Богдана и Демид отзывается, недовольно оскаливаясь в его сторону:

— Богдан, прррекрати!

Худая фигурка замирает, вжимая голову в плечи и сутулясь ещё больше, а из сжатых в кулаки рук на бетон капают алые капли.

— Может мне тоже... — заикается Слава, и глаза Демида вспыхивают рыжим огнём. — Хорошо. Раз ты так говоришь.

— Следующее полнолуние мы проведём иначе, — обещает Демид и, хлопнув свободной рукой по плечу Славы, снова командует в другую сторону: — Богдан, поднимайся!

Слава ещё какое-то время наблюдает за действиями Демида, за тем, как уверенно он защёлкивает широкие браслеты на запястьях и цепляет другие концы цепи к кольцам.

Богдан не противится, но пристальный взгляд сияющих жёлтым глаз и чуть приподнятая верхняя губа говорят о том, что тот едва сдерживается.

— Всё будет хорошо. Демид поможет тебе с этим справиться, — обещает Слава тихо и отступает, позволяя Сабине вывести себя из подвала и закрыть тяжёлую металлическую дверь.

— Неприятное зрелище? — спрашивает она, когда они поднимаются на первый этаж.

— Неприятные ассоциации и воспоминания, — поправляет Слава и ловит выскочившую из-за угла Аню на руки. — Поймал!

Аня смеётся, пытаясь вывернуться, но Слава держит крепко, так что спустя совсем немного времени она затихает, цепляясь за плечи. Кончики острых коготков покалывают кожу сквозь джемпер.

— Кто у нас егоза?

— Я не егоза, я волчонок!

Её глаза сияют жёлтым огнём, в котором нет-нет да проскальзывают рыжие искорки — дар матери альфы, что где-то глубоко спит в Ане. О том, что он будет делать с двумя альфами под боком, если когда-нибудь в дочери проснётся эта сила, Слава старается не думать.

— Самый настоящий! — обиженно заявляет Аня посмеивающейся рядом Сабине. — Я покажу! Пап, можно? Можно же?

— Сабин?

— Во дворе. Отец ушёл проверить лес, так что туда не стоит.

Слава кивает и, ткнув пальцем в кончик носа Ани, отвечает:

— Слышала? За забор выбегать нельзя!

— Да! А дядя Демид и дядя Богдан будут?

— Не сегодня. Иди, жди у двери.

— Хорошо!

Аня убегает, на ходу стягивая через голову розовую кофточку и исчезая из виду.

— Ты со мной?

— Не могу упустить возможности потискать оборотня, — смеётся Сабина, вытаскивая из шкафа куртку.

* * *

Снег хрустит под тяжёлыми ботинками, когда Слава, спустившись с крыльца, садится на складной стул. Рядом на точно такой же стул опускается Сабина, кутаясь в тёплый, объёмный шарф. На чистом тёмном небе, будто жемчужина, сияет полная луна.

Мимо на всех парах проносится волчонок. Аня резво ныряет в кучу снега сбоку от очищенной дорожки и выбирается из него уже вся белая.

— Спасибо, — тихо благодарит Слава, когда Аня скрывается за углом дома. — За всё.

— Прекращай, — Сабина пихает его в бок и усмехается. — Мы же друзья. Тем более ты тоже не раз прикрывал мне спину.

— А ещё попусту срывал с места.

— Да ладно. Зато мы отдохнули. Давно хотела к морю. Погода не плавательная конечно, но нам понравилось. И мама твоя хорошо готовит. Так что, считай, благодаря тебе мы побывали в отпуске. И впервые увидели море.

— Реально впервые?

Смущённо улыбнувшись, Сабина пожимает плечами.

— Как-то так вышло.

Выскочив с другой стороны дома, Аня валится перед ними на спину, подставляя животик.

— Погладь. Ты же хотела потискать волчонка, — смеётся Слава и Сабина неуверенно и очень осторожно протягивает руку. — Не бойся. Не укусит.

Аня порывается, когда Сабина принимается почёсывать пушистый животик и Слава на мгновение жалеет, что оставил мобильник в доме. Фотография бы вышла презабавная, однако идти за ним совершенно не хочется.

Они сидят у крыльца до тех пор, пока Аня не выдыхается, появляясь перед Славой с высунутым языком. Она засыпает на руках, едва успев перекинуться и одеться. Ближе к утру уходит Сабина, обозвав Славу ненормальной совой и подкинув плед.

Меньше чем через час Слава спускается в подвал и, открыв дверь, замирает на пороге.

Богдан всё ещё прикован цепями, однако одежда на нём кое-где порвана и пропитана кровью. Демид тоже выглядит немногим лучше. Однако оба ведут себя спокойно и расслабленно.

— Завтракать будете?

Две пары глаз тут же вспыхивают, и взгляды устремляются в его сторону.

— Не меня, если что, — тут же поправляется он. — Меня есть нельзя.

Богдан фыркает смешливо и совсем по-звериному, на что Слава просто грозит ему пальцем.

— Как всё прошло? — спрашивает он, приближаясь и помогая снять с Богдана цепи, что немного затрудняется тем, что тот так и норовит ткнуться носом в плечо. — Хей, хватит меня обнюхивать!

— Знакомый запах успокаивает. Даже если ты человек, ты всё равно в стае, а у него была тяжёлая ночь, — поясняет Демид и Слава кивает. Теперь во взгляде Богдана и в его поведении не чувствуется ни капли агрессии или враждебности.

— У тебя, судя по всему, не лучше. Похожи на двух бойцовых пс... волков. Идите-ка вы в душ, а я чего-нибудь соображу. Сабина отдала кухню в моё распоряжение.

Слава смеётся на тихое звериное ворчание, что вырывается из горла Демиды, и впервые за последний месяц чувствует себя спокойно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net